

В. М. Алпатов
Япония:
язык и общество

Содержание

- ...
  - Содержание
  - Предисловие ко второму изданию
  - Введение
  - Список японских терминов
  - Условные сокращения
- Немного истории
- Языковая ситуация в современной Японии
  - Распространение литературного языка
  - Литературный язык и бунго
  - Корейский, айнский и английский языки в Японии
- Японская письменность сегодня
  - Иероглифы и кана
  - Полезны или вредны иероглифы?
  - Как строится японский письменный текст
  - Японская письменность в наши дни
  - Латиница в Японии
- Японская вежливость
  - Вежливые и невежливые формы и слова
  - Когда употребляются формы вежливости?
  - Формы вежливости прежде и теперь
- Как говорят японки
  - Статус японских женщин и язык
  - Будут ли мужчины и женщины говорить одинаково?
- Катаканский язык
  - Особенности японских заимствований
  - Гайрайго и американизация японской массовой культуры
- Изучение и регулирование языка
  - Социолингвистика в Японии
  - Язык и массовая коммуникация
- Японский язык в современном мире
  - «Японский язык очень труден»
  - Программы обучения японскому языку
  - «Мир должен говорить по-японски»
- О двух разновидностях устного и письменного вариантов современного японского литературного языка
- Новые дискуссии о будущем японской письменности
- Судьба айнского языка
- Литература

Предисловие ко второму изданию

Первое издание книги «Япония: язык и общество» вышло в 1988 г. и уже давно отсутствует в продаже. Встал вопрос о новом издании.

Безусловно, книга, изданная более десяти лет назад, а написанная в основном в 1985 г., уже не может отражать во всем многообразии как современную японскую ситуацию, так и современный уровень развития науки. Однако, как нам представляется, достаточно стабильная языковая ситуация в Японии все-таки изменилась с тех пор не так уж сильно и сделанные в книге наблюдения и выводы в основном сохраняют силу и для нашего времени. Кроме того, у нас не было возможности изучить за эти годы языковую ситуацию в Японии столь же детально, как это нам удалось сделать во время годичной командировки в 1984—1985 гг. Те наблюдения, которые мы могли сделать во время коротких пребываний в стране в 1990—2001 гг., не дают оснований говорить о каких-то очень существенных переменах. Конъюнктурной правки, на наш взгляд, книга также почти не требует. Поэтому мы сочли возможным переиздать книгу лишь с незначительной правкой.

В то же время мы решили добавить к тексту книги три статьи, написанные и опубликованные в 90-е гг. и по тематике примыкающие к книге. Некоторые проблемы, затронутые в книге «Япония: язык и общество» (иероглифика и интернационализация Японии, положение айнского языка и др.), изложены в статьях подробнее. Кроме того, статьи содержат некоторые факты и примеры, относящиеся уже к 90-м гг.

Эти статьи публиковались в следующих изданиях:

- Новые дискуссии о будущем японской письменности // Япония. 1991—1992. М., 1994.
- Судьба айнского языка // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М.: МГУ, 1994; 1997.
- О двух разновидностях устного и письменного вариантов современного японского литературного языка // Устные формы литературного языка. История и современность. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Последняя из статей несколько сокращена за счет повторений примеров, имеющих и в книге «Япония: язык и общество». В ней также выправлены опечатки, которых в книге «Устные формы литературного языка» оказалось недопустимо много.

Кроме того, в издательстве «Муравей» предполагается издание в виде отдельных брошюр еще двух наших статей по сходной проблематике:

- Литературный язык в России и Японии: опыт сопоставительного анализа (первая публикация: Вопросы языкознания. 1995. № 1).
- Многоязычие в Японии (первая публикация: Япония. 1994—1995. М., 1996).
- Количество литературы по данной проблематике, вышедшей за прошедшие годы, очень велико. Упомянем лишь самые важные работы:
- Shibamoto J S Japanese Woman's Language. Orlando — San Diego — New York — Tokyo, 1985.
- Suzuki T Reflections on Japanese Language and Culture. Tokyo, 1987.
- Shibatani M. The Languages of Japan. Cambridge, 1990.
- Multilingual Japan. Ed. by J. C. Maher and Kyoko Yashiro. Clevedon — Philadelphia — Adelaide, 1995.
- Loveday L. Language Contact in Japan. A Socio-Linguistic History. Oxford, 1996.
- Маевский Е В. Графическая стилистика японского языка. М., 2000.

Введение

Все знают, что язык представляет собой общественное явление. Любая языковая система функционирует и развивается в обществе, обслуживая те или иные цели человеческой коммуникации. Социальное функционирование языка — очень важная проблема, между тем многое здесь до сих пор изучено недостаточно.

Выполнение языком общественных функций имеет как общие закономерности, так и специфические стороны, различные для каждого конкретного языка и обусловленные в первую очередь общественным строем, уровнем развития общества, а также особенностями национальной культуры и структуры языка. Язык — один из важнейших элементов культуры любого народа, поэтому исследование общественных процессов в той или иной стране неполно без рассмотрения социолингвистической проблематики.

В этой связи интересен материал современной Японии. Общественное функционирование японского языка во многом сходно с функционированием других языков развитых капиталистических государств; однако есть немало и специфически японского. Некоторые проблемы, острые для других государств, для Японии относительно второстепенны (языки национальных меньшинств, двуязычие), с другой стороны, встают вопросы, мало-значимые для других стран (рационализация письменности, расхождения мужского и женского языков). Специфические особенности имеют проблемы языковой нормы, диалектов, распространения японского языка как международного и многие другие.

Изучение языковых аспектов современного японского общества небезынтересно и для понимания социальных процессов в целом. Может быть, ни в одной из развитых капиталистических стран язык не дает столь много информации об этих процессах, как в Японии. Социальные отношения между людьми отражаются в сложных правилах пользования формами вежливости; речевое поведение женщин и даже особенности их языка выявляют их подчиненное положение в обществе; японский язык сохраняет следы многовековой изоляции Японии, но в то же время в нем проступают черты американизации японской массовой культуры. Все эти вопросы мы постараемся рассмотреть в книге.

Социолингвистические исследования проводятся в современной Японии, однако они имеют специфическую окраску и представляют собой составную часть японской языковой культуры. В СССР анализ языковых проблем японского общества был начат в 20—30-е годы нашими крупнейшими учеными Е. Д. Поливановым и Н. И. Конрадом. Позже много для изучения этих вопросов сделал С. В. Неверов, особо следует отметить книгу [Неверов, 1982], в которой детально проанализированы теоретические основы японской социолингвистики и японской языковой политики. В то же время в советской японистике еще не было исследования, где бы давался общий очерк тех повседневных языковых проблем, с которыми сталкиваются современные японцы, и способов их решения. Мы не претендуем на полный охват этих проблем, однако постарались в той или иной мере осветить наиболее важные из них.

Предлагаемая работа не является систематическим описанием современного японского языка. Сведения по фонетике, грамматике и письменности приводятся лишь настолько, насколько это необходимо для понимания социолингвистических проблем. Терминология максимально упрощена, для того чтобы работа была понятна читателю-нелингвисту. Некоторые японские термины (не выходящие за пределы школьных), употребляемые нами, поясняются в приложении. Примеры из японского языка приводятся в стандартной русской («поливановской») транскрипции, за исключением случаев, когда текст в оригинале записан латиницей, которая сохраняется.

Материал книги в значительной степени был собран автором во время командировки в Японию по линии Японского фонда в 1984—1985 гг.; наряду с примерами, взятыми из литературы, использованы результаты собственных наблюдений. Автор благодарит сотрудников Государственного института японского языка, Института культуры передач при радио- и телекомпании NHK и профессора Сибата Такэси за консультации и помощь в получении материалов для написания этой книги.

Список японских терминов:

- бунго — старописьменный японский язык на основе языка Киото VIII—XII вв., использовался в качестве литературного языка в Японии со средних веков до середины XX в.;
- гайрайго — заимствования, пришедшие в японский язык за последние четыре века, преимущественно из западноевропейских языков;
- «дзёё-кандзи» — список из 2111 иероглифов, которыми рекомендуется ограничиваться; действует с 1981 г. вместо «тоё-кандзи»; в 1990 г. расширен до 2229 иероглифов;
- кана — общее название для японских слоговых азбук;
- канго — слова, образованные из корней, пришедших в японский язык из китайского вместе с иероглифической письменностью,
- катакана — один из двух видов японской слоговой азбуки, используется в основном для записи новых заимствований (гайрайго);
- коё-го — современный литературный язык, сформировавшийся во второй половине XIX в. на основе токийского наддиалектного образования в противоположность бунго;
- кунное чтение иероглифа — корень исконно японского слова, записываемый иероглифом;
- онное чтение иероглифа — чтение иероглифа в среднекитайском языке, заимствованное японским вместе с иероглифом и подвергнувшееся фонетическим преобразованиям; из онных чтений образуются канго;
- «тоё-кандзи» — список из 1850 иероглифов, которыми рекомендовалось ограничиваться, действовал в 1946—1981 гг.;
- фуригана — знаки каны, приписанные сбоку иероглифов, используются для облегчения чтения иероглифов или в стилистических целях,
- хирагана — один из двух видов японской слоговой азбуки, используется в основном для записи грамматических элементов.

Условные сокращения

Языки и диалекты

англ.	английский
голл.	голландский
нем.	немецкий
порт.	португальский
русск.	русский
фр.	французский
яп.	японский

Библиографические сокращения

ВФ	Вопросы философии
ВЯ	Вопросы языкознания
JFAR	The Japan Foundation Annual Report. Tokyo
JFN	Japan Foundation Newsletter. Tokyo
PJL	Papers in Japanese Linguistics. University of Southern California

Немного истории

Тема предлагаемой работы — языковая ситуация в Японии в 80–90-е годы XX в. Однако для должного понимания современных социолингвистических проблем необходимо кратко охарактеризовать, как сложилась эта ситуация. Мы не имеем возможности рассмотреть здесь всю историю социального функционирования японского языка; эта проблематика изучена в ряде работ как в Японии [Бунтайси, 1972], так и в нашей стране [Конрад, 1960].

Как известно, переломным моментом японской истории была буржуазная революция 1867–1868 гг. Последовавшая за ней эпоха была периодом формирования и развития японского капитализма, активной европеизации японской культуры. Многие из того, что осталось от феодальных времен, не соответствовало новым общественным отношениям. Одной из проблем, требовавших скорейшего решения, была проблема языка.

Для феодальной Японии был характерен типичный для феодальных государств разрыв между разговорным и литературным языком. Население Японии говорило на многочисленных сельских и городских диалектах, причем в условиях феодальной раздробленности и географической обособленности различных районов страны диалектные различия были значительными. Носители достаточно удаленных диалектов не могли понимать друг друга, в то же время они, как правило, не владели какой-либо общей языковой системой.

Единственным сформировавшимся литературным языком в Японии до второй половины XIX в. был старописьменный японский язык, или бунго [Этот термин буквально означает «литературный язык» и представляет собой кальку с голландского. Он распро-

странился уже после революции 1867–1868 гг. (ранее общепринятого термина не было, так как бунго считался единственным «настоящим» языком в противоположность «простонародным» диалектам). Историю этого термина и противопоставленного ему термина «кого» (см. [Фурута, 1982]). Наряду с бунго использовали и японизированный китайский язык (так называемый камбун), господствовавший до XIX в. в сфере официальной документации и в конфуцианской науке. Бунго сложился в эпоху Хэйан (IX–XII вв.) на диалектной основе Киото, столицы Японии того времени. Первоначально бунго мало отличался от языка, на котором говорили высшие социальные слои столицы, но постепенно разрыв между устной речью и письмом становился все заметнее. Устная речь не кодифицировалась, а язык, лежащий в ее основе, постоянно изменялся. При написании текстов на бунго первоначально происходила ориентация на язык авторитетных памятников как на образцовый, а с XIII в. началось установление языковых норм. Идея об историческом развитии языка была чужда японским филологам феодальной эпохи, нормирование языка понималось как следование литературе VIII–XII вв. и очищение его от «порчи», т. е. от элементов, появившихся позже, и от диалектизмов. Японские филологи, особенно ученые XVII — начала XIX в., создали весьма изощренную технику вплоть до довольно совершенных методов фонетической реконструкции с целью сохранить бунго в неизменном виде (см. [Алпатов, Басе, Фомин, 1981]). Уже к XIII–XIV вв. орфография бунго была далека от реального произношения, а в XIX в. бунго представлял собой особый язык, никому не понятный без специального обучения.

Бунго использовался по всей Японии, на нем создавались произведения художественной литературы, а позднее и некоторые научные сочинения. Крупнейшие японские писатели XVII–XIX вв.: Ихара Сайкаку, Тикамацу Мондзаэмон, Дзиппэнся Икку и другие — вводили в произведения разговорные элементы своего времени, однако основой их авторского текста был все же бунго (анализ языка этих писателей см. [Сыромятников, 1978, с. 14–30]). Безусловно, бунго, давно потерявший разговорную основу и употреблявшийся лишь на письме [Произносительных норм бунго никогда не существовало, каждый носитель японского языка читал тексты на бунго вслух на своем диалекте (а после создания нового литературного языка — обычно на нем); существовавшие традиции произношения (например, в театре) были скорее жанровыми.], не годился на роль общенародного языка буржуазной Японии.

До буржуазной революции 1867–1868 гг. все формы существования японского языка, за исключением бунго, были территориально ограничены. Это определялось тем, что на большей части территории страны, особенно в сельской местности, просто не было необходимости в междиалектном общении. Прикрепление крестьян к земле, запрещение передвижения для значительной части населения в Японии XVII–XIX вв. способствовали консервации диалектной раздробленности. Лишь три языковых образования в Японии того времени (не считая бунго) выходили за рамки обычного диалектного использования.

Во-первых, это столичный, киотоский диалект. Он считался наиболее престижным, что отмечали и первые европейцы, побывавшие в Японии в XVI–XVII вв. (см. [Сыромятников, 1965, с. 4]); он был известен и за пределами Киото, а в конце XVI — начале XVII в. предпринимались попытки создания на нем литературных произведений (см. [Сыромятников, 1965, с. 16–34]). Однако выдвижение Эдо как экономического и политического центра Японии прервало складывание литературного языка на киотоской основе.

Во-вторых, это диалект Сюри (окинавский), использовавшийся как средство междиалектного общения на о-вах Рюкю. В период независимости этих островов (1429–1609), а затем их полунезависимого существования (1609–1872) на основе диалекта Сюри сло-

жился определенный языковой стандарт; появились и литературные тексты, написанные по-окинавски. Однако формирование этого стандарта было прервано в конце XIX в. в результате общегосударственной языковой политики, направленной на единство литературного языка во всей Японии. [В западноевропейской и отечественной литературе конца XIX — первой половины XX в., начиная с работ Б. Х. Чемберлена, употреблялось название «рюкюский язык», иногда существующее и в настоящее время. Сейчас в Японии говорят только о рюкюских диалектах, что с социалингвистической точки зрения оправдано, поскольку о-ва Рюкю, как и вся остальная территория Японии, обслуживаются литературным японским языком.]

В-третьих, это так называемый эдоский (токийский) диалект. Это традиционное название нельзя признать точным. С одной стороны, данное языковое образование использовалось не во всем Эдо (с 1868 г. — Токио), а лишь в его западной, нагорной части (Яманотэ), более зажиточной и престижной по социальному составу; говор восточной, приморской, части города (Ситамати) имел значительные особенности, не исчезнувшие до конца даже в наши дни (к этому вопросу мы еще вернемся); говор Ситамати был ближе к окружавшим Эдо сельским диалектам Восточной Японии. С другой стороны, так называемый эдоский диалект был скорее наддиалектным образованием, включавшим в себя элементы разного происхождения. С XVII в. Эдо стал ведущим политическим и экономическим центром страны, в котором постоянно сталкивались выходцы из различных районов Японии. В течение двух веков сложилось эдоское наддиалектное образование, где на восточнояпонскую диалектную основу наложился элементы других диалектов, носители которых попадали в Эдо, особенно диалекта Киото и диалектов по дороге из Киото в Эдо, в частности диалекта провинции Микава (см. [Harada, 1966, с. 80]). Фонетика и акцентуация эдоского наддиалектного образования были чисто восточнояпонскими, но грамматика и лексика приобрели немало элементов иного происхождения, отсутствовавших в говоре Ситамати. Как указывает лингвист Танака Акио, эдоское наддиалектное образование было первоначально употребительным в самурайской среде; основная линия развития была следующей:

1. язык эдоских самураев;
2. язык зажиточных горожан верхней части Токио;
3. язык верхней части Токио;
4. стандартный японский язык (использован материал доклада Танака Акио в Токийском муниципальном университете 8 декабря 1984 г.)

Хотя до революции 1867–1868 гг. эдоское наддиалектное образование не употреблялось на письме, оно считалось престижным и благодаря переездам самурайского и отчасти торгового населения было известно и за пределами Эдо (Токио), ставшего с 1868 г. столицей страны.

Изменившиеся в связи со становлением капитализма социальные условия — формирование единого рынка, рост миграций населения и расширение контактов между людьми, развитие культуры, науки и техники — требовали создания языка, на котором могло бы общаться все население Японии. По вопросу о том, как строить этот язык, первоначально существовали разные мнения. Влиятельный политический деятель того времени Мори Аринори даже предлагал отказаться от японского языка как неадекватного новым задачам и перейти на английский (см. [Miller, 1977, с. 41–43]). Были и сторонники сохранения бунго, который во второй половине XIX в. даже расширил свое функционирование: после выхода из активного употребления японизированного китайского на бун-

го была переведена официальная документация, в созданной в эти годы системе школьного обучения бунго занимал большое место.

Однако единственным реальным выходом из положения было формирование литературного языка на разговорной основе. Особая роль токиоского наддиалектного Образования привела к тому, что с самого начала новый литературный язык складывался на его базе. При этом происходило пополнение языка и за счет других источников. Продолжалось, особенно на первых порах, воздействие других диалектов, в частности диалектов провинций Сацума, Нагато, Тоса, носители которых играли заметную роль в буржуазной революции (см. [Nagada, 1966, с. 80–83]). Но более важным было влияние бунго. Отвоевывая у бунго один функциональный стиль за другим, новый литературный язык, получивший наименование «кого» [Этот термин означает «разговорный язык», также представляя собой кальку с голландского. Широкоупотребительный до войны, сейчас он встречается редко, поскольку противопоставление «кого — бунго» перестало быть актуальным. Литературный язык в противоположность диалектам и другим некодифицированным формам языка называется «хёдзюнго» («стандартный язык») или (в последнее время чаще) «кёцуго» («общие язык»).], включал в себя лексику, характерную для данного стиля; значительная часть культурной лексики и терминологии, употребительной до сих пор, первоначально была принадлежностью бунго. Заметны заимствования из бунго и в грамматике. Показатель долженствования -бэки, показатель местного падежа нитэ, показатель исходного падежа ёри еще в средние века исчезли из разговорного языка, но сохранились в бунго, откуда перешли в новый литературный язык, существуя в нем и сейчас. Как писал Н. И. Конрад, «из соприкосновения с гибким и выразительным... языком новый... язык вышел обогащенным, и притом не чуждыми ему элементами, а элементами, ему близкими» [Конрад, 1937, с. 10]. Наконец, большое количество слов, обозначающих новые понятия (включая заимствования), появлялось уже в самом кого без посредства бунго или диалектов.

В течение более полувека в Японии существовали два литературных языка — бунго и кого. Конечно, сильно упрощенным было представление наших японистов 30-х годов о бунго как «феодалном» и кого как «буржуазном» языке (см. [Конрад, 1937, с. 17–18]), но само сосуществование этих двух языков было следствием противоречивой социальной структуры японского общества конца XIX — первой половины XX в., когда развитие капитализма сопровождалось наличием значительных феодальных пережитков. Сохранению бунго способствовал его многовековой авторитет, поддерживавшийся японскими правящими кругами. Еще в 1941 г. известный языковед Токиэда Мотоки писал, что для японцев бунго и кого различаются не как разные исторические фазы японского языка, а прежде всего как его более и менее престижные варианты [Токиэда, 1983, с. 93].

Однако, как справедливо указывал Н. И. Конрад, существование двух литературных языков не может удерживаться долго [Конрад, 1960, с. 49]. По мере своего совершенствования кого отвоевывал один функциональный стиль за другим. Уже к концу XIX в. он завоевал позиции в художественной прозе (в поэзии бунго оказался более стойким). Крупные писатели конца XIX — начала XX в., прежде всего Фтабатэй Симэй и Ямада Бимё (бывший также и языковедом), а затем Нацумэ Сосэки, Симадзаки Тосон, Сига Наоя и другие сыграли значительную роль в формировании нового литературного языка и в укреплении его авторитетности. К концу XIX в. на кого стала издаваться и периодика, хотя в газетном языке влияние бунго на него оказалось особенно значительным. Новые сферы коммуникации, в частности радио, с самого начала обслуживались кого. Медленнее шел процесс замены литературного языка в сфере науки: еще в 20–30-е годы при написании

научных трудов нередко использовался бунго; однако в предвоенные годы кого и здесь стал превалировать. Единственной областью, в которую вплоть до разгрома японского милитаризма не допускался новый язык, была официальная документация: императорские указы, законы, юридические документы, воинские приказы и донесения, деловые бумаги, официальные письма и т.д. составлялись на бунго (подробнее историю распространения одного языка в разных сферах коммуникации см. (Конрад, 1960)).

К концу XIX в. в Японии была создана современная система образования, и еще до начала второй мировой войны Япония была страной сплошной грамотности. Основой школьного обучения стало преподавание единого для всей страны литературного языка. До войны в школах изучали бунго и кого, но если нормы бунго были разработаны еще давно, то нормы кого фиксировались уже в ходе распространения преподавания на нем, что поначалу создавало немало трудностей. Формирование официальных норм кого задерживалось отчасти из-за позиции японских лингвистов, которые долго единственным достойным внимания объектом исследования считали бунго. Первая достаточно полная нормативная грамматика кого была выработана министерством просвещения лишь в 1917 г. Однако к 40-м годам современным литературным языком владела, хотя бы на письме, уже значительная часть населения Японии. Языковая политика до войны была связана с распространением литературных языков, в первую очередь через школу, средства массовой информации играли тогда подчиненную роль. Диалекты рассматривались как «порча» языка, задачей образования считалось их искоренение, однако основная масса населения, осваивая в той или иной мере литературный язык, продолжала использовать и диалекты.

Нормализаторская функция в довоенный период была сосредоточена в министерстве просвещения, которое утверждало учебники и практические грамматики. Нормы кого были достаточно разработаны лишь в отношении грамматики и орфографии, причем орфографические правила повторяли правила бунго и были основаны на традиции, мало соответствовавшей реальному произношению. Орфоэпические нормы разрабатывались слабо, хотя школьников и старались отучать от явно диалектных черт, а нормам ударения не учили совсем. Обучение в то время было обучением не столько литературному языку, сколько чтению и письму на литературном языке.

Ситуация в стране резко изменилась после поражения империалистической Японии во Второй мировой войне в 1945 г. Крах реакционной политической системы, режим американской оккупации, ликвидация феодальных пережитков, культурная переориентация — все это не могло не сказаться и на языковой ситуации. При этом влияние социальных изменений было двояким: с одной стороны, нарушалась стабильность старых норм, с другой — появились возможности для реформ литературного языка и письменности.

В первые послевоенные годы потеряли свою действенность многие культурные стереотипы, внедрившиеся до 1945 г. правящими кругами Японии; до определенной степени к ним причислялись и старые языковые нормы. К этому добавились миграции населения в военное время, нарушившие былую диалектную обособленность, и резко возросшее влияние английского языка. Особенно явно изменилась старая система форм вежливости, где влияние общественных процессов на язык наиболее очевидно. Литература первого послевоенного десятилетия полна рассуждений о нарушении норм языка, о его «порче» и «разрушении», особенно свойственных представителям старшего поколения (см. обзор таких высказываний [Киндайти, 1959, с. 184–191]). Вновь появились предложения о радикальном преобразовании японского языка, вплоть до возрождения идей о полном отказе

от него, что предлагал авторитетный писатель Сига Наоя. Прогрессивные деятели того времени, в частности писатель Такакура Тэру, призывали коренным образом изменить языковую норму, приблизив ее к «языку простого народа»: предлагалось упразднить или свести к минимуму иероглифику, исключить из языка формы вежливости, ставилась задача развить в японском языке отсутствующие в нем категории числа и лица (см. [Конрад, 1948; Абуков, 1959]).

Подобные предложения не имели реальной базы. Однако в условиях серьезных социальных изменений удалось провести ряд языковых реформ. Сразу после войны прекратилось использование бунго в его последней сфере — официальной документации. Это привело к почти полному выходу бунго из активного употребления. Осуществились и реформы письменности. Написания японской азбукой — каной — приблизились к литературному произношению, исторические написания, за небольшим исключением, были отменены. Предпринимались и меры по ограничению иероглифики. Вскоре после войны был составлен иероглифический минимум «тоё-кандзи» из 1850 иероглифов. Хотя он имел силу закона лишь для учебной литературы, выпускаемой министерством просвещения, его создание оказало несомненное влияние на употребление иероглифики. Упрощению подверглось и написание ряда иероглифов.

После войны в Японии остро встала задача нормирования языка. Было необходимо завершить установление языковых норм и привести уже существовавшие нормы в соответствие с реальностью. Эта деятельность рассматривалась как общегосударственная задача, к ее решению привлекались ведущие языковеды страны. В 1948 г. при министерстве просвещения был создан Государственный институт японского языка, ставший ведущим центром нормализаторской деятельности. В связи с повышением в японском обществе роли средств массовой информации, особенно радио, а затем телевидения, подобная деятельность начала активно осуществляться и информационными учреждениями, в первую очередь государственной радио- и телекомпанией NHK. В первые 10–15 лет после войны нормы литературного языка были разработаны там, где они отсутствовали (произношение и ударение), заново установлены там, где язык заметно изменился (формы вежливости), уточнены и скорректированы там, где они существовали и раньше.

К концу 50-х годов подобная деятельность в основном завершилась, в японской языковой политике произошел переход от этапа установления норм к этапу их поддержания и совершенствования (см. [Neustupny, 1978, с. 269–278]). Постепенно уменьшились, хотя и не исчезли совсем, жалобы на «порчу» и «разрушение» языка. Японский литературный язык вступил в фазу относительно стабильного существования, этот период продолжается и поныне. Далее мы рассмотрим особенности функционирования японского языка именно на этом этапе.

Языковая ситуация в современной Японии

Распространение литературного языка

С 1945 г. единственным официальным языком Японии стал современный японский литературный язык, история формирования которого излагалась выше. Это единственная форма существования японского языка, способная обслуживать все сферы общения. Система литературного языка противопоставлена, во-первых, некодифицированным формам существования японского языка — территориальным, социальным диалектам, просторечию; во-вторых, ограниченно функционирующему бунго; в-третьих, языкам национальных меньшинств — корейскому и почти исчезнувшему айнскому; в-четвертых, получившему определенное распространение английскому языку. В данной главе система литературного языка будет условно рассматриваться в своем единстве, хотя она имеет разного рода варианты: устные и письменные, разговорные и книжные, мужские и женские; об этих вариантах говорится в последующих главах.

В целом практически все население современной Японии в той или иной степени владеет литературным языком. Имеются два основных источника его распространения — школа и средства массовой информации.

«В настоящее время по распространенности среднего образования Япония стоит впереди всех остальных индустриально развитых капиталистических государств (практически грамотно все население страны)» [Березина, 1985, с. 14]. [Данные о проценте грамотных в Японии противоречивы: пишут о том, что еще в 1948 г. неграмотных, включая лиц, знающих только кану, было лишь 2,1% населения [Иман, 1980, с. 32], что среди детей не поддается обучению грамоте 0,98% [Ямада, 1984а, с. 87]; однако утверждается и то, что в Японии около 5% неграмотных [Grootaers, Shibata, 1982, с. 329; Miller, 1982, с. 186].] Сейчас неполное среднее (девятилетнее) образование получают практически все, полное среднее (двенадцатилетнее) образование — 93,2% мужчин и 95,4% женщин, из числа кончающих девять классов, после этого продолжает обучение в университетах и колледжах 41,3% мужчин и 33,3% женщин (JFN. 1984. Октябрь. С. 4–5).

Другой канал воздействия литературного языка на японцев — средства массовой информации. По данным обследований, лишь 3,6% опрошенных вообще не читают газет, в среднем современный японец в день тратит 44,1 минуты на чтение газет, 24,8 минуты — на чтение книг и 16,8 минуты на чтение журналов; это время сейчас несколько больше, чем раньше; у лиц с невысоким уровнем образования среднее время на чтение газет даже выше, чем у людей с высшим образованием (Симбун. 1984, № 1. С. 59). На большую привязанность японцев к чтению (в частности в транспорте) указывают и иностранные, особенно американские, наблюдатели, признающие, что средний японец в отличие от среднего американца еще не отвык читать длинные тексты (Daily Yomiuri. 04.07.1985). Отмечается и бум в основании новых журналов: с 1978 по 1983 г. появлялось по 165–235 журналов в год (Симбун. 1983. № I, с. 93–96). Особенно велико количество женских журналов, общий тираж которых достигает 90 млн. экз.; на японскую семью в среднем приходится 5,7 журнала в месяц, а женщины покупают и выписывают четыре журнала в месяц (Daily Yomiuri. 05.12.1984). Не надо переоценивать эти данные, поскольку значительная часть населения читает только газетные заголовки, подписи под картинками и комиксы. Тем не менее привычка японцев к чтению, несомненно, способствует знанию литературного языка.

Еще большее время японцы проводят за телевизором, который имеется у 99% японских семей [Фирсов, 1985, с. 61]. По данным на 1983 г., среди опрошенных лишь 2,8%

не смотрят телевизор совсем. Среднее время просмотра передач в день — 144,9 минуты (для лиц старше 60 лет — 172,1 минуты) (Симбун. 1984. № 1. С. 60). Отмечают, впрочем, что пик интереса к телепередачам прошел около 1976 г. и среднее время, проводимое за телевизором, сейчас уже меньше (ХБ. 1983. № 9. С. 97). В среднем телезритель, живущий в Токио или его пригородах, за день воспринимает текст, соответствующий 5,5 газетным или 75 книжным страницам (ХБ. 1984. № 10. С. 20); надо учесть, что японский письменный текст из-за иероглифики компактнее соответствующего текста на европейских языках. Заметную роль в жизни японца играет и радио. Телевидение и радио сейчас имеют не меньшее значение в распространении литературного языка, чем школа; отмечается, что именно они прежде всего формируют литературное произношение [Хосоно, 1983, с. 37–38; Накамура, 1984, с. 5].

Все население современной Японии, таким образом, живет в постоянном окружении литературного языка и не может не владеть им. Массовые обследования показывают, что даже среди стариков уже не найти человека, в речи которого совершенно не ощущалось бы влияние литературного языка [Накадзэ и другие, 1983, с. 55]. Степень владения литературным языком, конечно, неодинакова: различия связаны прежде всего с уровнем образования и возрастом. Наиболее четкая возрастная грань наблюдалась в 80-е гг. около 40 лет: люди моложе этого возраста владеют литературным языком заметно лучше и примерно на одном уровне (поскольку эта часть населения, как правило, имеет образование не ниже среднего) [Накадзэ и другие, 1984, с. 21]. Разные уровни языковой системы осваиваются по-разному, акцентуация хуже всего (см. ниже).

Литературный язык и диалекты

В современной Японии литературный язык — единственное или господствующее средство общения на письме и во всех официальных ситуациях (радио, телевидение, лекции, выступления, официальные беседы и т. д.), а также (исключая отчасти Рюкю) при неофициальном общении с посторонними (междиалектном общении).

Однако широкое распространение литературного языка не привело к исчезновению диалектов. Хотя они долго считались «порчей» языка и обладали низкой престижностью, а в задачу школы входило их искоренение, они продолжают сохраняться

Как указывает крупный знаток японской диалектологии В. А. Гротерс, «семейным средством коммуникации» в Японии по-прежнему служит территориальный диалект [Grootaers, Shibata, 1982, с. 329]. Японские дети, овладевая языком в семье, до школы пользуются, как правило, лишь диалектом [Grootaers, Shibata, 1982, с. 338]; это подтверждают и экспериментальные исследования, по данным которых дети лишь после пяти лет начинают осознавать некоторые различия между литературной и диалектной речью [Симидзу, 1983]. Однако окончательный процесс разграничения этих форм речи происходит уже в школе.

Взрослый японец (кроме части образованного населения крупных городов, полностью утратившей диалект) владеет двумя, а то и тремя языковыми системами (не считая иностранных языков), часто очень отличными друг от друга. Особенно сильно отличаются от литературного языка диалекты юга Японии: Окинавы, несколько в меньшей степени Кюсю; заметны и особенности диалектов севера Хонсю. Меньше отличаются от литературного языка диалекты и говоры в районах вокруг Токио, Осаки и Киото, а также на Хоккайдо. Однако даже в приморской части Токио — Ситамати, а также в недавно вошедшей в городскую черту западной и северной части Токио местные говоры имеют некоторые особенности [Ёкота, 1984].

Переход с одной системы на другую, или, как иногда говорят исследователи, «переключение кодов», социально обусловлено. Устойчивость диалектов в Японии во многом, по-видимому, объясняется особенностями японской традиционной культуры, большой ролью противопоставления «свой — чужой» для японского общества. Как пишет современный исследователь культуры Японии, «отношения «индивидуум — группа» в Японии, по единодушному мнению ученых, отличаются от западных. Для японца группа, ее вкусы, интересы необычайно важны, у него четко выражено стремление «быть как все»; группа в большей степени, чем на Западе, влияет на поведение и мировоззрение японцев» [Дьяконова, 1985, с. 97]. «Японцы часто трактуют понятие группы расширительно: группа — это может быть семья, колледж, фирма, страна» [Дьяконова, 1985, с. 99]; в том числе группой может быть и совокупность лиц, проживающих на данной территории. Речевое поведение японцев тесно связано с взаимоотношениями внутри группы, а также с отношением к лицам, находящимся вне ее, существуют специальные исследования этой проблемы (см [Mizutani, 1981, с. 127–139]), с ней нам придется еще не раз сталкиваться в книге. Одним из проявлений вариантов языкового поведения внутри группы и вне ее является различие литературного языка и диалекта в бытовом общении.

Диалект в современной Японии представляет собой в какой-то степени средство объединения некоторой группы — территориальной, а иногда и социальной. Диалект — естественная форма общения со «своими»; чем в большей степени собеседник рассматривается как «свой», тем больше вероятность обращения к нему на диалекте, предельный случай — семья. Но к незнакомому человеку, и тем более к иностранцу, будут обращаться на литературном языке. Выдающийся русский ученый Е. Д. Поливанов, изучая нагасакский диалект, освоил его настолько, что мог на нем говорить; однако это вызвало отрицательное отношение местных жителей [Сугито, 1983, с. 199]: иностранец ни в какой ситуации не может считаться «своим». Не прибегают к диалектам и при общении с людьми, занимающими более престижное социальное положение. Хотя большинство диалектов имеют формы вежливости, диалекты обычно воспринимаются как недостаточно вежливые [Вада, 1979, с. 54–55; Оки, 1980]. Отмечают, что житель деревни или небольшого города обратится к другу на диалекте, к старосте или учителю — на чем-то среднем между диалектом и литературным языком, к постороннему или на телесъемке — на литературном языке [Накадзё и другие, 1983, с. 38]. Нам не раз приходилось наблюдать, как во время телеинтервью люди разного образования и возраста, кроме очень старых, свободно переходили на литературный язык, исключая разве что акцентуацию.

Тенденция использовать различные языковые системы для общения со «своими» и «чужими» ведет к устойчивости диалектов даже в ситуации всеобщего распространения литературного языка. Однако последний не может не оказывать влияние на диалекты. Если функционально роль диалектов в Японии существенно не изменилась по сравнению с довоенным временем, то структурно диалекты уже не те, что раньше. Традиционные диалекты в чистом виде, которые еще в 10-е годы XX в. мог свободно изучать Е. Д. Поливанов, почти исчезли. Так, диалект деревни Миэ, возле Нагасаки, широко известный благодаря трудам Поливанова [Поливанов, 1917], к 1978 г. еще существовал, однако им владело лишь несколько пожилых женщин [Сугито, 1983, с. 195, 209]. При исследовании традиционных диалектов обычно информантами служат люди старше 60 лет, но и их речь не вполне свободна от литературных влияний.

Место старых диалектов занимают новые, в которых существуют как элементы прежних диалектов, так и литературные, а также элементы, которые не существуют нигде, кроме новых диалектов. Структура новых диалектов активно изучается в Японии,

особенно много материала дали обследования, проведенные Государственным институтом японского языка. Отметим два таких обследования в г. Цуруока (префектура Ямагата, на севере Хонсю) в 1950 и 1972 гг.; повторное исследование со вторичным опросом 107 информантов первого обследования дало возможность выявить тенденции развития языка [Тиики, 1974].

Оказывается, что различные диалектные особенности обладают разной устойчивостью. Наименее устойчивы фонетические и фонологические признаки, здесь, вероятно, сказывается явная непрестижность диалектного произношения. Так, согласные звуки типа кв, гв отмечены у 18,5% информантов в г. Цуруока в 1950 г. и у 2% в 1972 г., смягчение согласных перед е — у 31,9% в 1950 г. и у 5,8% в 1972 г. [Тиики, 1974, с. 117]. У лиц среднего и младшего поколений в 1972 г. подобные явления не отмечались вовсе. Среди информантов моложе 25 лет ни одна из диалектных фонологических особенностей в 1972 г. не отмечалась более чем у 12% испытуемых [Тиики, 1974, с. 300–303]. Итак, стандартная система фонем обычно свойственна и новым диалектам типа того, на котором сейчас говорят в г. Цуруока; впрочем, в крупных городах (Токио, Осака, Киото, Нагоя) фонологические системы и раньше были почти идентичны.

Более сложные процессы происходят в лексике и грамматике. Лексика — самая подвижная часть языковой системы, многие диалектные слова заменяются литературными, но ряд единиц сохраняется. Все же в целом в г. Цуруока количество информантов, употребляющих диалектную лексику, было в 1972 г. менее 50% [Тиики, 1974, с. 146–155], хотя по некоторым словам процент много выше. В области грамматики диалектные особенности обычно не столь велики, однако часть из них очень устойчива. Есть даже грамматические показатели, ставшие употребительнее, чем ранее, и распространенные среди молодежи. Так в г. Цуруока диалектную форму повелительного наклонения использовало в 1950 г. 73,7% информантов, в 1972 г. — 72,6%, но среди информантов моложе 20 лет — 83,3%, показатель направительного падежа са в 1950 г. — 41,8%, а в 1972 г. — 52,5%, в том числе среди информантов моложе 20 лет — 63,3% [Тиики, 1974, с. 137–143] (аналогичные данные см. также [Симидзу, 1983, с. 57–59; Бан, 1984, с. 209]).

Самая устойчивая диалектная черта в японском языке — акцентуация (ударение). Обычно носители этого языка склонны всю жизнь сохранять ту акцентуацию, к которой они привыкли с раннего детства; массовые обследования информантов показывают стойкое сохранение материнской акцентуации даже при перемене места жительства [Сугито и другие, 1984].

Традиционные акцентуационные системы очень устойчивы. Так, в г. Цуруока количество говорящих с литературной акцентуацией ни в одной из групп испытуемых не превышало 40% [Тиики, 1974, с. 129]. В крупном городе Фукуока лица, родившиеся до 1926 г., на 92–95% сохраняют акцентуацию традиционного диалекта, а родившиеся в 1950–1957 гг. — на 65–66% [Хаята и другие, 1984]. Акцентуацию родного диалекта, по крайней мере частично, могут сохранять самые высокообразованные люди. Крупнейший современный японский социолингвист Сибата Такэси в докладе на конференции Кокуго-таккай (общество японского языка) в Нагое в 1984 г. говорил, что он, прожив 45 лет в Токио, не знает литературной акцентуации некоторых слов. Он также указывал, что подобные случаи — причина существования в литературном языке слов с двумя допустимыми ударениями (они составляют 10–12% словаря).

Такое явление отчасти связано с тем, что японское ударение играет меньшую смысловую роль, чем, например, русское; характерно, что слова, различающиеся только ударением, японские ученые считают омонимами. Это подтверждается и психологическими

опытами: японцы не всегда могут правильно воспринять ударение, даже слушая записи собственной речи [Neustupny, 1978, с. 58–73]. В то же время ударение служит четким индикатором того, откуда человек родом. В японских фильмах, в том числе исторических, провинциалы часто говорят на литературном языке, но с диалектной акцентуацией.

В новых диалектах могут появляться и лексические и даже грамматические элементы, отсутствующие как в старых диалектах, так и в литературном языке (см. анализ таких единиц, в том числе грамматических форм приглашения к совместному действию с суффиксом -паэ [Иноуэ, 1982, с. 154–166]). Таким образом, противопоставление «литературный язык — традиционные диалекты» постепенно уступило место противопоставлению «литературный язык — новые диалекты», последние представляют собой новые, сложившиеся в основном в XX в. системы, продолжающие изменяться и развиваться.

Особые лингвистические ситуации, в чем-то полярные, создались на Хоккайдо и Окинаве. На Хоккайдо противопоставление «литературный язык — новые диалекты» существует в наиболее чистом виде. Основную часть Хоккайдо (кроме крайнего юга) японцы заселяли лишь с конца XIX в., сюда переселялись носители самых разных диалектов Японии, за исключением окинавских. Во втором-третьем поколениях их родные диалекты исчезли, и вместо них сформировалось некоторое общехоккайдоское языковое образование, имеющее, впрочем, локальные варианты. Оно может также характеризоваться как новый диалект: система фонем и грамматика вполне литературны, но акцентуация и отчасти лексика имеют отличия от литературного языка, причем в лексике есть специфически хоккайдоские элементы. Особенно показательна акцентуация: победила не литературная, а наиболее простая из контактировавших систем, характеризующаяся фиксированным местом ударения (эта система не была самой распространенной среди первоначальных носителей). Таким образом, и при полном исчезновении традиционных диалектов, как это произошло на большей части Хоккайдо, остается потребность в разграничении систем, употребляемых при общении со «своими» и с «чужими» [Кёцугока, 1965; Игараси, 1982].

Префектура Окинава, состоящая из большого количества мелких, обособленных островов, характеризуется, наоборот, максимальным сохранением традиционных диалектов, очень значительно отличающихся от литературного языка, а иногда и друг от друга. Только там еще можно встретить людей, не знающих литературного языка. В 1972 г. в газетах упоминался случай, когда в суде трое обвиняемых пытались говорить на местном диалекте; их заставили говорить на литературном языке, но двое из них не были в состоянии это сделать, тем не менее в переводчике им было отказано [Miller, 1977, с. 73–74]. Только на Окинаве для междиалектного общения наряду с литературным языком используется и местное наддиалектное образование, о котором мы уже говорили. Хотя окинавская литература с начала XX в. сошла на нет и свободное владение этим образованием сокращается [Кадзика, 1983, с. 33], его значение еще сохраняется, что проявилось в появлении окинавского радиовещания [Нохара, 1983, с. 53].

Окинава — район наименьшей стандартизации японского языка. Однако трудно найти территорию, где бы отсутствие противопоставления литературного языка и диалектов было реальностью. Ближе всего к этой ситуации Яманотэ, т. е. та часть Токио, где формировался современный литературный язык. Но уже говор Ситамати в пределах Токио имеет особенности, к которым относят распространение стяженных форм и слов, где литературным долгим гласным соответствуют краткие, акцентуационные отличия, меньшее число форм вежливости, специфическую лексику [Ёкота, 1984]. Массовое обследование токийских кварталов Нисиката и Нэцу (при территориальной близости первый отно-

сится к Яманотэ, второй — к Ситамати) показало меньшую стандартизованность речи в квартале Нэцу, которая, впрочем, может быть связана и с различиями социального состава населения [Мисоно, 1982; Огино, 1983].

Итак, диалектная дробность Японии остается значительной, позиции диалектов устойчивы, хотя сами диалекты видоизменяются. При этом отношение к диалектам стало во многом не таким, как раньше. В прошлом престижность диалектов была очень низкой и их употребляли прежде всего из-за недостаточного знания литературного языка. Сейчас еще бывают случаи, когда японцы скрывают знание диалекта [Shibata, 1975, с 171], но такое поведение уходит в прошлое. Люди среднего и младшего поколений обычно свободно пользуются диалектом, прибегая к нему и при хорошем знании литературного языка (по крайней мере всеми его элементами, кроме акцентуации); анкетирование иностранцев, живущих в Нагое, показало, что большинство из них постоянно сталкивается с диалектизмами [Бан, 1984, с. 209]. По-видимому, низкая престижность диалектов была свойственна периоду массового овладения литературным языком, когда речь на диалекте ассоциировалась с низкой культурой, теперь же, когда литературным языком пользуются все и владение диалектом вовсе не означает неумения переключаться с диалектной системы на литературную, диалект воспринимается уже не как «испорченный» язык, а как вполне законное средство неофициального общения со «своими»; сказывается и то, что новые диалекты не так непохожи на литературный язык, как старые, уже почти исчезнувшие. Не исключено, что в данной переориентации играет роль и усиление национализма в современной Японии: явно оживился интерес к «поискам корней», национальным, в том числе и региональным, традициям.

Изменилось и официальное отношение к диалектам. Сейчас все чаще пишут о том, что диалекты, как и другие особенности народной культуры Японии, — национальное достояние, которое необходимо сохранять (Asahi Evening News. 29.09.1974) [Накамура, 1984]. Перед школой и средствами массовой информации больше не ставят задачу искоренения диалектов, новая задача — обучение правильному пользованию диалектами. Тем самым помимо общепонской литературной нормы начинают создаваться региональные нормы. Это — новое явление в японской языковой ситуации за пределами Окинавы. [До войны иногда для междиалектного общения на севере Хонсю использовался диалект г Акита Драматург Киносита Дзюндзи вспоминает, что в 30-е годы кружок любителей даже играл на нем «Предложение» А.П. Чехова [Киносита, 1983, с 6] Позднее такие попытки прекратились] Конечно, невозможно установить норму для всех диалектов и говорков, могут быть сформированы лишь варианты разговорного языка для тех или других регионов.

Сейчас в школах введен курс местного диалекта, особый для разных районов Японии. Школьников учат правильному пользованию диалектом и осознанию его отличий от литературного языка. Подобные передачи ведет и местное телевидение NHK, где даже есть передача «Как не надо говорить на диалекте». В печати ведутся дискуссии о том, как обучать детей диалекту [Котобано, 1980, с. 18–24]; все их участники сходятся на том, что такое обучение необходимо. Стали распространяться и радиопередачи на диалектах. Особенно это заметно на Окинаве, где с 1960 г. ведутся ежедневные передачи по-окинавски: в течение пяти минут в день транслируются местные новости, а также передаются народные песни, пьесы, объявления диск-жокеев (Г. 1983. № 4. С. 53, 74–75; ХБ. 1983. № 9. С. 10). Аналогичные передачи ведутся и в некоторых других районах Японии, например в префектуре Ниигата (ХБ. 1983. № 9 С. 10).

Повышение престижности японских диалектов стимулировало и активную деятельность по их изучению. Сейчас, пожалуй, ни в одной стране мира диалекты не иссле-

дуются так детально, как в Японии. Чуть ли не в каждом японском провинциальном университете создаются кафедры диалектологии, активно работает Диалектологическое общество Японии, издан диалектологический атлас страны и издаются детальные атласы всех префектур. Эта работа воспринимается как часть работы по изучению и сохранению национальной культуры (см. очерк развития японской диалектологии [Grootaers, Shibata, 1982, с. 327–344]). [Один из авторов очерка, бельгиец В А Гротерс, постоянно живший в Японии, занимал одно из ведущих мест в этих исследованиях].

В последние десятилетия в японской литературе ведутся дискуссии по вопросу о будущем диалектов; одна из них проходила под названием «Сохранятся ли диалекты в XXI в.» (ГС 1984. №11. С. 9–11) (рассуждения о японском языке в XXI в. вообще характерны для японской социолингвистики с 70-х гг.) Некоторые авторы предсказывали скорое исчезновение диалектов, мотивируя это несовместимостью их с урбанизацией и проникновением в них литературных черт; вывод одной из статей таков: «Участки, где рождались и воспитывались диалекты, идут под бульдозер. Следовательно, сохранить диалекты невозможно» [Хосоно, 1983, с. 38]. Однако чаще говорится об устойчивости японских диалектов, сохраняемых даже в условиях жизни крупных городов; указывается и на то, что сохранению диалектов может способствовать наметившийся переход к кабельному телевидению. [Shibata, 1975, с 171] (ГС. 1984. № 11. С 10) Сейчас же диалекты, в первую очередь новые, представляют собой важную составную часть японской языковой ситуации и далеки от исчезновения.

Языковая ситуация в современной Японии не исчерпывается противопоставлением «литературный язык — территориальные диалекты». Наряду с территориальными диалектами существуют и социальные, можно выделить и просторечные разновидности японского языка, находящиеся вне литературного языка, но не имеющие в своем функционировании географических или социальных ограничений.

В феодальную эпоху в японском языке существовали строгие социальные, прежде всего сословные, различия, накладывавшиеся на территориальные: даже в пределах одного географического района или города, например Эдо, по-разному говорили самурай, крестьянин, ремесленник, торговец. Имелись и более частные профессиональные расхождения. После перехода Японии к капитализму и особенно после 1945 г. подобные различия стали уменьшаться. Здесь играли роль уничтожение феодальной сословности, замена старых социальных различий буржуазными, более подвижными и менее очевидными, а также распространение литературного языка, единого для разных социальных слоев. Применительно к современной Японии трудно говорить о социальных формах существования языка в чистом виде.

Сравнительно четкие социальные диалекты существуют лишь на периферии японского языка и, как правило, немногочисленны по количеству носителей. Так, еще в XVII–XVIII вв. в Сигамати сложился особый говор гейш, сохранившийся до настоящего времени. Своеобразно и также весьма архаично, восходя к позднефеодальной эпохе, аргументированно-якудза, имеющих, в частности, специальные способы представления друг другу при знакомстве [Seward, 1968, с. 73–74]. До недавнего времени функционировали говоры бродячих торговцев [Канаи, 1983, с. 12], буддийских священников, придворных дам [Harada, 1966, с. 79–80], сейчас они постепенно выходят из употребления. Имеются сведения об особенностях языка японских париев — буракуминов. Информация о такого рода социальных диалектах часто очень скудна.

Однако даже там, где нельзя говорить о социальных диалектах как о каких-то определенных языковых системах, некоторые социальные различия в функционировании

японского языка существуют, часто накладываясь на территориальные; эти различия обычно имеют не абсолютный, а статистический характер. Этот факт признают и японские лингвисты, осуществляющие массовые языковые обследования. Так, в упоминавшемся исследовании языка двух кварталов Токио выявлено, что в зажиточном и населенном главным образом интеллигенцией квартале Нисиката степень стандартизации языка заметно выше, чем в квартале Нэцу, жители которого, как правило, мелкие и средние торговцы; в первом квартале заметно чаще и разнообразнее используются формы вежливости. Там же сказано, что современная граница Яманотэ и Ситамати уже не совпадает с исторической: богатые районы Гиндза, Канда, традиционно относившиеся к Ситамати, сейчас по языку ближе к Яманотэ [Огино, 1983, с. 72–73].

В отличие от литературного языка и диалектов японское просторечие не обладает четкой выделяемостью, трудно говорить о нем как о какой-то языковой системе. Однако существует немало слов и грамматических форм, которые не признаются литературной нормой, но не могут быть названы диалектными, так как распространены по всей Японии, употребляясь лицами разных социальных групп. Многие из них не что иное, как проявления развития языка, сдерживаемого нормами. Например, широко распространены стяженные грамматические формы, когда сочетание знаменательного и вспомогательного глаголов превращается в единое слово, ср. лиг. иттэ симатта 'ушел и не вернулся' и не вполне литературное иттятта с тем же значением. Потенциальные формы с суффиксом -э- по принятым нормам присоединяются не ко всем глаголам: от тору 'брать' можно образовать форму торэру, но от миру 'видеть' такую форму образовать нельзя. Однако вне литературного языка употребительна и форма мирэру и другие, ей подобные. Слово отаку, в литературном языке означающее 'ваш дом', за его пределами употребляется как местоимение 2-го лица. К такого рода явлениям относятся и не признаваемые нормой изменения в формах вежливости, о которых мы будем говорить.

Все эти и многие другие явления широко распространены, что ставит проблему изменения литературных норм и приведения их в соответствие с языковой реальностью. Этот вопрос активно обсуждается японскими учеными (см., например, [Оиси, 1977]) Ряд форм, в частности стяженных, сейчас уже начинает допускаться для разговорных вариантов литературного языка.

Литературный язык и бунго

Выше говорилось, что старый литературный язык (бунго) до войны сосуществовал с современным и обслуживал ряд сфер общения. Однако после войны он быстро потерял все свои позиции.

В настоящее время бунго, по словам одного из японских лингвистов, употребляется редко и в ритуальных целях. [Narada, 1966, с. 85] Культурные люди старшего поколения еще помнят бунго, а люди среднего и младшего поколений лишь имеют о нем представление, поскольку его преподают в средней школе. Поэтому традиции чтения текстов на бунго пока существуют. Классические произведения издаются не только в переводе на современный язык, но и в оригинале с комментированием непонятных мест; такие издания рассчитаны на достаточно широкий круг читателей. Литература конца XIX — начала XX века на бунго издается только в оригинале и без комментариев. Однако функционирование бунго очень ограничено, и новые тексты на нем почти не создаются. Бунго продолжает использоваться в традиционных сферах (церковная служба, включая христианскую) [Перевод христианских богослужебных книг на бунго был осуществлен еще в XIX веке, с

тех пор традиция осталась неизменной по-видимому, бунго представляется как более торжественный язык], традиционный театр типа но) [Однако в современном кабуки играют, исключая наиболее старые пьесы, не на чистом бунго чаще используется современный литературный язык с некоторой архаизацией.], а также в поэзии, до сих пор существуют кружки и журналы любителей поэзии в традиционном стиле. Здесь языковые различия связаны с жанровыми: танки и хайку принято писать на бунго, а поэзии на современном языке свойствен свободный стих (верлибр). Отмечается, что современные попытки писать на бунго обычно связаны со многими ошибками (Гэкан. 1977. № 2. С. 2–3).

В то же время бунго все еще оказывает влияние на современный литературный язык, которое проявляется в лексике и в грамматике. Лексика бунго, особенно китаизмы, остается потенциальным источником пополнения литературного словаря. С этим связана особенность японской лексикографии: в современные словари включается в том или ином объеме и лексика, употреблявшаяся лишь в старинных памятниках. Так, при составлении словаря (см. [Masuda, 1974]) словник был значительно обновлен сравнительно с предшествующим изданием (см. [Katsumata, 1954]), однако из словника была исключена прежде всего потерявшая актуальность лексика 30–50-х годов, а архаизмы остались примерно в том же объеме. Наиболее очевидные различия между современным языком и бунго существуют в области грамматики. Многие формы, явно специфичные для бунго, могут появляться и в текстах на современном языке. Степень освоенности таких форм различна, некоторые появляются лишь в цитатах на бунго (таковы, например, многие пословицы и изречения), другие же становятся вполне обычными, как, например, падежный показатель ёри в значении исходной точки действия [Здесь речь не идет о ёри в другом — сравнительном — значении, которое всегда существовало в разговорном языке.]; противопоставление двух показателей исходного падежа кара и ёри вначале имело характер «современный язык — бунго», затем «разговорное — книжное», а теперь «менее вежливое — более вежливое» [Кусакабэ, 1977, с. 54].

Грамматические заимствования из бунго занимают заметное место в книжных стилях японского языка. Их постоянно можно встретить в газетах и журналах (особенно в заголовках), в телепередачах, в рекламе, уличных объявлениях и пр. Приведем несколько наугад взятых примеров: кита-ёри-но кадзэ 'северный ветер' (стандартная фраза из прогноза погоды, показатель исходного падежа ёри), Ё:тиэн ари, ко:эн ари 'Есть детский сад, есть парк' (уличное объявление, форма глагола бытия), Котира-нитэ о-мати кудасаи-масэ 'Просим подождать здесь' (объявление у лифта, показатель местного падежа нитэ), Нингэн ва уцукусики аси-дэ ару 'Человек — это красивые ноги' (реклама крема для ног, окончание прилагательного -ки), Юрусарэдзару онна '«Непрощенная»' (перевод названия американского фильма, отрицательная форма глагола на -дзару), Симпуку ва мацубэси '«Послушание должно подождать»' (заголовок газеты «Асахи», форма долженствования на -бэси, в современном языке чаще в варианте -бэки). Особенно велико количество форм бунго в некоторых специальных текстах: юридических, патентных, где довоенные традиции еще сохраняются.

Таким образом, система бунго, сама по себе почти не функционирующая, окончательно не исчезла и продолжает сказываться на литературном языке. Отмечают даже, что частота форм бунго в последние годы увеличивается, в связи с чем предостерегают против их чрезмерного употребления, особенно по телевидению и радио (БГ. 1978 № 5 С.52; Н 1978 № 23. С.195); такие предостережения указывают на актуальность проблемы.

Корейский, айнский и английский языки в Японии

Япония — одно из самых однонациональных государств мира. Более 99% населения страны (120 017 647 человек на июль 1984 г.) составляют японцы, родной язык которых — японский.

Единственное значительное национальное меньшинство Японии — корейцы, в 1984 г. их насчитывалось 680 тыс. человек (Japan Times, 08.09.1984). Большинство из них оказалось в Японии в период японской оккупации Кореи (1910–1945), либо в результате обезземеливания корейских крестьян японскими властями, либо в связи с насильственным переселением из Кореи в годы войны. Среди них были носители разных диалектов, но преобладали уроженцы юга Кореи. После войны значительная часть корейцев вернулась на родину, остались в основном люди, попавшие в Японию до 1930 г., и их потомки, т. е. те, кто уже прижился в Японии [Park, 1982, с. 5]. Корейцы живут по всей Японии, но преимущественно в крупных городах (больше всего в Осаке).

К 80-м гг. уже около трех четвертей японских корейцев родилось в Японии [Park, 1982, с. 8]. Несмотря на отсутствие антропологической разницы между японцами и корейцами, последние часто рассматриваются как «чужие» и подвергаются дискриминации [Park, 1982, с. 10; Miller, 1982, с. 150]. В этой ситуации у части корейцев появляется стремление к полной ассимиляции, некоторые из них меняют фамилии и скрывают национальность, что, однако, трудно сделать из-за наличия у властей специальных книг регистрации [Miller, 1982, с. 150] (Daily Yomiuri. 30.09.1984). Другая часть корейцев стремится сохранить свою национальную идентичность.

В настоящее время все корейское население Японии владеет японским языком, для части младшего и среднего поколения он — единственный. По данным проведенного в Осаке исследования, постоянно в семье корейским языком пользуется 21,3% опрошенных, ограниченно — 19,1%, еще у 15,5% этот язык используют лишь старшие члены их семей; наконец, 43,5% ответили, что ни они сами, ни члены их семей не употребляют корейский язык [Park, 1982, с. 14]. Существуют корейские школы — самые массовые из школ Японии, в которых обучение ведется не на японском языке, однако в них обучается меньшинство корейских детей: в начале 80-х годов из 150 тыс. детей около 100 тыс. училось в японских школах и около 40 тыс. — в корейских [Park, 1982, с. 13]. На корейском языке издается литература, однако существуют и корейские писатели, пишущие по-японски.

Корейский язык в Японии еще далек от исчезновения в отличие от языка другого национального меньшинства — айнов. Этот народ в отличие от корейцев жил в Японии задолго до нашей эры, составляя коренное население о-ва Хоккайдо и северной части о-ва Хонсю. Еще во второй половине XIX века Хоккайдо (кроме крайнего юга) был целиком заселен айнами. Захват айнских территорий японцами сопровождался вытеснением айнского языка, а распространение образования, которое велось только по-японски (айнский язык всегда был бесписьменным, отдельные миссионерские опыты были неэффективными), и использование только японского языка в официальной сфере привели к тому, что в течение первой половины XX в. айны утратили свой язык.

К 80-м годам осталось несколько стариков, которые еще помнили язык, на котором они говорили в детстве.

До недавнего времени в Японии мало интересовались айнами и айнским языком; отмечается, что японские школьники ничего не знают об айнах, а в учебниках по истории Японии о них нет никаких сведений (Daily Yomiuri. 07.04.1985). Однако в последние годы наблюдается определенное повышение интереса к айнской культуре и айнскому языку.

Функционируют в Японии и иностранные языки, прежде всего английский. Три основные газеты страны имеют выпуски на английском языке: «Asahi Evening News», «Mainichi Daily News», «Daily Yomiuri», значительно отличающиеся по содержанию от соответствующих японских; издается и специальная газета «Japan Times»; существует и особая телевизионная программа на английском языке. По-английски обычно дублируются дорожные указатели, многие уличные объявления, в основном в расчете на посещающих Японию иностранцев. На английском издается и научно-техническая литература, причем есть области науки, где на этом языке печатается значительная часть исследований в расчете не на другие страны, а на «внутрицеховое» употребление. Примером могут служить публикации по английскому языку и английской литературе, а также работы, выполненные в русле методики американских научных школ, например генеративизма в лингвистике; в таких случаях издаются и научные журналы на английском языке.

В самое последнее время в некоторых фирмах рабочим языком делают английский, мотивируя это тем, что информацию, получаемую из США, удобнее обрабатывать без лишней стадии ее перевода на японский язык [Suzuki, 1987].

Употребляемый в Японии английский язык обычно ориентирован на его американский вариант. Часто отмечают невысокий общий уровень владения английским языком в Японии и значительные отклонения от норм [Miller, 1982, с. 282] (Daily Yomiuri. 16.09.1984; ТВТ. 1987. Февраль. С. 56).

Японская письменность сегодня

Иероглифы и кана

В Японии пользуются смешанной письменностью, в которой сочетаются обозначающие понятия китайские иероглифы и передающие звучание независимо от смысла знаки двух японских азбук — хираганы и катаканы (эти азбуки имеют общее название — кана) Сочетание иероглифов и фонетических знаков, вообще говоря, является принципом многих систем письма, включая кириллическую и латинскую, однако в последних удельный вес иероглифов (цифры, формулы, знаки типа §, №) относительно мал; в японском же письме именно иероглифика играет ведущую роль. Редкая особенность японского письма — наличие не одного, а двух сосуществующих алфавитов.

Почти любой японский текст содержит иероглифы, знаки хираганы и катаканы, возможны также вкрапления латиницы и международных иероглифов типа арабских цифр. Тексты, записанные только одним видом письма, редки: чистой катаканой по традиции печатаются телеграммы; чистая хирагана может встретиться в книгах для самых маленьких детей, но чаще там попадаются и простейшие иероглифы; чистая иероглифика характерна для уличной рекламы, вывесок, плакатов, но и здесь в случае необходимости может появляться каждая из азбук. Не так часты и тексты, содержащие два вида письма из трех, за исключением текстов без катаканы: они появляются там, где нет европейских заимствований, что достаточно обычно даже в газете, см., например, статью о беседе премьер-министра и министра финансов в «Асахи-симбун» за 26 августа 1982 г.; без хираганы до 1946 г. писали официальные документы, но сейчас это не принято.

Такая сложная система сформировалась исторически. Японцы не имели собственной письменности до заимствования китайских иероглифов, использовавшихся с VI в. н. э. и полностью освоенных к VIII в. Однако чисто иероглифическое письмо неудобно для японского языка, обладающего в отличие от китайского богатой системой грамматиче-

ских показателей (аффиксов и служебных слов). Поэтому уже с VIII в. появляются системы фонетического письма. Первоначально для этих целей использовались некоторые иероглифы, затем — их сокращенные варианты, постепенно трансформировавшиеся в знаки каны. Хирагана и катакана, возникшие почти одновременно в IX в., постепенно вытеснили другие алфавитные системы. [Другие виды каны (так называемая хэнтайгана) ограниченно использовались до XIX в., а отдельные знаки хэнтайганы изредка можно увидеть даже сейчас, например на вывесках.] В средние века использовались разные системы письма — от чистой иероглифики до чистой каны (так называемое женское письмо, использовавшееся женщинами, которых обычно в полной мере не учили иероглифике). Однако смешанное письмо постепенно начало преобладать, а с XIX в. стало практически единственным (подробнее историю японского письма см., например [Miller, 1967, с. 90—140]).

Два вида каны различаются начертаниями, лишь немногие знаки похожи, и ни один не совпадает абсолютно. Однако соответствие между знаками хираганы и катаканы взаимно однозначно, и любой текст, записанный хираганой, может быть точно так же записан катаканой (или наоборот). До войны каждый алфавит имел 48 знаков, но, поскольку еще в средние века некоторые пары знаков совпадали в звучании, при послевоенной реформе письменности из каждого алфавита исключили по два знака. Чаще всего знак каны соответствует открытому слогу с кратким гласным; в период формирования каны японский язык был почти лишен слогов иного рода и соответствие «знак каны — слог» было почти однозначным, однако в дальнейшем ввиду появления долгих гласных, закрытых слогов и т. п. возникли случаи, когда слог соответствует двум и даже трем знакам каны. Кана ориентирована на фонетические особенности японского языка, существовавшие в нем до появления массовых заимствований из английского, поэтому каной трудно адекватно записать слова иных языков и многие американизмы в самом японском языке; на этом вопросе мы остановимся в главе о заимствованиях. Таблицы каны см., например, на форзаце II тома «Большого японско-русского словаря».

Сами по себе иероглифы мало отличаются от тех, которые употребляются в Китае. Есть знаки, изобретенные в Японии, но они немногочисленны [В виде примера можно привести знак, которым записывается хатакэ — «сухое (не заливное) поле», — состоящий из элементов со значениями «огонь» и «поле»]. Более существенно различие в использовании сокращенных вариантов иероглифов, ставших в Японии нормативными после реформы 1946 г.: упрощение иероглифов в Китае и Японии происходило независимо друг от друга. Еще более разошлись две иероглифические системы после введения в Японии иероглифического минимума, также не связанного с процессами, происходящими в Китае.

Однако наиболее значительные отличия между иероглифическими системами в Китае и Японии заключаются в их соотношении со звучанием. В китайском языке, если отвлечься от диалектных различий, у иероглифа обычно только одно чтение. В японском же языке единственность чтения иероглифа — исключение, а не норма, большинство иероглифов имеют два-три, а иногда и до десятка чтений. Чтения иероглифов (т.е. звуковые единицы, им соответствующие) в японском языке делятся на так называемые онные и кунные. При заимствовании иероглифов ими начали писать корни исконно японских слов [Нередко пишут, что иероглиф обозначает слово, но общая норма японского языка — соответствие иероглифа корню; сложные слова обычно пишутся несколькими иероглифами, а окончание слова, если оно есть, — хираганой.], эти корни — кунные чтения. Помимо этого вместе с иероглифами заимствовались и их китайские чтения, фонетиче-

ски изменившиеся в соответствии с произносительными навыками японцев; так появились онные чтения, ставшие важным источником пополнения японской лексики (см. ниже). Как кунных, так и онных чтений у иероглифа бывает несколько, так как иероглиф мог использоваться для написания синонимичных или чем-то сходных по значению корней [Наоборот, тот же корень может писаться разными иероглифами. Так, корень слова *ei* 'хороший' и сейчас пишется тремя способами. Разные написания могут со временем закрепляться за разными значениями многозначных слов *тору* 'брат' обычно пишут одним иероглифом, а *тору* 'ловить' — другим], а онные чтения заимствовались в разное время и из разных китайских диалектов. Например, одним и тем же иероглифом пишутся корни слов *икиру* 'жить', *икасу* 'оживлять', *уму* 'рожать', *умарэру* 'родиться', *хаэру* 'расти' (о растениях и растительности у человека), *хаясу* 'отращивать (бороду, усы и пр.)', *нару* 'плодоносить', *насу* 'рожать', *нама* 'свежий', кроме этих кунных чтений есть два онных: *сэй* и *сё*:. Такая система сложна и неудобна, поэтому одной из задач послевоенной реформы было сокращение числа чтений иероглифов.

Иероглифы используются для написания корней как исконно японской лексики, так и китаизмов. Однако иероглифы неудобны для записи грамматических элементов, а также новых заимствований из английского и других языков. Первоначально, пока таких заимствований было немного, их писали иероглифами, иногда иероглифы подбирались по звучанию независимо от смысла, иногда — по значению независимо от звучания. Однако, когда со второй половины XIX в. началось массовое заимствование европейской лексики, такая запись оказалась неудобной, и сейчас лишь отдельные заимствования пишутся иероглифически.

Постепенно сложилось распределение функций между иероглифами, хираганой и катаканой, наиболее строго выдерживавшееся в период с конца XIX в. до 1946 г., но не потерявшее силы и сейчас. В соответствии с ним корни исконной и китайской лексики пишутся иероглифами [Поскольку кана в основном слоговое письмо, то граница между частями слова, записываемыми иероглифами и хираганой, не всегда совпадает с делением на корень и окончание, ср. *тору* 'брат', *торэ* 'бери!', где грамматическое членение *тор-у*, *тор-э*, но после иероглифа пишутся знаки хираганы *ру*, *рэ*], окончания слов и служебные слова — хираганой [Возможно иероглифическое написание отдельных грамматических элементов вроде показателя предельного падежа *мадэ*, но сейчас оно редко], новые заимствования — катаканой. Значение катаканы оказывается наименьшим, по выражению одного автора, она играет роль курсива для выделения заимствований (К. 1984 № 2. С. 23). Соотношение иероглифов и хираганы в определенной степени компенсирует такую непривычную для нас особенность японского письма, как отсутствие пробела: оно позволяет при чтении выделять если не слова, то хотя бы отрезки текста с лексическим и грамматическим значением, следует учесть, что представления японцев о слове отличаются от европейских [Алпатов, Басе, Фомин, 1981, с. 296—297]. Такое соотношение стало привычным для японцев: даже сторонники полной отмены иероглифики выступают за его сохранение, призывая заменить иероглифы катаканой, а хирагану оставить в прежней функции (К 1983. № 6 С 22). Однако в современном письме, где уменьшился удельный вес иероглифики и произошло некоторое перераспределение функций между хираганой и катаканой (см. ниже), четкость выделения лексических и грамматических единиц стала меньше.

Несмотря на уменьшение такой четкости, пробел (в отличие от европейских знаков препинания) не приживается в японском письме. Хотя правилам проведения пробела учат в школе, такие тексты приняты лишь в учебниках для начальной школы и книгах для детей [При этом пробелами разделяются не слова в нашем понимании, а единицы, име-

нуклеусы «бунсэцу». Аналогом такого написания для русского языка было бы слитное написание всех предлогов, частиц и союзов.], а также в текстах на латинице. В связи с этим сторонники сохранения существующего письма часто утверждают, что японцам-лингвистам слишком трудно членить текст на слова (К. 1983. № 7. С. 7; № 9. С. 12).

Обычное направление японского (как и китайского) письма — сверху вниз, столбцы читаются в направлении справа налево. Однако издавна, особенно в надписях, заголовках, применялось и направление в строчку, также справа налево. В наше время под западным влиянием появилось и направление письма в строчку слева направо. Оно почти вытеснило горизонтальное письмо справа налево, последнее можно встретить лишь там, где традиции соблюдаются строже всего, например в храмах. В японском фильме «Крепость на песке» действие происходит на маленькой железнодорожной станции в годы войны и в наше время; для подчеркивания временного различия дважды показан столб с названием станции: в первом случае иероглифы написаны справа налево, во втором — слева направо. Постепенно новое написание начинает вытеснять и обычное вертикальное: сейчас в строчку печатают школьные учебники по всем предметам, кроме родного языка (ГС. 1985. № 7. С. 8), ежегодник японского языкознания «Кокуго-нэнкан» с 1969 г. перешел на горизонтальное написание. Однако в прессе и художественной литературе традиционное направление письма столбцом преобладает. По вопросу об удобстве того или иного типа написания и о перспективах их развития японские языковеды не могут прийти к единому мнению (ГС. 1985. № 7. С. 7–10).

Еще одна яркая особенность японской письменности — так называемая фуригана. Она заключается в том, что справа от иероглифа или нескольких иероглифов (при горизонтальном написании — сверху) пишутся знаки каны (катаканы — для заимствований, хираганы — в остальных случаях). Фуригана имеет две функции. Самая обычная связана с указанием на то, как надо читать данные иероглифы. Это может быть необходимым, если употреблен редкий иероглиф, особенно не входящий в минимум, или когда иероглифы могут быть прочтены неоднозначно. Частота применения фуриганы зависит от жанра, в целом она тем чаще, чем шире круг читателей: фуригана в данной функции редка в критике, чаще встречается в поэзии, еще чаще — в прозе [Кёгоку, 1984, с. 9–10]. Максимум достигает использование фуриганы в комиксах, которые рассчитаны на малокультурного читателя, а также в некоторых уличных объявлениях (правила для посетителей парков, детских площадок и т. д.), где фуриганой бывает снабжен каждый иероглиф. В газетах фуригана мало распространена из-за особенностей шрифта, не дающего возможности помещать знаки в интервалах между столбцами; в случае крайней необходимости она приводится после иероглифа в скобках [Фуригана в такой функции существует, хотя, конечно, и редко, даже в русском языке Нам приходилось видеть в Москве объявление у входа в поликлинику, где к международному иероглифу t° было приписано его чтение «температура»].

Другая функция фуриганы, обычная для художественной литературы (особенно поэзии) и публицистики, заключается в том, что каной пишут не то же слово, что иероглифом, а его синоним или слово, близкое по значению. Приведем несколько примеров. В кинорекламе напечатан иероглиф, которым обозначается глагол коросу 'убивать', а каной написано яро: (букв. 'сделаем', что используется и в значении 'убьем'); в титрах французского фильма использованы иероглифы, которыми пишутся слова бэйдзин 'американец', моногатари 'повесть', 'рассказ', а катаканой написано соответственно америкэн 'американец', роман 'роман'; в еще одних кинотитрах иероглифы со значением «(проф)

союз» (яп. кумиаи) даются с записью катаканой юнион (речь идет о профсоюзе в США); в книге [Пон, 1976] иероглифом написано го 'язык', катаканой — итакку 'язык' (по-айнски).

Фуригана может служить в таких случаях для введения в текст малопонятного (обычно иностранного) слова, здесь уже не кана, а, наоборот, иероглиф приобретает поясняющий характер. В таких случаях фуригана используется также как средство художественной выразительности или игры слов; чисто графическая игра слов вообще популярна в Японии [Приведем только два примера. В телевизионной игре записывалась последовательность, состоящая из иероглифов со значением «официальный» и «новый» и знака хираганы да, обозначающего связку. Предлагалось первый иероглиф разделить на две части, похожие на знаки катаканы ха и му, второй прочесть по редкому кунному чтению сара, в результате получается хаму-сарада 'салат с ветчиной'. В рекламе ЭВМ для подбора супружеских пар начальная часть слова конпю:та 'компьютер' — кон пишется иероглифом со значением 'брак', который тоже читается кон.]. В этих случаях письменный текст не может быть преобразован в устный без потери информации.

Полезны или вредны иероглифы?

Из сказанного выше ясно, что японское письмо сложно. Встает вопрос: может ли оно быть существенно упрощено?

Безусловно, самый важный, но и самый трудный для усвоения элемент этого письма — иероглифы. Недаром люди, знающие только кану, приравниваются в Японии к неграмотным. Вопрос о реформе иероглифики неоднократно вставал как в Японии, так и в других странах, пользующихся иероглифическим письмом. В связи с этим не раз обсуждались преимущества и недостатки этой системы письменности.

Большинство аргументов за иероглифы и против них приводилось еще в 30-е годы [Алексеев, 1932]. Крупнейший советский китаист академик В. М. Алексеев был, как и почти все наши ученые того времени, активным сторонником отмены иероглифики, однако он учитывал и противоположные аргументы. Он писал: «Иероглифика есть также некий исторический закономерный и высоко развитый способ человеческого общения, который в существе своем вряд ли отличается от алфавита... Если иероглифы в некоторых отношениях сложнее букв, то в других — они проще, как комплексы» [Алексеев, 1932, с. 59—60]. Среди преимуществ иероглифов он видел возможность записи одним знаком целого понятийного комплекса независимо от его длины [Алексеев, 1932, с.27] [Ср. высказывание современного японского автора о том, что иероглиф со значением «государство» занимает меньше места, чем графическая запись английских слов state или country, и ничуть не сложнее [Имаи, 1980, с. 32].], возможность по графическому облику иероглифа до некоторой степени предсказать его значение [Алексеев, 1932, с. 28], роль иероглифов для снятия омонимии [Алексеев, 1932, с. 48—51], а также тесную связь культурных традиций с иероглификой. Этому противостоят значительные неудобства иероглифики: большая сложность знаков, трудность их для запоминания, длительность обучения им, а также архаизм системы иероглифов и неудобство их для записи живой речи [Алексеев, 1932, с. 7—17]; мы опускаем приводимые в книге аргументы, специфичные для китайского языка. Современные японские языковеды говорят примерно о том же самом, добавляя лишь аспекты, связанные с компьютеризацией [Ватанабэ, 1983] (К. 1983. № 7. С. 3).

В Японии со времени приобщения к европейской культуре всегда существовали сторонники отмены иероглифики. Это и латинизаторы японского письма (см. ниже), это и поборники перехода на кану (до сих пор существует их общество «Канамодзикай», ос-

нованное в 1920 г., оно издает журнал «Кана-но хикари», т. е. «Свет каны»). Многие из приводимых ими факторов весьма убедительны. Действительно, обучение японскому письму — длительный процесс, и во многом из-за этого в японских школах учат 12 лет. К тому же при большом количестве времени на изучение иероглифики (впрочем, с 1982 г. часы, отводимые на ее освоение, несколько уменьшились при одновременном увеличении числа изучаемых иероглифов) далеко не всё усваивается должным образом. По данным проведенного в 1975 г. обследования, ученики пятого класса начальной школы могли правильно прочесть в среднем 84,5% изученных иероглифов и написать 52%; ученики первого класса неполной средней школы — соответственно 77,2 и 60,4% (К. 1983. № 4. С. 4–5); сходные цифры приводят и другие авторы [Хонда, 1984]. Конечно, часть иероглифов запоминается и позже через чтение. Но все же если трудно найти японца, не знающего ни одного иероглифа, то далеко не всякий, даже имеющий высшее образование, сможет правильно прочесть и тем более написать все иероглифы минимума, не говоря уже о других. В 1979 г. в одной телепрограмме попросили бывшего министра просвещения написать ряд иероглифов, и с заданием он справился не безошибочно. Таким образом, иероглифика явно мешает овладению языком в полном объеме. Несомненны и сложности при машинописи и типографском наборе, проистекающие уже из-за самого количества знаков, в десятки раз превосходящего количество знаков при алфавитном письме.

Однако показательно, что идеи полной отмены иероглифики, несколько оживлявшиеся в периоды острых социальных потрясений (первые десятилетия после буржуазной революции 1867–1868 гг., первые послевоенные годы), никогда не имели серьезного значения и воспринимаются на том же уровне, что и призывы к замене японского языка на английский. Хотя противники иероглифики иногда проявляют активность и сейчас: общество «Канамодзикай» в 1982 г. подавало свои предложения правительству и Либерально-демократической партии (К. 1983. № 10. С. 11), однако они поддерживаются незначительным количеством людей. Всерьез обсуждается лишь упорядочение и сокращение, но не отмена иероглифов.

В чем же причины такого положения? Наиболее очевидная из них заключается в престижности иероглифики и ее связи с японской национальной культурой. В течение веков знание иероглифов в Японии было признаком образованности и в значительной степени и признаком высокого социального положения; кана такой престижностью не обладала, недаром женщины, если они были грамотны, обычно знали лишь кану. Большую роль в Японии играли заимствованные из Китая конфуцианские представления с их своеобразным культом письменного. Отмечают, что и сейчас для японского языкового мышления характерно представление о том, что настоящим считается лишь записанное; с этим связывают самые разные явления — от большей разработанности письменной нормы в отличие от устной до особой склонности японцев по сравнению с другими народами к употреблению визитных карточек [Mizutani, 1981, с. 19–21]. Сохраняется и страх перед иероглифами, и уважение к ним, а знания человека и сейчас иногда оцениваются по количеству известных ему иероглифов, хотя в наши дни, когда все в определенной степени владеют иероглификой, их престижность уже не столь высока, как раньше [Ёсимура, 1982, с. 1]. Японская культура не так тесно связана с иероглификой, как китайская; среди классических литературных произведений есть немало написанных с минимальным использованием иероглифики или даже вовсе без нее, среди них такие крупные, как знаменитый роман XI в. «Гэндзи-моногатари». Однако все же большинство памятников, в том числе практически все памятники последних шести-семи веков, — это иероглифические тексты. Весь этот комплекс культурных и психологических факторов способствует

сохранению иероглифической письменности. К тому же они тесно связаны и с политическими соображениями: правящие круги Японии, безусловно, заинтересованы в поддержании культурной преемственности, а не в ее разрушении, следовательно, и в сохранении традиционной системы письма.

Однако было бы большим упрощением видеть причины устойчивости иероглифической письменности только в этом. Другой комплекс причин имеет чисто языковой характер. В течение веков японский язык приспособлялся к иероглифической письменности, и в конечном итоге в нем произошли изменения, делающие упразднение иероглифики невозможным без значительного преобразования всего языка, прежде всего его лексической системы.

Мы уже говорили о том, что вместе с иероглифами из китайского языка в японский перешли их так называемые онные чтения. Последние составили базу многочисленного слоя японской лексики — китаизмов, так называемых канго. Лишь меньшинство их составляют непосредственные заимствования из китайского языка, большинство канго являются сложными словами, созданными уже в Японии из китайских корней. Канго встречаются в любом тексте, включая бытовой, но больше всего их в общественно-политической, научно-технической литературе. В текстах на бунго 20–30-х годов, например военной тематики, они даже составляли всю знаменательную лексику, а роль исконных единиц сводилась к грамматическому оформлению [Холодович, 1937, с. 25–26]. Значение канго можно сопоставить со значением греко-латинских элементов в западноевропейских языках.

В течение веков вплоть до начала XX в. канго служили основным средством образования культурной лексики, и особенно терминологии; теперь с ними успешно конкурируют заимствования из западноевропейских языков. Исконно японская лексика оказалась неудобной для этих целей по ряду причин. Во-первых, краткость китайских корней и легкость их присоединения друг к другу в любом количестве давали возможность образования любого нужного слова со структурой, понятной для людей, знающих иероглифику, ср. до:буцугаку 'зоология' (из до: 'двигаться', буцу 'вещь', гаку 'наука'), кэйацуки 'манометр' (из кэй 'измерять', ацу 'давление', ки 'прибор'), раккасан 'парашют' (из рак 'падать', ка 'вниз', сан 'зонт'). Японские корни неудобны из-за их большей длины и из-за ограничений на число компонентов в сложном слове (обычно не больше двух). Во-вторых, китайские корни ассоциировались с китайской культурой, которая до XVI–XVII вв. была наиболее влиятельной, японские же корни обладали невысокой престижностью; авторитет канго был высок и потому, что они были связаны с письменностью. Количество новых канго резко возросло в период освоения европейской культуры — в конце XIX — начале XX в., когда появлялось много новых понятий: шло активное калькирование лексики европейских языков, и лишь позднее большее распространение получило заимствование [Томура, 1984, с. 52].

Удобство канго имеет и оборотную сторону — значительную омонимию. Простая фонетическая структура китайских корней не может не вызывать омонимию, особенно в японском языке, где при заимствовании исчезли тоновые различия, помогающие различать слова в китайском языке. По данным большого словаря «Сёкё-дай-канва-дзитэн», 48 902 иероглифа, когда-либо употреблявшиеся в Японии, имеют всего 323 онных чтения (К. 1983. № 10. С. 7). При образовании сложных слов омонимия частично снимается, но остается значительной. Например, в «Большом японско-русском словаре» приводится 23 канго со звучанием ко:се, все они одинаковы по ударению и означают 'ремесленник', 'устная традиция', 'устное показание', 'арсенал', 'официальное объявление', 'регламентируемая

проституция', 'нотариальное засвидетельствование', 'производственная травма', 'переговоры', 'связь', '(историческое) исследование', 'награждение', 'укус', 'значок учебного заведения', 'бизань', 'отложения руды', 'высшее коммерческое училище', 'министр народного благосостояния' и т. д. Такие омонимы без труда понятны при знании иероглифики, но плохо воспринимаются как на слух, так и в записи каной или латиницей (подробнее об омонимии канго см. [Корчагина, 1984]).

В наше время, когда культурная лексика, в том числе терминология, используется не только на письме, но и в устной речи, омонимия канго стала серьезной проблемой. Предпринимаются меры по ограничению канго, особенно в языке телевидения и радио. Однако полностью освободиться от них оказывается невозможным, поэтому нередко устная передача информации дополняется письменной. Иностранцу, который смотрит передачи японского телевидения, бросается в глаза значительная роль письменной информации. Раньше во время передачи новостей за спиной диктора находилось табло, на котором записывалось основное содержание того, что говорилось; сейчас обычно оно передается без табло, непосредственно на экране. В телерекламе и объявлениях нередко устный текст вообще отсутствует. Роль письменного текста на телевидении все более увеличивается в результате целенаправленных мер (ГС. 1985. № 7. С. 3). В научных докладах и лекциях либо записывают основные термины на доске, либо (что сейчас общепринято) раздают заранее слушателям текст или тезисы. Однако на практике часто в устной речи заменяют канго на заимствование из западноевропейских языков.

Например, термин сэйсэй-гэнгогаку 'генеративная лингвистика' (одно из направлений в современном языкознании) употребляют на письме, а при произнесении вслух пользуются американским термином в японской фонетической передаче. По мнению Сакамото Кэндзо, уже можно говорить о заимствованных чтениях некоторых иероглифов [Сакамото, 1983, с. 19]. Многие канго вытесняются синонимичными заимствованиями из английского языка, об этом мы будем говорить в главе о заимствованиях. Но в целом в письменной речи по-прежнему много канго, что объясняется их престижностью и их удобством: структура сложных канго значительно понятнее образованному японцу, чем структура сложных слов, заимствованных из западноевропейских языков, в том числе интернационализмов греко-латинского происхождения [Suzuki, 1975, с. 189]. Отметим, что канго, структура которых для современного языка уже непонятна, значительно легче теряют иероглифическое написание [Ёсимура, 1982, с. 10–12].

Итак, большое количество канго одновременно создают удобства и трудности для носителей японского языка. Канго, как правило, связаны с иероглифической записью. Исключение иероглифики из речевой практики невозможно без выведения из употребления значительного пласта культурной лексики и создания новых слов для выражения соответствующих значений. Последний процесс постепенно идет, но далек от завершения.

Как строится японский письменный текст

Приспособление системы японского языка к иероглифической письменности не исчерпывается наличием большого числа китаизмов. Одно из следствий сложного характера японского письма заключается в том, что различия между письменными и устными текстами, даже одинаковыми по тематике, в японском языке значительнее, чем в русском или западноевропейских языках.

Противопоставление «письменный стиль — устный стиль» не следует смешивать с противопоставлением «разговорный стиль — книжный стиль». Хотя обычно тексты

книжного характера тяготеют к письменному выражению, а тексты разговорного характера — к устному, такая связь совсем не обязательна, ср., с одной стороны, письмо другу (разговорный по характеру, но письменный текст), с другой стороны, научный доклад (книжный по характеру, но устный). В языках с алфавитным письмом обычно при больших различиях разговорного и книжного стилей собственно устный и письменный стили разграничены сравнительно мало; например, письменный текст при прочтении вслух обычно сохраняет свою структуру. Недаром различие между соответствующими по тематике письменным и устным текстами часто не ощущается, а письменность воспринимается просто как «тень звука», как средство фиксации звуковой речи. В европейской науке с тех пор как научились различать звуки и буквы, все внимание было уделено звуковому варианту языка как основному, а изучение письма превратилось в нечто вспомогательное и лежащее за пределами борьбы лингвистических идей.

Иная ситуация в Японии, где изучению письма всегда уделялось большое внимание науки. Многие особенности японских письменных текстов характеризуют особые письменные стили и не могут быть адекватно переданы в устной речи. Далее мы будем говорить лишь об этом, отвлекаясь от различий, связанных с разговорностью или книжностью текстов. [Различия разговорных и книжных стилей в разных языках, включая японский, во многом сходны: в книжных стилях предложения длиннее и сложнее, роль местоимений меньше, чем в разговорных, и т. д. Специфика японского языка здесь больше всего проявляется в связи с формами вежливости, о которых будет говориться в следующей главе.] О некоторых особенностях письменных текстов мы уже говорили. Это фуригана, графическая игра слов, использование канго, заменяемых при произнесении текста вслух. Однако есть и еще более существенные различия, связанные с особенностями зрительного восприятия иероглифов.

Хорошо известно и подтверждается психологическими опытами, что обычный носитель японского языка (малограмотных в наше время можно не принимать в расчет) воспринимает письменный текст не побуквенно, а избирательно: в первую очередь внимание обращается на наиболее значимые иероглифы. Особенно это заметно в текстах, которые должны восприниматься по возможности сразу (реклама, заголовки), и в текстах, которые нужно оценить в условиях дефицита времени (например, на телеэкране). Японские специалисты, например, указывают, что фуригана в телевизионных надписях малоэффективна, так как большинство зрителей не успевают ее воспринять (ХК. 1984. № 10. С. 61; ХБ. 1984. № 10. С. 22). Интересно, что иностранцы в подобных ситуациях часто ведут себя обратным образом, начиная по аналогии с собственной письменностью выбирать из текста кану, что оказывается невыгодным, поскольку информативность каны обычно мала.

Поэтому письменные тексты стараются строить так, чтобы в первую очередь в них выделялись наиболее информативные иероглифы. Хотя иероглифы графически сложнее знаков каны, японская уличная реклама, в том числе световая, вывески, дорожные указатели, плакаты и т. д. состоят из сплошных иероглифов с добавлением катаканы, если в их состав входят заимствования; роль хираганы сводится к минимуму, грамматические элементы обычно опускаются. См. такие примеры: Нидзю:ённэнтю: мукю:-нидзю:ёнкан-эйгё: 'В течение 24 лет без выходных, в течение 24 часов без перерыва' (реклама); ЕХРО-85-нингэн-кёдзю:, канкё: то катку-ги-дзюцу –'ЭКСПО-85 — жилище и окружение человека, наука и техника' (реклама выставки в Цукубе). Первый пример состоит из одних иероглифов, во втором помимо вкрапления латиницы имеется знак хираганы то, которым записан сочинительный союз. В таких случаях иероглифы обычно читаются по онным чте-

ниям, но они рассчитаны лишь на зрительное восприятие, поэтому часто бывает не ясно, как вообще их читать. В виде примера приводят плакат Хиросимского марафона, на котором изображен только один иероглиф со значением «бег» (ГС. 1985. № 7. С. 7).

Подобным образом построены и газетные заголовки, состоящие обычно из назывных предложений или предложений с опущенным сказуемым (см. их анализ [Сыромятников, 1982, с. 114–115]). Они также рассчитаны на зрительное восприятие «ударных» иероглифов, которое невозможно передать при записи текста в транскрипции. Приведем примеры: «Хирасава» коконока-ни дзиммон то:кё:-ти-сай-кэттэй '9 [мая] допрос по [делу] Хирасава, решение токийского суда'; Фукудайто:рё:, гэцумацу-нисидо-хо:мон 'Вице-президент [США], в конце месяца посещение ФРГ'; Сэйкацу-но дзэмбунья-о мо:ра 'Охватывает все стороны жизни' (опущена связка); Кигадзё:тай нидзю:иккоку-дэ 'Состояние голода в 21 стране'; Нихон-симпан-нидзю:саньокуэн-фусэй-ю:си 'Незаконное кредитование в 2 млрд. 300 млн. иен [компании] «Нихон-симпан»' (Иомиури-симбун. 07.05.1985).

Так строятся и более сложные тексты. Вот предвыборный рекламный плакат одного из кандидатов в Токийский муниципалитет от района Кото: Сэйдзицу, синкэн-но ко:до:, синдзию:курабу, кимура бэн, рё:токуко:, кэйдайсоцу, куги-ники, тоги-ники ёндзю:госай 'Искренняя, серьезная деятельность, [партия] «Новый либеральный клуб», Кимура Бэн окончил среднюю школу [в районе] Рёгоку [и] университет Кэйю, два срока депутат районного муниципального совета, два срока депутат Токийского муниципалитета, 45 лет'.

Такие тексты очень компактны. В оригинале примера 33 знака, из них 29 иероглифов, три знака катаканы (заимствование курабу 'клуб'), один знак хираганы (показатель родительного падежа но). В переводе без учета добавленных в скобках слов 192 знака, почти в 6 раз больше (знаки препинания в обоих случаях не учитываются). В устной речи такая компактность не наблюдается. Хотя здесь и можно сказать, например, кэйдайсоцу 'окончил университет Кэйю', но это слово будет с трудом понято на слух, к тому же оно не очень вежливо при обращении к конкретному человеку; в устной беседе скорее скажут полностью кэйю:-дайгаку-о соцугё:-симасита (с тем же значением). Еще один пример компактности сообщения. Информация, передаваемая у нас двумя способами: либо довольно длинной фразой Во дворе злая собака, либо рисунком собачьей морды (что занимает меньше места, но требует художественных способностей), по-японски передается изображением на табличке одного иероглифа со значением «собака», состоящего всего-навсего из трех черточек и одной точки. Выигрыш места и времени, затрачиваемого на написание, несомненен.

Такого рода компактность иероглифических текстов используется целенаправленно. Недаром, как можно видеть из примеров, они используются в целях воздействия, в том числе и политического, на читателя. Как справедливо указывается в современном исследовании, «японские стереотипы чрезвычайно лаконичны. Эта предельная сжатость достигается благодаря ценному качеству иероглифической письменности — возможности опускания служебных слов и словообразующих грамматических частиц [Последний термин не принят в языкознании Речь, видимо идет об аффиксах]. Таким образом, стереотип превращается в одно слитное понятие, обладающее, подобно сжатой пружине, большой энергией... Лаконизм достигается также путем опускания некоторых значащих слов, которые легко восстановить... Японские стереотипы обязаны своей яркостью изначальной образности иероглифических знаковых систем... При визуальном восприятии иероглифические стереотипы воздействуют иначе, чем знаки фонетического письма» [Чугров,

1985, с. 121–122]. Конечно, сама по себе иероглифическая письменность нейтральна к передаваемому содержанию, ее преимущества для воздействия на читающие массы могут использоваться по самому разному назначению.

«Можно говорить об использовании пропагандистами специфики японского языка, представляющего широкое поле для экспериментирования в области семантических ассоциаций в силу распространенности омонимии и возможности расчленения иероглифов на смысловые элементы» [Чугров, 1985, с. 122–123]. Отмечают и такую особенность японских письменных текстов: в них наиболее информативен конец предложения, тогда как в устной речи наиболее информативно начало [Mizutam, 1981, с. 33–34].

Итак, японские письменные тексты строятся по иной модели, чем устные. Иероглифика, трудная для изучения, часто оказывается весьма удобной для лиц, хорошо ее освоивших. По-видимому, это имеет свои причины. Заслуживает внимания точка зрения Е. В. Маевского, который пишет: «Зрительный канал передачи информации, по-видимому, лучше всего работает при условии, что изображение воспринимается сразу, целиком. При необходимости поэлементной развертки восприятие замедляется, канал используется с меньшей эффективностью. Многочисленные исследования показывают, что лишь неопытный читатель последовательно пробегает глазами каждую букву... Быстрое же чтение представляет собой сложный психологический процесс, при котором зрение, как правило, захватывает целый фрагмент страницы, обширное пятно, распространяющееся сразу на несколько строк... Иероглифика более приспособлена к такому «чтению пятнами» в силу самой своей графической природы, и можно предполагать, что при прочих равных условиях чтение иероглифического текста должно занимать меньше времени, чем чтение буквенного (подразумевается, конечно, чтение про себя, а не вслух). С этой точки зрения структура письменного языка, максимально точно имитирующая структуру устного (что бывает при фонетическом письме), отнюдь не оптимальна» [Маевский, 1985, с. 210]. Об удобстве иероглифического письма сравнительно с фонетическим при чтении и одновременном обратном соотношении при написании текста говорят и в Японии [Имаи, 1980, с. 32].

В современной Японии обращают внимание и на то, что недостатки иероглифики становятся менее значимыми из-за распространения в последние годы новых технических средств, так называемых словопроцессоров. В них вводится текст каной или латиницей, набираемый с помощью клавиатуры, который автоматически преобразуется в иероглифическую запись, хранящуюся в машинной памяти. Таким образом опускается трудоемкий процесс написания иероглифов, оказывается достаточным пассивное их знание; в то же время преимущества иероглифики в процессе чтения сохраняются [Ватанабэ, 1983].

Так это или нет, покажет будущее. Однако уже сейчас ясно, что по целому ряду причин нельзя ожидать отмены иероглифики в Японии в обозримом будущем. Вопрос о роли иероглифики в этой стране сложнее, чем представлялось несколько десятилетий назад, хотя и сейчас существует взгляд на иероглифику только как на негативное явление. Видный американский японист Р. Э. Миллер заявляет: «Говорить о совершенстве японского письма — то же, что убеждать больных, что им лучше, чем здоровым» [Miller, 1982, с. 187]. Но можно привести и слова академика И. И. Конрада (ранее также сторонника отказа от иероглифики), сказанные им незадолго до кончины. В письме переводчику его трудов на японский язык он делился впечатлением от японского издания: «Когда я бегло просматривал эти книги, переворачивая одну страницу за другой, у меня возникло ощущение, будто я погружаюсь в мир каких-то понятий. Так как я только перелистывал книгу, а не читал ее, что в ней говорится, я уловить не мог, но о чем говорится мне было со-

вершенно ясно... Какой замечательный способ письма, — подумал я. — В нем не просто соединились, объединились две великих культурных изобретения человечества: письмо идеографическое и фонографическое. Мелькавшие перед моими глазами иероглифы непрерывно давали мне точную информацию — о чем тут написано! А если бы я захотел знать, что именно об этом написано, такую информацию дала бы мне кана! Но так как первое, что хочет знать человек, открывая новую для себя книгу, это — о чем в ней написано, получается, что наличие иероглифов дает на это быстрый и точный ответ при одном взгляде. При европейской системе письма мы должны были бы прочитать весь текст или по крайней мере отдельное слово все полностью. При японской же системе письма первая, начальная информация получается наиболее быстрым и экономичным путем — через одни иероглифы. Нет, не отменяйте у себя иероглифы!.. Форма... которую я вижу в японском издании моей книги, мне кажется чрезвычайно удобной и для нашего времени... Японская система письма в этом пункте уникальна: такое объединение двух прямо противоположных графических принципов произведено только в Японии. Берегите это национальное достояние!» [Конрад, 1972, с. 493–494].

Японская письменность в наши дни

Каково же реальное состояние японской письменности к концу XX в.? Мы говорили о реформе письменности, проведенной вскоре после войны. Сейчас, спустя четыре десятилетия, уже можно довольно определенно говорить о ее результатах, о том, что в ней оказалось жизненным, а что — нет.

Наиболее просто прошло изменение орфографии каны. Старые, исторические написания, в том числе отмененные четыре знака хираганы и катаканы, можно встретить лишь в наиболее традиционных текстах типа стихов на бунго (ХБ. 1984. № 8. С. 69) или как индивидуальные отклонения от нормы, например в написании некоторых имен [Так, имя одного из авторов журнала «Гэнто», Тиэко, записано хираганой с использованием отмененного знака (Г 1983 № 6. С 114)], а также в переиздании довоенных книг (однако в массовых изданиях орфография меняется на современную). Успешно прошла реформа и в упрощении нормативных начертаний ряда иероглифов: старые варианты иероглифов уже забылись и встречаются в тех же случаях, что и старые написания каной.

Более сложной оказалась ситуация в связи с введением иероглифического минимума. В соответствии с реформой слова, записывавшиеся иероглифами вне минимума, должны были писаться каной или же похожими иероглифами минимума, если такие можно подобрать. При этом наряду с хираганой, выступавшей как общая норма, рекомендовалось пользоваться и катаканой: последнюю предполагалось употреблять в названиях животных и растений, наречиях, звукоподражаниях и некоторых других случаях. Таким образом, в результате реформы нарушалось обычное распределение функций между иероглифами и двумя видами каны. Еще больше оно нарушалось из-за того, что из минимума исключались не только многие иероглифы, но и ряд чтений оставленных иероглифов; в идеале ставилась задача сохранить для иероглифа не более одного онного и одного кунного чтения, однако, до конца осуществить не удалось; если же несколько иероглифов применялось для записи одного и того же корня, предлагалось писать этот корень лишь одним способом, в результате чего ряд иероглифов минимума сохранил только онные чтения.

Таковы были правила, введенные более полувека назад. Безусловно, во многом они оказали влияние на функционирование японского языка. Все сейчас признают, что воз-

врат к довоенным письменным привычкам уже невозможен [Neustupny, 1978, с. 271]. Современный японец уже не может свободно читать художественную литературу конца XIX и начала XX века [Умэдзу, 1983, с. 145; Mizutani, 1981, с. 7]. Часто пишут, что некоторые лексемы, особенно канго, после отмены их иероглифического написания вышли из употребления; противники ограничения иероглифики заявляют, что это приводит к нарушению культурной преемственности, обеднению языка; например, Имаи Тадаси упоминает слово сирэцу 'яростный' [Имаи, 1980, с. 28]. Безусловно, общее число употребляемых иероглифов сейчас меньше, чем до войны. По данным Государственного института японского языка, зная 1500 иероглифов (т. е. меньше, чем в минимуме), можно прочесть в среднем 98,4% газетного текста (К. 1983. № 4. С. 5). Таким образом, успех реформы несомнен. В чем-то реальная ситуация заходит дальше того, что намечено реформой: корни самых часто встречаемых глаголов агару 'поднимать', итадаку 'получать', какару 'висеть', 'попадать' в современном газетном тексте чаще всего пишутся хираганой, хотя их иероглифическое написание предусмотрено реформой (К. 1983. № 9. С. 3–5).

Однако многие нормы оказались слишком жесткими и не были приняты на практике. Количество реально употребительных иероглифов всегда было несколько больше минимума. По данным Государственного института японского языка, в 1966 г. в ведущих газетах Японии было употреблено 3313 иероглифов, примерно в 1,7 раза больше тогдашнего минимума [Имаи, 1980, с. 26]. Общее количество функционирующих иероглифов еще больше за счет книг писателей старшего поколения, и после войны не ограничивавших себя минимумом (много иероглифов, не входящих в минимум, например, у Мацумото Сэйтё, Исикава Тацудзо и др.), а также за счет переизданий довоенной и классической литературы, где оригинальная иероглифика сохраняется в большей степени, чем орфография каны.

Привычка пользоваться иероглифами, не вошедшими в минимум, особенно очевидна при написании имен собственных. Первоначально в его состав не включались иероглифы, употребляемые только в этих словах. Это, однако, часто никак не влияло на употребляемость таких иероглифов; так, в названиях 47 префектур Японии 14 иероглифов не вошло в минимум, но написания этих названий за 30 лет не изменились [Ниситани и другие, 1977, с. 22]. Сохранение иероглифики устойчиво при написании фамилий и особенно личных имен, поскольку при наречении ребенка до сих пор внимание обращается на подбор «хороших» иероглифов. В этих случаях минимум почти не влияет на практику [Впрочем, есть и обратные явления При образовании в 1966 г. слиянием городов Иваки, Тайра, Дзёбан, Наково и Угиго нового города Иваки решили его название в отличие от старого писать хираганой; такой случай пока уникален. Во время всеяпонского женского марафона 1985 г. на майках спортсменок 42 названия префектур писались иероглифами и 5 — каной. На плакатах кандидатов в Токийский муниципалитет в 1985 г. обычно их фамилии, кроме самых простых по иероглифике, писались хираганой, а имена — иероглифами с фуриганой.]

В некоторых сферах продолжает существование редких, архаических иероглифов. Это, например, борьба сумо, сохраняющая средневековый ритуал. Особенно это видно в именах борцов, специально подбираемых по значению и часто передающихся от одного спортсмена к другому в течение нескольких веков; так, в списке имен 53 участников турнира (Асахи-симбун. 1986. 24 марта) присутствуют 26 иероглифов, не входящих в минимум; четыре из них даже отсутствуют в словаре [Фельдман, 1977]; см. такие имена, как Конисики 'Малая Парча' (второй иероглиф вне минимума), Тотиматои 'Каштановый Штандарт' (первый иероглиф в дополнительном списке современного ми-

нимума, второй — вне минимума), Сисихо: 'Наследник-феникс' (первый и третий иероглифы вне минимума). Имена борцов сумо, хорошо известные в Японии, никогда не пишут каной и даже не снабжают фуриганой.

Иероглиф, не входящий в минимум, может в связи с изменением ситуации перейти в разряд употребительных. Возведение около г. Цукуба крупного университета, а затем проведение ЭКСПО-85 сделали название Цукуба частым на страницах газет и на телевидении, несмотря на то, что оно записывается двумя иероглифами, первый из которых и сейчас не входит в минимум.

Таким образом, минимум «тоё-кандзи» далеко не соответствовал реальному употреблению иероглифов. Критику вызывала и его произвольность, см. традиционный вопрос противников этого минимума: «Почему иероглиф со значением «собака» вошел в «тоё-кандзи», а иероглиф со значением «кошка» нет?» [Ниситани и другие, 1977, с. 22] (в новый вариант минимума вошли оба иероглифа). Несовершенство минимума послужило причиной его неоднократного пересмотра, главным образом в сторону некоторого увеличения. Изменения производились уже в 50-е годы, а в 1981 г. минимум «тоё-кандзи» постановлением правительства заменен на новый минимум «дзёё-кандзи». В него вошло 1945 иероглифов, на 95 больше, чем в прежний, и еще 166 иероглифов включено в дополнительный список как допустимые для записи собственных имен. Оговорено также, что «дзёё-кандзи» не имеет силы для специальных текстов (научных, технических, искусствоведческих) и для переизданий старой (довоенной) литературы об изменениях минимума в 1990 г. см. ниже раздел «Новые дискуссии о будущем японской письменности».

Изменения в минимуме приблизили его к языковой практике, однако даже в учебной литературе, где он имеет силу закона, наблюдаются отклонения от установленных правил. В одном из исследований рассмотрено соблюдение минимума в произведениях Акутагава Рюноске, включенных в школьные хрестоматии. Оказывается, что замена иероглифов вне минимума осуществляется везде непоследовательно, причем в разных изданиях по-разному; что строгое следование минимуму иногда нарушается закономерно, поскольку длинные отрезки текста, состоящие из одной каны, избегаются из-за трудночитаемости, а применение замещающих иероглифов часто невозможно [Умэдзу, 1983, с. 160 и др.].

Итак, введение иероглифического минимума способствовало упрощению японской письменности, но не в такой мере, как это намечалось при его введении. Иногда пишут, что введение минимума в 1946 г. проводилось как первый шаг для последующей латинизации [Suzuki, 1975, с. 176], но сейчас ситуация для развития в этом направлении еще менее выгодна, чем в те годы. Новый состав минимума удовлетворяет далеко не всех, поэтому продолжают дискуссии: предлагают уменьшить его до 1000 и даже 500 иероглифов, но, пожалуй, чаще призывают к его расширению до 2500 иероглифов или до числа реально употребительных иероглифов; об этом говорили в теледискуссии по NHK, в том числе влиятельный лингвист Киндайти Харухико (также см. [Ватанабэ, 1983]); говорят даже о желательности отмены ограничений на число иероглифов [Имаи, 1980, с. 33; Уно, 1981, с. 3]. Такие предложения мотивируются распространением словопроцессоров, в памяти которых может храниться множество иероглифов. Есть и противоположные точки зрения, см. раздел «Новые дискуссии о будущем японской письменности».

Изменения официальных норм касаются не только состава минимума. Число допустимых чтений иероглифов стало больше; в частности, в 1973 г. было добавлено 271 кунное чтение [Ёсимура, 1981, с. 50]. Все эти чтения, конечно, никогда не исчезали, ввести унифицированное написание исконно японских слов в большинстве случаев не удалось.

Совсем нежизнеспособной оказалась попытка отменить фуригану В правилах 1946 г был пункт о том, что она не должна употребляться, однако на практике она никогда не исчезала даже в учебниках, с 1972 г. этот пункт отменен [Кегоку, 1984, с 2]. Неустойчивы и не раз изменялись и правила написания хираганой окончания слов, здесь также пока не удалось добиться единства [Neustupny, 1978, с 271].

Таким образом, послевоенные реформы письменности оказались эффективными лишь частично. Современные письменные нормы, за исключением орфографии каны, менее строги, чем грамматические и даже орфоэпические.

Роль каны в современных текстах значительнее, чем до войны. Особенно это относится к хирагане, которой помимо грамматических элементов пишется и часть корней. Расширение употребления хираганы идет с двух сторон за счет корней, писавшихся редкими иероглифами, и за счет корней с наиболее обобщенной семантикой (местоимения, глаголы с широкими и стершимися значениями). Сейчас уже не редкость случаи, когда в сложном слове часть компонентов пишется иероглифами, часть — хираганой. Например, 'лексика', где го пишется иероглифом, и — хираганой, Хамарикю (название парка в Токио), где только средний компонент ри пишется хираганой. Облик таких слов нарушает привычки носителей языка, что иногда осуждается [Имаи, 1980, с 28], но в связи с выходом из употребления ряда иероглифов это неизбежно.

Некоторое изменение функции происходит и у катаканы. Она по-прежнему обозначает заимствования, но ее употребление не исчерпывается только этим. Описанные выше правила семантического разграничения хираганы и катаканы в послевоенных нормах в целом не прижились, лишь звукоподражания обычно записывают катаканой (К 1983 № 9 С 23). Но некоторые слова, иероглифическая запись которых исчезает, стали преимущественно писать катаканой. Например, 'мусор', 'рана', 'речь на сцене' (К 1984 № 2 С. 11—12), они скорее отличаются не особой семантикой, а аномальным для исконных слов звуковым обликом, делающим их похожими на заимствования. Чаще всего распределение двух видов каны зависит от контекста. В газете помимо заимствований катакана обычно употребляется во избежание длинных кусков текста, записанных сплошной хираганой: при отсутствии пробела текст из одной хираганы или катаканы трудно читать [Ёсимура, 1981, с 7—9]. См. рекламу: Нингэн ва, кидзуцуку аси дэ ару 'У человека ранены ноги', где аси 'ноги' записано катаканой для отделения от написанных хираганой цуку (корень, пишущийся иероглифом вне минимума) и дэ ару (связка). Бывает и стилистическое использование катаканы, когда слову специально придается иностранный облик (об этом будет сказано в разделе о заимствованиях).

В целом же при нестрогости японских письменных норм их колебания происходят лишь в ограниченных пределах, между основными системами письменности с 50-х годов установилось определенное равновесие. Говоря о будущем своего письма, японские специалисты обычно предсказывают, что основные его характеристики будут существовать длительное время (ГС 1984 № 11 С. 12).

Латиница в Японии

Наряду с японским письмом в Японии имеет определенное распространение и латинское (яп. ромадзи 'римские знаки'). Можно выделить три функции японской латиницы: ее использование сторонниками латинизации японской письменности, вспомогательное употребление в помощь иностранцам или для фонетической точности и стилистическое применение.

Сразу после буржуазной революции 1867–1868 гг. встал вопрос о переходе японского языка на латинский алфавит. Сторонниками латинизации были, как известно, многие специалисты за пределами Японии, однако в самой стране такие идеи никогда не находили широкой поддержки. Пожалуй, наиболее активными их сторонниками были в конце XIX — начале XX в. В 1885 г. было создано и поныне существующее общество «Ромадзикай», разрабатывающее проекты латинизации японского письма, один из них был переведен на русский язык [Культура, 1929, с 82–89] Но сейчас сторонники латинизации столь же маловлиятельны, как и те, кто ратует за переход на чистую кану (о них мы уже говорили выше). В 80-е годы были по крайней мере три ограниченных по объему журнала и бюллетеня, издаваемых обществами сторонников латинизации: «Romazi no Nippon» («Латинская Япония»), «Romazi Sekai» («Мир латиницы»), «Romazi-tayori» («Опора латиницы»); сам их внешний облик на фоне других изданий очень невыразителен. Характерно, что ни в одном из этих изданий употребление латиницы не выдерживается до конца и часть статей печатается обычным японским письмом.

Гораздо большее значение имеет использование латиницы во вспомогательных целях, В помощь иностранцам уличные и дорожные указатели, названия станций на транспорте и т. д. обычно дублируются латинскими буквами, аналогичную функцию имеют написания названий фирм на товарах, предназначенных к экспортированию, транскрибирование японских слов в двуязычных словарях и др. Особую роль играет использование латиницы в текстах, предназначенных для японцев, для более точного указания произношения (в картографии, в учебниках, в лингвистической литературе, особенно по фонетике, и в некоторых других случаях). Кана здесь недостаточно удобна, особенно при передаче иностранных названий.

Для указанных целей, а также для транскрипции японских названий в изданиях на английском и других языках используются определенные системы записи. К сожалению, полного единства в них нет, конкурируют две транскрипционные системы: хэпбёрновская (названная по имени ее автора) и так называемая система кунрэй-ромадзи (букв 'директивная латиница', традиционный русский перевод 'государственная латиница'). Хэпбёрновская система создавалась для американцев и англичан и тесно связана с особенностями английской орфографии, система кунрэй-ромадзи более научна (подробное сравнение двух систем см. [Конрад, 1945]).

Различия транскрипций довольно велики; например, слово со значением «земля, почва» пишется *tsuchi* по Хэпбёрну и *tuti* по кунрэй-ромадзи. С 1937 по 1945 г. была официально принята система кунрэй-ромадзи (отсюда — ее название), после войны, в период оккупации, вернулись к хэпбёрновской системе: она была привычнее для американцев, а система кунрэй-ромадзи ассоциировалась с периодом милитаризма [Romanization, 1977, с. 25, 27]. Попытка в 1954 г. вернуться к кунрэй-ромадзи не вытеснила хэпбёрновскую транскрипцию и только привела к разнобою: даже разные министерства пользуются разными транскрипциями [Romanization, 1977, с. 28–30]. В целом хэпбёрновская система распространена шире: ее учат в школе [Harada, 1966, с. 71], используют в учебниках, словарях, в паспортах, в надписях на дорожных указателях и почти всегда в изданиях на иностранных языках. [На ее основе обычно происходят заимствования из японского языка в западноевропейские, а иногда и в русский при условии, что они приходят не непосредственно из японского языка, а через английский. Ср. встречающиеся у нас собственные имена типа «Хитачи», «Тошиба» (названия фирм), термины дзю-до и каратэ типа хаджиме 'начинайте' (вместо нормативных «Хитати», «Тосиба», хадзимэ). Принятая русская транскрипция отлична и от хэпбёрновской, и от кунрэй-ромадзи] Кунрэй-ромадзи при-

меняется в картографии, в глоссариях технических терминов, технических словарях стандартов и др. [Romanization, 1977, с. 32–33], существуют и фирмы, использующие эту систему: имеется сеть магазинов, именуемых «Meidiya» (но университет Мэйдзи записывается в соответствии с хэпбёрновской транскрипцией: Meiji). Наличие двух систем создает определенный разнобой: в 1974 г. нам пришлось видеть вывеску («Pachinko Matubara» «Патинко «Мацубара») [Патинко — вид дешевой рулетки, широко распространенное развлечение японцев], где первое слово писалось по-хэпбёрновски, второе — по кунрэй-ромадзи. Однако спустя десять лет вывеска уже имела вид: «Pachinko Matsubara», т. е. хэпбёрновская транскрипция победила.

На практике именно она и преобладает. Однако в 80-е гг. в Японии разработана новая транскрипция, которую предполагается сделать, международным стандартом. Эта транскрипция, обсуждавшаяся на заседании Международной организации по стандартизации (ИСО) в Москве в мае 1987 г., очень близка к кунрэй-ромадзи; пока она не стала нормативной. В изданиях латинизаторов и в лингвистических работах встречаются и иные транскрипции.

Наконец, использование латиницы может иметь и стилистические цели. Хотя американизмы принято записывать катаканой, иногда они вставляются в тексты в оригинальной записи. Обычно так пишутся лишь отдельные слова, создающие эффект большей «американизации» текста: дза дайнамикку эри:то new ма:ку II 'Быстрая элитная новая марка II' (реклама автомобиля); How матти 'Сколько' (название телеигры); остальная часть текста в оригинале записана катаканой. Особенно свойственна латиница заимствованным из английского аббревиатурам: Сампун-дэ ОК! «За три минуты о'кэй!» (уличная реклама); То:кё:-коку-сай-михонъити-дэ PLO-га сесанка 'В Токийской международной ярмарке впервые участвует Организация освобождения Палестины' (заголовок в телепередаче). Предлагается даже выделить в японском языке особый класс лексики, всегда или преимущественно пишущийся латиницей [Касивамура, 1983, с. 7]. Подробнее о стилистическом применении латинады см. ниже в разделе «О двух разновидностях...».

Японская вежливость

Вежливые и невежливые формы и слова

Одной из ярких особенностей японского языка считается существование так называемых форм вежливости (кэйго). Формы вежливости представляют собой языковые средства выражения разного рода социальных (в широком смысле этого слова) отношений между говорящим, его собеседником и людьми, о которых идет речь. В той или иной степени формы вежливости есть в любом языке. [В русском языке можно отметить, например, местоимение вы в применении к одному собеседнику, уменьшительные имена существительные, часто используемые в целях вежливости, специальные выражения так точно, честь имею, соизволить (в современном языке обычно архаичные или принадлежащие к специальным подъязыкам)] «Тщательное и точное научное описание определенного языка не может обойтись без грамматических и лексических правил, касающихся наличия или отсутствия различий между собеседниками с точки зрения их социального положения, пола или возраста, определение места таких правил в общем описании языка представляет собой сложную лингвистическую проблему» [Якобсон, 1985, с. 382].

По сравнению с европейскими языками японский язык в этом плане имеет немало особенностей, из которых наиболее значимы две: наличие не только лексических, но и

грамматических форм вежливости [Грамматические формы вежливости существуют и в некоторых других языках Азии, например корейском] и большая строгость социальных правил употребления тех или иных слов и грамматических форм. Сравнительно с другими элементами системы языка формы вежливости наиболее явно связаны с общественной ситуацией, и изменения последней прямым образом проявляются в изменении языка.

Прежде чем перейти к описанию функционирования форм вежливости в японском обществе, необходимо очень кратко сказать о самой их системе в том виде, который закреплен нормой литературного языка. Мы не будем говорить о диалектных формах вежливости. Отметим лишь, что есть диалекты, где много разных форм вежливости (это особенно свойственно западу и югу Японии), а есть диалекты, где они почти отсутствуют (районы к северу от Токио). О новых явлениях, не признаваемых нормой, см ниже.] (более полное описание собственно лингвистического аспекта форм вежливости японского языка см. [Холодович, 1979, Алпатов, 1973]).

В основе системы лежит противопоставление вежливых и невежливых грамматических форм или слов. Вежливые формы и слова показывают нейтрально-вежливое, уважительное, подобострастное, приниженное и т.д. отношение говорящего к некоторому лицу, невежливые — грубое, высокомерное, фамильярное, дружеское и т.д. отношение говорящего, они же (будучи обычно более простыми по форме) употребляются и тогда, когда вообще нет никакого лица, отношение к которому надо выражать. Лицо, отношение к которому передается, может быть, во-первых, собеседником, во-вторых, лицом, о котором идет речь, например субъектом или объектом описываемого действия.

Грамматическая система форм вежливости существует прежде всего в глаголе, а также предикативном прилагательном и связке. Из двух грамматических категорий одна — адресив — связана с отношением к собеседнику. Противопоставлены невежливые формы без особого показателя, вежливые формы с суффиксом -мас- и ограниченно «сверхвежливые» формы; невежливые формы употребляются и тогда, когда собеседника нет вообще или он неизвестен (научная литература, авторский текст художественных произведений, основная часть газетной информации). Особенно богата система форм повелительного наклонения: одно и то же значение «читай!» может быть выражено формами ёмэ (очень грубо, свойственно лозунгам и командам), ёндэ курэ (несколько менее грубо, обычно к низшему), ёндэ о-курэ (к низшему со смягчением грубости), ёндэ ярэ (грубо, с дополнительным компонентом «читай третьему лицу»), ёндэ (грубо или фамильярно), о-ёми, ёндэ тедай, ёми-насай, ёмитамаэ (фамильярно), о-ёминасай (некоторая степень вежливости), ёндэ кудасай (стандартная вежливая форма), о-ёми кудасай (вежливо с дополнительным оттенком приглашения), о-ёми кудасаимаси, о-ёми кудасаимасэ (сверхвежливо), о-ёми асобасэ (крайне подобострастно, сейчас устарело), количество форм со значением повеления реально еще намного больше за счет форм косвенного повеления, прежде всего отрицательно-вопросительных типа ёндэ кудасаимасэн ка «не почитали бы?», последняя форма имеет оттенок одолжения со стороны собеседника [Ohso, 1983]

Другая категория — так называемый гоноратив — связана с отношением к субъекту или объекту действия или состояния, обозначенную глаголом. Имеются вежливо-субъектные (так называемые почтительные), вежливо-объектные (так называемые скромные) и нейтральные (лишенные специальных показателей) формы, последние используются как при невежливом отношении к субъекту или объекту действия, так и в случае, когда вежливость выражать не к кому, например в речи о неодушевленных предметах. Вежливо-объектные формы употребляются лишь тогда, когда субъект действия — сам гово-

рящий или лицо, с ним тесно связанное, например член его семьи (отсюда и их характеристика как «скромных»). В иных случаях, когда речь идет о своих действиях, употребляются лишь нейтральные формы: говорящий, каким бы высоким ни был его ранг, не может выражать вежливость к самому себе. И здесь наряду с обычными вежливыми формами (большинство из них образуется с помощью вспомогательных глаголов) существуют более редко употребляемые «сверхвежливые».

Имеются и именные формы вежливости. Используется специальная вежливая приставка о- (для канго — в варианте го-), о ней мы будем подробнее говорить тогда, когда речь пойдет о мужском и женском вариантах японского языка. См. также систему суффиксов при словах, обозначающих людей, вроде известного даже неапонистам суффикса обычной степени вежливости -сан (назвать человека по фамилии или имени без суффикса очень невежливо).

Наконец существуют и специальные слова. Ряд самых частых глагольных значений («быть», «идти», «говорить» и т. д.) выражается помимо нейтральных глаголов особыми вежливо-субъектными и вежливо-объектными глаголами: йу: 'говорить' (нейтрально), ос-сяру 'говорить' (об уважаемом лице), мо:сиагэру 'говорить' (о себе или близком человеке, обращающемся к уважаемому лицу). По вежливости различаются личные местоимения, о которых мы специально скажем в следующей главе; отметим, что все местоимения 2-го лица не слишком вежливы, в особо вежливых ситуациях к собеседнику обращаются в 3-м лице. Дифференцированы также, например, термины родства: цума, канай 'моя жена' — окусан 'ваша жена', 'жена уважаемого человека' (а также вежливое обращение к замужней женщине).

Итак, система грамматических и лексических форм вежливости японского языка развита весьма сильно и позволяет детально и дифференцированно передавать многообразные социальные отношения, существующие в японском обществе. Количество языковых средств, способных указывать на социальные различия, в японском языке очень велико и с трудом поддается учету. Так, при прочих равных условиях чисто литературные формы вежливее просторечных и диалектных; архаические, в том числе свойственные бунго, формы и слова вежливее обычных (что открывает возможность включения таких форм в литературный язык в качестве вежливых, пример с ёри приводился выше), канго вежливее, чем исконные слова; отрицательные и вопросительные формы глагола вежливее, чем утвердительные; существуют и фонетические способы выражения вежливости.

Когда употребляются формы вежливости?

Даже если отвлечься от дополнительных средств выражения вежливости, та или иная вежливая или невежливая форма сказуемого присутствует почти в любом японском предложении. [Даже там, где, казалось бы, таких форм нет (назывные предложения, предложения с опущенным сказуемым), некоторое значение в этом плане присутствует: такие предложения избегаются в вежливой речи] Поэтому японец не может избежать выражения своего отношения по крайней мере к собеседнику (иная ситуация в русском языке: если говорящему неясно, как лучше называть собеседника — на ты или на вы, он может обойти такое именование). Встает вопрос выбора форм, и выбор этот социально обусловлен.

Наличие особых социолингвистических правил в японском языке видно, например, из сопоставления японских и русских форм вежливости. На первый взгляд значение японских форм глагола с суффиксом -мас- и русского местоимения вы однотипно: пере-

дается вежливое отношение к собеседнику (соответственно значение невежливости имеется у форм без -мас- и местоимения ты). Однако прямой эквивалент в переводе не всегда возможен и выглядит по меньшей мере неестественным. В одном переводе с японского на русский профессор, заведующий лабораторией говорит ты всем подчиненным, что создает для русского читателя представление о его неинтеллигентности. Показательны переводы, где происходит отказ от таких эквивалентов. Героиня пьесы М. Горького «Васса Железнова» говорит управляющему, образованному человеку, вы, а старшему брату, которого не уважает, — ты; в переводе Хидзиката Кэйта она говорит невежливо с управляющим как с подчиненным и вежливо с братом как со старшим членом семьи. В этой же пьесе одна из дочерей говорит Вассе ты, другая — вы, что отражает их разное отношение к матери; в переводе это различие стерто. Таким образом, в японском переводе персонажи говорят сообразно со своими социальными, в том числе семейными, ролями.

В самом общем виде социальные противопоставления, значимые для выбора форм, сводятся к двум: «высший — низший» и «свой — чужой».

Первое противопоставление связано с иерархическими отношениями того или иного рода в японском обществе. Японская исследовательница Идэ Сатико выделяет три основных социальных правила: вежливые формы применяются к лицам, постоянно высшим по своему социальному положению (начальники, лица престижных профессий, представители высших слоев общества), к старшим по возрасту и к лицам, высшим по функции, выполняемой в данный момент (представители власти, врачи, кредиторы, клиенты в сфере обслуживания и т. д.). Два первых правила действуют постоянно, характер третьего переменен, ср. ситуации одалживания, просьбы и т. д., где роли могут меняться в пределах диалога [Ide, 1982, с. 366—368]. Может быть выделено и четвертое правило в связи с половыми различиями, об этом мы специально будем говорить в следующей главе.

Признак «свой — чужой» связан с включением того или иного человека в состав некоторой группы, в которую входит говорящий, или исключением из нее. Мы уже отмечали, что противопоставление «свой — чужой» очень значимо для японского общества во многих случаях, формы вежливости не составляют тут исключения. Говорящий в зависимости от ситуации может ощущать себя представителем различных групп — от семьи до государства. Общее правило: вежливые формы употребляются по отношению к чужим, невежливые — по отношению к своим.

Указанные правила, как легко видеть, часто противоречат друг другу. Ситуацию хорошо охарактеризовал советский японист А. А. Холодович: «Японец, вступая в речевое общение, постоянно встречается с неразрешимыми противоречиями: по признаку возраста М может оказаться старше и, стало быть, выше N; по признаку пола тот же М, будучи женщиной, может оказаться ниже N, если N — мужчина; по признаку «сфера услуг» М, будучи клиентом, обслуживаемым лицом, может оказаться вновь выше N, который является, например, продавцом, и т. д. Из этого следует, что в процессе речевого общения японцу, который должен непреклонно считаться с этой довольно сложной и противоречивой иерархией, каждый раз приходится решать (разумеется, интуитивно, бессознательно и мгновенно) задачу на преферентность (предпочтение. — В. А.) иерархических признаков» [Холодович, 1979, с. 26].

В целом существуют определенные традиционные правила (обычно бессознательные), позволяющие решать эту проблему довольно однозначно в соответствии с теми или иными социальными ролями. Эти правила не совсем одинаковы для двух упомянутых грамматических категорий. Как указывает Идэ Сатико, при выборе форм, передающих отношение к собеседнику, из трех описанных выше правил наиболее значимо последнее:

к полицейскому или врачу обращаются вежливо даже в том случае, если говорящий старше и/или социально выше [Ide, 1982, с. 369]. Большое значение этого факта проявляется в сфере обслуживания: всегда бросается в глаза подчеркнутая вежливость японских продавцов, кассиров, служащих банков, железных дорог и т. д., частое ими употребление «сверхвежливых форм», почти не используемых в иных ситуациях, благодарностей и извинений по отношению к любым клиентам, кроме детей. В неслужебной ситуации тот же человек может обратиться к тому же самому собеседнику далеко не вежливо. Это объясняется тем, что традиционно покупка, вклад денег в банк, проезд на транспорте и пр. рассматриваются в японском обществе как одолжение со стороны клиента, который волен платить или не платить. Характерно, что при нехватке продуктов в годы войны, когда покупка уже не могла рассматриваться как одолжение, вежливость продавца резко снизилась [Цудзимура, 1967, с. 211].

Из двух остальных правил первое чаще более значимо, чем второе: к начальнику обращаются вежливо, даже если он моложе подчиненного. Фактор возраста, таким образом, играет наименьшую роль, однако косвенно он может влиять на другие признаки, так как внутри более или менее однородных социальных групп в Японии иерархия обычно задается возрастом; например, должность часто автоматически зависит от выслуги лет [Ide, 1982, с. 368]. Показательна и иерархия среди школьников и студентов, где принято обращаться вежливо к тем, кто учится в старших классах и на старших курсах, и невежливо — к младшим. Эта иерархия часто сохраняется у выпускников одного учебного заведения на всю жизнь [Suzuki, 1978, с. 110].

Признак «свой — чужой» в целом для адрессива оказывается даже более значимым, чем признак «высший — низший». В современной Японии существует явная тенденция употреблять вежливые формы с суффиксом -мас- и аналогичные им по отношению к любым «чужим» (надо только учитывать, что признак «чужой» не абсолютен, а относителен). К иностранцу независимо от его возраста и социального положения японец почти в любой ситуации обратится с -мас-, а иностранец в Японии имеет малые возможности для употребления простых форм; этим объясняется преимущественное внимание к формам с -мас- в большинстве учебников японского языка для иностранцев, что нередко порождает неправильное представление об этих формах как об основных формах японского глагола. Руководитель фирмы обычно использует формы с -мас- в беседе с представителем другой фирмы, даже если последний ниже рангом. Формы без -мас- бытуют лишь при очень явной социальной дистанции, например в разговоре с детьми, но даже здесь бывают случаи обращения с -мас-: ведущий токийского муниципального праздника обращался так к детям-барабанщикам; интересно, что они отвечали ему без вежливых форм (для детей, особенно маленьких, это более допустимо, чем для взрослых).

В отношении гоноратива правила несколько иные, что видно в разговоре об отсутствующих. По мнению Идэ Сатико, здесь социальное положение и возраст важнее, чем исполняемые функции [Ide, 1982, с. 369]. Вежливо-субъектные и вежливо-объектные формы не приняты, когда речь идет о низших «чужих» и даже равных «чужих». Весьма обычна ситуация, когда с собеседником говорят, используя -мас-, но о его действиях говорят, не употребляя вежливо-почтительных форм. Например, именно такое обращение в ситуации разговора с незнакомым человеком одного возраста предпочли почти все информанты-мужчины и больше половины информантов-женщин в упоминавшемся массовом обследовании кварталов Нисиката и Нэцу в Токио [Огино, 1983, с. 51–61]. Обратная ситуация — применение вежливо-субъектных форм при отсутствии -мас- в речи о собеседнике — невозможна; так можно сказать лишь в речи о третьем лице, где формы разных

степеней вежливости относятся к разным лицам, например в ситуации, когда мать говорит дочери об отце.

На вежливо-субъектные формы в отношении действий третьего лица и вежливо-объектные формы в отношении своих действий для третьего лица оказывает влияние связь говорящего с собеседником. Говорить вежливо о третьем лице означает одновременно проявлять некоторое невнимание к собеседнику. Это допустимо, когда третье лицо — наивысшее в иерархии (например, когда сослуживцы говорят о начальнике, мать — с детьми об отце), но не тогда, когда собеседник — лицо, высшее для говорящего или же чужое для него. Служащий даже о своем начальнике не может говорить почтительно в беседе с клиентом, это будет невежливо по отношению к последнему. Нам пришлось наблюдать, как на научной конференции докладчик, излагая историю вопроса, употреблял почтительные формы по отношению ко всем своим уважаемым предшественникам (покойным и живым), за исключением собственного непосредственного начальника: последний рассматривался как «свой», остальные ученые — как «чужие».

Итак, в применении форм вежливости довольно строго отражается иерархия, имеющая несколько параметров. На нее накладываются и другие отношения: возрастные, влияние которых усиливается из-за неизжитых традиционных конфуцианских представлений о почтении к старшим [Ide, 1982, с. 368], групповые, профессиональные. Последние заметны, например, в отражении в речи привычного уважения к профессии врача (в японском фильме, где действие происходит во время антарктической экспедиции, ее начальник говорит фамильярно со всеми подчиненными, кроме врача) или же в традиции сохранять почтительное обращение к своему бывшему учителю независимо от собственного ранга [Suzuki, 1978, с. 141].

Конечно, в описанных социальных правилах отражается характер современного японского общества при пережиточном сохранении того, что было сформировано в предшествующие эпохи (см. ниже об императорских формах вежливости). Однако многое определяется и национальной спецификой Японии. Как отмечала Идэ Сатико в докладе на I конференции по формам вежливости в университете Гакусюин в Токио (1985 г.), для японского языка по сравнению с английским характерна не только сложность системы форм вежливости, но и более строгая ее связь с языковым поведением: при разговоре сразу с несколькими собеседниками американец склонен ко всем обращаться одинаково, японец же будет дифференцировать свою речь. Для японского языкового поведения в отличие от американского характерна, по мнению специалистов, тенденция к закреплению социальных функций человека с двух точек зрения — иерархии и принадлежности к группе. Люди при этом оцениваются не как индивидуальность, а лишь с точки зрения их общественного положения [Mizutani, 1981, с. 106]. Принадлежность к фирме при обращении важнее, чем профессия и даже имя и фамилия: японцев часто именуют по должности или степени родства, но редко по имени; японец часто может не знать, как звали его бабушку или дядю [Mizutani, 1981, с. 106–107]. Таким образом, само существование социальных рангов и групповых различий стабилизируется и осознается через языковое поведение, особенно через употребление форм вежливости.

На эту систему оказывают влияние два дополнительных фактора — ситуация общения и индивидуальные отклонения. Употребление форм вежливости при тех же говорящем и собеседнике может не совпадать в зависимости от ситуации общения: чем официальнее (формальнее) ситуация, тем при прочих равных условиях вежливее речь. Признак официальности ситуации связан с упоминавшимся признаком «свой — чужой»: с «чужими» редко общаются в неофициальных ситуациях. Однако полного совпадения

здесь нет. Возьмем способы общения на научной конференции, где участники хорошо знают друг друга: в докладах обычно строго выдерживается вежливое отношение к слушателям, уже в ответах на вопросы оно часто снижается, а в последующей неофициальной беседе на профессиональные темы может исчезнуть совсем.

В ряде ситуаций их официальность требует употреблять вежливые формы по отношению к собеседникам, а также вежливо-субъектные и вежливо-объектные формы в связи с ними же: таковы публичные выступления, лекции, проповеди, похоронные речи и т. д. [Ide, 1982, с. 374]; есть, впрочем, исключения: традиционно с XIX в. не принято использовать в большом количестве формы вежливости в парламентских дебатах. В ситуациях такого рода, с одной стороны, множество неопределенных собеседников и даже точный количественный состав их зачастую неизвестен, с другой стороны, это множество заданы некоторые параметры (единомышленники, специалисты в данной области, родные и друзья покойного и т. д.). Они занимают как бы промежуточное положение между ситуациями, где круг собеседников точно определен (разговор, переписка), и ситуациями, где вообще ничего нельзя сказать о собеседнике; в последних, характерных, как правило, для письменной речи, как уже говорилось, почти не используются вежливые формы (исключая речь об императорской семье и о Боге). Случаи рассматриваемого здесь типа мы назовем ситуациями с полуопределенным собеседником.

В данный класс включаются и ситуации, представленные в телевизионных новостях и выступлениях комментаторов, рекламе, плакатах и в воззваниях политических партий, письмах неизвестным адресатам (например, жильцам какого-то района), некоторых рубриках газет и журналов (статьи для женщин, садоводов, рыболовов и т. д.). Здесь собеседники еще менее ясны, говорящий их не видит и не слышит. Но и тогда задаются некоторые параметры (политические единомышленники, соседи, собраты по увлечению, любители того или иного товара), для большей эффективности к каждому слушателю или читателю обращаются так, будто он — реальный и единственный собеседник, иногда, особенно в рекламе, проявляются и отношения, характерные для сферы обслуживания. В таких ситуациях активно употребляются вежливые, а иногда и «сверхвежливые» слова и грамматические формы. Приведем в виде примера часть письма Строительной компании жильцам соседних со стройкой домов: Го-кинрин-но минасамагата-э. Майнити со:он-дэ го-кинрин-но минасамагата-э ва тадайна го-мэйваку-о о-какэ си, тайхэн мо:сивакэнаку омоттэ оримасу... Кёкурёку, со:он-ни ва хайре-итасимасу нодэ, го-кё:реку-о о-нэгаи итасимасу 'Всем уважаемым соседям. [Мы] будем каждый день своим шумом создавать значительные помехи всем уважаемым соседям, [мы] не находим слов для извинений. [Мы] очень обеспокоены [причинением вам беспокойства из-за] шума, поэтому просим [вашего] содействия' Здесь мы видим самые разные вежливые формы: суффикс -мас- при всех глаголах, вежливо-объектные формы со вспомогательными глаголами суру, итасу, ору, приставку о-/го-, присоединяемую ко многим именам, почтительный показатель множественности -гата, специальные вежливые слова минасама 'все', мо:сивакэнаку 'нет слов для извинений', «изысканные» канго типа кинрин 'соседи', со:он 'шум', тадайна 'большой', 'значительный'. Такие примеры часто нельзя перевести на русский язык с эквивалентной передачей всех форм вежливости, даже приблизительной, как, например, переводить разные местоимения 1-го лица? Показателен такой факт в отличие от других японских газет орган КПЯ газета «Акахата» использует вежливые формы глагола с -мас- во всех статьях в целях установления более тесного контакта с читателем.

Различие устных и письменных видов коммуникации также может влиять на употребление форм вежливости. С одной стороны, употребление простых глагольных форм

без -мас- не выглядит невежливым лишь на письме, в устной же речи ситуация полной неопределенности собеседника почти исключена (кроме «мыслей вслух»). Поэтому, например, при прочтении на научной конференции опубликованной статьи нельзя просто произнести вслух то, что напечатано, необходимо заменить все простые формы глагола-сказуемого на вежливые. [Употребление форм с -мас- в вежливой речи строго выдерживается лишь для глагола-сказуемого, включение -мас- в состав деепричастий и пр. ощущается как признак «сверхвежливости»] С другой стороны, при прочих равных условиях письменное общение кажется официальнее устного, поэтому даже хорошие знакомые могут использовать вежливые формы в переписке, а иногда и по телефону, не употребляя их при встрече. Интересно также распределение упомянутого суффикса -сан- и более вежливого его эквивалента -сама первый обычен в вежливой устной речи, но на письме не всегда считается подходящим, второй обычен в переписке, а в устной речи имеет «сверхвежливый» оттенок и применяется обычно лишь в сфере обслуживания

Наконец, в определенных рамках возможны и индивидуальные особенности употребления форм вежливости. Ряд ситуаций допускает вариативность форм (тем более что есть формы, не имеющие уже особых различий по вежливости, см. ниже). Отмечается, например, стремление некоторых людей употреблять вежливые формы и там, где можно без них обойтись, подчеркивая таким образом свою воспитанность [Ide, 1982, с. 367]. Различия вежливых и невежливых форм довольно жестко связаны с социальной ситуацией, в меньшей степени это можно сказать о различии вежливых и «сверхвежливых» форм, последние часто определяются индивидуальными склонностями. Например, в токийском метро при объявлении станции можно слышать примерно с одинаковой частотой Касумигасэки дэсу ('Касумигасэки' — название станции метро) — проявление обычной вежливости к собеседнику и Касумигасэки дэ годзаимасу — то же, но с подчеркнутой вежливостью. В лекциях и докладах одни выступающие используют вежливые, другие — «сверхвежливые» формы, неодинаково и употребление личных местоимений, что, впрочем, может быть связано и с возрастными различиями (см. ниже).

Таковы основные правила употребления форм вежливости в японском языке. Есть отдельные случаи, регламентируемые специальными нормами, например при упоминании о членах императорской семьи.

Веками в массовом сознании японцев поддерживалась идея о божественном происхождении императорской династии. В соответствии с ней члены императорской семьи воспринимались как особые люди, отличные от остального человечества. По отношению к ним, естественно, использовались особые слова и грамматические формы исключительной степени вежливости. Такая традиция, установленная в средние века, дожила до поражения Японии во Второй мировой войны. В 1944 г. был составлен словарь императорской лексики, включавший 372 слова, значительная часть которых к тому времени, впрочем, употреблялась лишь внутри самой императорской семьи и при дворе. Особенно много среди императорской лексики было слов, обозначающих пищу (чтобы как-то возвысить процесс приема пищи членами императорской семьи), существовал также специфический набор приветствий, местоимений, менялись многие глаголы, ср. годзэн 'вареный рис' вместо обычного гохан, о-ситонэ 'подушка для сидения' вместо дзабутон, о-сурусуру 'благополучно' вместо будзини, о-сумару 'ложиться спать' (об императоре), о-сидзумару 'ложиться спать' (о других членах императорской семьи) вместо нэру и т.д., большинство слов такого рода содержало вежливую приставку о-/го- [Sakurai, 1984].

После войны тезис о божественном происхождении императора был официально отменен, а указанная императорская лексика была признана не соответствующей време-

ни и исключена из употребления. Сейчас при массовых обследованиях выясняется, что большинство информантов не знают этих слов и считают их странными [Отакэ, 1984, с. 74–75] Отказались от них и сами члены императорской семьи (по крайней мере вне семейного общения) император после войны уже не именуется публично особым местоимением тин, перейдя на стандартное ватакуси [Sakurai, 1984, с. 60].

Однако официально было решено сохранить по отношению к членам императорской семьи независимо от их возраста использование вежливо-субъектных и вежливо-объектных форм, но не специфически императорских, а обычных, возможных и в отношении других людей. Специфика здесь все равно сохраняется, но уже как стилистическая: в газетной информации вежливо-субъектные и вежливо-объектные формы обычно употребляются лишь применительно у членам японской императорской семьи (реже — к иностранным монархам). Такие нормы строго выдерживаются в печати (исключая такие газеты, как «Акахата»), по телевидению и радио. Даже при показе по телевидению гостиницы, где как-то останавливался император, ее обстановка именовалась с употреблением приставки о-/го-: о-хэя 'комната', го-дзасэки 'сиденье' и пр. Такое употребление поддерживается правительством и оппозицией, исключая коммунистов.

В разговорной речи и вообще в неофициальных ситуациях такое употребление далеко не обязательно. Нам приходилось в феврале 1974 г. наблюдать приезд императора и императрицы в морской музей в г. Симидзу (префектура Сидзуока) Многие встречавшиеся использовали обычные, лишенные вежливости формы типа Кита 'Приехал' вместо нормативного в таких случаях Ирассятта.

Вежливые формы в средствах массовой информации могут меняться и в отношении иностранных монархов, но непоследовательно и только тогда, когда они выполняют ритуальные функции; если речь идет об их политической деятельности, вежливые формы не приняты [Исино, 1977, с. 51–53].

Формы вежливости прежде и теперь

В средневековой Японии, особенно в позднее средневековье, система вежливости была еще сложнее, чем сейчас, а правила употребления форм вежливости — много жестче; любой говорящий не смел выходить за пределы речевых норм, установленных для его сословия. В основном за счет этого количество форм вежливости в позднефеодальное время было исключительно велико. Например, в языке XVII — начала XIX вв. зафиксировано 31 местоимение 1-го лица, 48 местоимений 2-го лица [Сыромятников, 1978, с. 50–67]. Еще в довоенные годы сохранялись многие формы вежливости, унаследованные от феодальной эпохи, например специальные императорские. Сама система форм вежливости в то время рассматривалась как вне Японии, так и левыми деятелями в самой стране как феодальный пережиток, подлежащий устранению в будущем [Конрад, 1937, с. 13 и др.]. В первые послевоенные годы несоответствие старых норм языковой реальности было особенно заметно в отношении форм вежливости; социальные перемены здесь наиболее явно повлияли на язык. В 1952 г. были приняты новые нормы под названием «Корэкара-но кэйго» («Формы вежливости отныне»). Однако они появились в момент, когда резкие изменения в языке еще продолжались, и ряд положений вскоре устарел. Ко второй половине 50-х годов произошла стабилизация системы форм вежливости, хотя кое в чем она продолжала меняться и позже. Отмечается, что окончательный переход итасу 'делать' из вежливо-объектной формы вежливости в форму вежливости к собеседнику произошел в

конце 50-х — начале 60-х годов [Сакамото, 1983, с 18]. Не так давно произошел и сдвиг значения местоимения 2-го лица аната (см. ниже).]

Столь быстрые изменения в языке, часто происходящие помимо установленных норм, конечно, не могут перестроить речь всех носителей японского языка. Люди старшего поколения обычно сохраняют привычки, оставшиеся смолоду; в отношении употребления форм вежливости основное различие существует между лицами, получившими образование до и после войны; это показали, в частности, два исследования употребления форм вежливости в г. Окадзаки (префектура Айти), проведенные Государственным институтом японского языка с интервалом в 20 лет [Уно, 1984, с. 91]. При сопоставлении употребления форм вежливости лицами разных поколений выявлены следующие тенденции.

(1) Система форм вежливости в целом упрощается. Многие слова и грамматические формы исчезают или оттесняются на периферию языка, сохраняясь в особых, обычно ритуальных ситуациях типа речи о Боге или возведения актера кабуки в высший ранг. Таковы, например, вежливо-субъектные формы со вспомогательными глаголами насару, асобасу, слова данна 'господин', какка 'ваше превосходительство', обосимэсу 'думать' (почтительно) (список таких единиц см [Окуяма, 1983, с. 35, 40]) Исчезать могут единицы разных уровней вежливости; например, в речи молодежи почти перестала, за исключением некоторых диалектов, употребляться грубая форма местоимения 1-го лица васи. Однако в целом тенденцию к исчезновению имеют прежде всего «сверхвежливые» формы, таковы все примеры выше. Особенно это относится к вежливо-субъектным и вежливо-объектным формам, где употребительных «сверхвежливых» форм практически не осталось: обследования в кварталах Нисиката и Нэцу показали, что большинство опрошенных не употребляют эти формы, а зачастую и не знают их вообще [Огино, 1983, с. 62–64]. В то же время новые формы вежливости, как правило, не появляются (исключая американизмы, редко выходящие за пределы молодежного жаргона), хотя частота употребления некоторых форм вежливости может и расти.

(2) Уровень вежливости многих сохраняющихся слов и грамматических форм понижается, а различия по степени вежливости часто стираются. Так, потеряли вежливый характер вспомогательный глагол агэру со значением действия, направленного от своего к чужому [Мисоно, 1982, с. 37–40], а также местоимение 2-го лица аната, еще недавно считавшееся нейтрально-вежливым [Тани, 1981, Накамура, 1983, с. 4–5]. Обратного развития не наблюдается. Стирание различий происходит в вежливо-субъектных и вежливо-объектных формах. Среди вежливо-субъектных форм до войны выделялись формы четырех уровней вежливости, сейчас две из них (со вспомогательными глаголами насару и асобасу) практически исчезли, а две оставшиеся (со вспомогательным глаголом нару и с суффиксом -рарэ-) одинаковы по степени вежливости, хотя вторая имеет несколько официальный оттенок. Сейчас здесь выделяется единый вежливый уровень, противопоставленный невежливому.

(3) Растет тенденция не употреблять вежливые формы по отношению к третьему лицу. Она уже полностью господствует, например, в телеинформации, где, если отвлечься от речи об императорской семье, вежливость выражается только по отношению к зрителям. Заметна эта тенденция и в разговоре: сейчас студенты говорят с преподавателями вежливо, но в отличие от довоенного времени обычно не употребляют вежливых форм, говоря о преподавателях между собой [Mizutani, 1981, с. 165]. Такое употребление встречается и в учебниках, в них имеются предложения, в которых о действиях учителя гово-

рится без вежливо-почтительных форм [Окуяма, 1983, с. 34]. Вежливые формы любого типа постепенно становятся формами выражения вежливости к собеседнику.

(4) В связи с подобной тенденцией наиболее разрушенной оказывается самая сложная по значению подсистема вежливо-объектных («скромных») форм [Сибата, 1965, с. 58–59]. Сами по себе формы сохраняются, но значение их переосмысливается. Нередко они используются как вежливо-субъектные, что запрещается литературными нормами, однако массовые обследования свидетельствуют о полном признании почти половиной молодежи такого употребления [Исии, 1983, с. 112]. Еще чаще эти формы начинают появляться в речи о любых собственных действиях или о любых действиях лиц, связанных с говорящим, независимо от наличия объекта; для вежливых глаголов итасу 'делать', маиру 'идти', мо:су 'говорить' это уже признано нормой, в таких случаях вежливое отношение может выражаться только к собеседнику [Сакамото, 1983, 18–19]. Например, докладчица на лингвистической конференции сказала о себе: Дайгаку-о соцугё:-итасимасита 'Окончила университет'.

(5) Противопоставление вежливых и невежливых форм по отношению к собеседнику устойчиво и не проявляет каких-либо тенденций к ослаблению. Наоборот, оно, как мы видели, усиливается за счет изменения значений форм вежливости других типов. Употребительность вежливых форм с -мас- растет; сейчас уже не редкость использование их начальником по отношению к подчиненному [Исино, 1977, с. 30]. Однако в целом частотность форм без -мас- и аналогичных им по вежливости все-таки выше [Баба, 1982, с. 101]. В отношении собеседника продолжают существовать и «сверхвежливые» формы, которые, однако, все более приобретают специфическую окраску, ассоциируясь со сферой обслуживания. [В крупных универмагах специально нанимают девушек, обычно подрабатывающих студенток, которые стоят у входа и произносят фразу: Ирассяимасэ 'Пожалуйста'.].

Таким образом, система форм вежливости становится проще. Характерно, что речь иностранцев, изучавших японский язык по старым учебникам, воспринимается в Японии как «слишком вежливая» (ТВТ. 1987. Февраль. С. 55). Однако эта система не исчезает совсем. Как показывают массовые обследования, большинство носителей языка, включая школьников, считают, что формы вежливости необходимы в зависимости от ситуации. Во время одного из обследований среди школьников 47,5% информантов высказались за сохранение нынешней системы форм вежливости, 22,5% — за ее усложнение и 30,1% — за дальнейшее упрощение, лишь 1,9% опрошенных заявили, что они не употребляют вежливые формы [Исии, 1983, с. 108–109]. Японские лингвисты уже не предсказывают исчезновения форм вежливости, а сходятся на том, что они будут существовать и в дальнейшем (Г. 1977, № 1. С. 66–68). Указывается, что в процессе урбанизации и развитии бизнеса роль форм вежливости возрастает [Ide, 1982, с. 376–377].

Как говорят японки

Исследователи русского, английского, французского и других языков развитых стран обычно недостаточное внимание уделяют специфически мужским или женским оборотам, можно найти лишь отдельные замечания на этот счет [Jespersen, 1946, с. 237–254]. Из этого, конечно, не следует, что мужчины и женщины говорят на таких языках совершенно одинаково, но все же существующие различия не слишком бросаются в глаза. Здесь трудно найти слово или тем более грамматическую форму, которые бы не могли употребляться мужчинами или женщинами; различия обычно связаны лишь с большей

или меньшей популярностью тех или иных слов или оборотов; см. преимущественно женские выражения типа Ой, девочки или большую частоту уменьшительно-ласкательных слов в русской женской речи сравнительно с мужской. Разница между речью мужчин и женщин может быть меньше, чем индивидуальные речевые особенности.

Иная ситуация в японском языке. Правила речевого поведения для мужчин и женщин в Японии очень различны. Мужчина, говорящий «по-женски», или женщина, говорящая «по-мужски», вызывают лишь насмешки, серьезной проблемой считается, например, отучивание мальчиков от «женских» речевых особенностей, воспринимаемых от воспитательниц детских садов и учительниц [Хинаго, 1961]. Различия мужской и женской речи значительно превосходят индивидуальные особенности, и отрешиться от них крайне трудно. Лингвистка Сугияма Мэйко писала, что она долго не замечала в своей речи женских особенностей, но после наблюдений над собой убедилась в том, что говорит «по-женски» (ГС. 1984 № 3. С. 8).

Эти различия связаны с существованием специфических мужских и женских единиц языка. Можно говорить не только о речевых различиях, но и об особых, половых по своему функционированию разновидностях японского языка. [Можно говорить и о детских разновидностях языка, имеющих специфические особенности. Речь мальчиков и девочек при этом различается сравнительно мало.] Японский язык складывается не только из территориальных и социальных вариантов, о которых мы говорили выше, но и из мужских и женских вариантов. Последние могут быть выделены в разговорных разновидностях литературного языка, материалом которого мы ограничимся, и во многих диалектах, отмечается, что разница между мужской и женской речью ощутимее в городе, чем в деревне [Kindaichi, 1978, с. 74–75].

Различия мужского и женского вариантов японского литературного языка проявляются почти на всех ярусах языковой системы. Одинаковы лишь фонемы и правила их сочетаемости, но уже в области интонации налицо расхождение. Наиболее явно отличаются друг от друга два варианта в области грамматики и лексики.

Расхождения двух вариантов языка могут проявляться, во-первых, в существовании какого-то элемента только в одной разновидности языка, во-вторых, в различии значений, в-третьих, в удельном весе того или иного элемента: в одном варианте он может быть центральным, в другом — периферийным, что в речи проявляется в частоте употребления.

В виде примера разберем систему личных местоимений 1-го и 2-го лица (для местоимений 3-го лица особых расхождений нет). Лишь самое вежливое местоимение 1-го лица ватакуси мужчины и женщины употребляют одинаково. Только мужчины употребляют местоимения боку (самое обычное), орэ (невежливое) и васи (невежливое, сейчас устарело); только женщины — атаси (фамильярное) и атакуси (вежливое, устаревает). Местоимение ватаси употребляют те и другие, но у женщин оно стандартно, а у мужчин вежливо (несколько менее, чем ватакуси) и в целом свойственно больше лицам старшего поколения. Имеются такие соответствия (местоимения приводим в порядке убывания степени вежливости, в каждой паре слева мужское, справа женское): ватакуси — ватакуси, ватаси — атакуси, боку — ватаси, орэ — атаси [Ide, 1982, с. 358]. [Последняя пара соотносима несколько по-иному, чем остальные. Атаси фамильярно, но не грубо, употребляется по отношению к подругам, возлюбленным и пр.; орэ употребляется по отношению к низшим и прямого аналога в женском варианте не имеет. Общее между ними лишь то, что они — самые невежливые местоимения в системах] Заметна тенденция к установлению в качестве основных местоимений 1-го лица (для всех ситуаций, кроме самых вежливых и самых невежливых) боку для мужчин и ватаси для женщин, для среднего и млад-

шего поколений это общепринято. Ср. лозунги типа Боку мо ватаси мо сэцуяку-сиё: 'И я [мужчина], и я [женщина] будем экономить!' и надписи в зоопарках и зоомагазинах, указывающие на пол животного: Котоси ва боку-но тоси дэсу 'Этот год — мой год' (надпись на вольере с бычком в 1985 г. — году быка, текст как бы подается от имени животного).

Наличие многих местоимений 1-го лица, различаемых по полу говорящего и степени вежливости, создает большие трудности для переводчиков на японский язык, поскольку здесь надо обязательно обозначать характеристики, зачастую не известные из оригинала. В виде примера в одной статье рассматриваются переводы стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль», написанного от лица корабля. Разные переводчики пытались использовать разные местоимения, однако в любом случае появлялся тот или иной смысловой оттенок, отсутствующий в оригинале; стремление не употреблять местоимения приводит к искусственности речи [Охаси, 1984].

Среди местоимений 2-го лица имеются грубое омаэ, фамильярные кими и анта и более вежливое, чем остальные, но заметно теряющее вежливость аната (в вежливых ситуациях мужчины и женщины называют собеседника в 3-м лице). Из них кими — самое частое местоимение в мужской речи, но недопустимое для женщин по литературным нормам, омаэ — тоже мужское местоимение (иногда оно встречается в речи женщин старшего поколения), анта чаще встречается у женщин, хотя возможно и у мужчин, в фамильярной речи анта до недавнего времени равно употреблялось мужчинами и женщинами, но теперь анта, подобно ватаси, начинает превращаться в женское местоимение [Тани, 1981, с. 19–20] (о японских местоимениях и их значениях см. [Алпатов, 1980]).

Среди грамматических различий наиболее заметны расхождения в употреблении модально-экспрессивных частиц, обычно завершающих предложение. Японский язык богат такими частицами, передающими разные значения типа просьбы, обращения, подтверждения и т. д. или же те или иные эмоции говорящего; буквальный их перевод на русский язык обычно затруднителен. В разговорной речи почти каждое предложение снабжается одной или несколькими такими частицами. В случае письменной ее фиксации они — вернейший индикатор принадлежности речи мужчине или женщине. К мужским частицам относят дзо, дзэ, на:, я:, к женским — ва, но, ма:, касира, ара; частицы могут различаться и по степени периферийности в том или ином варианте. Некоторые частицы различаются значениями: частица ё невежлива как мужская и довольно вежлива как женская [Танака, 1977, с. 57]. Такого рода различия формируются с самого раннего возраста: уже двухлетние девочки используют экспрессивную частицу но, появляющуюся в их речи раньше большинства грамматических показателей [Хаякава, 1982, с. 9, 14].

Другие грамматические различия проявляются в употреблении форм вежливости. По литературным нормам только мужчины могут употреблять фамильярный суффикс -кун при именах, обозначающих людей; женщины в подобных ситуациях используют суффикс -сан (в мужском варианте он вежлив, в женском нейтрален по степени вежливости). Упомянутый вежливый префикс о-/го- в мужской разновидности языка обычно применяется лишь при обозначении предметов, действий и пр., как-то связанных с уважаемым лицом; см. примеры типа Такахаси-сама го-айбе: 'Любимая кошка г-на Такахаси' (надпись на клетке в гостинице для животных; почтение выражено, понимается, не к кошке, а к ее владельцу). Такое употребление свойственно и женщинам, но в женской разновидности языка значение о-/го- шире. Женщины используют эту приставку при самых различных именах с целью выражения высокой степени уважения к собеседнику [Присоединение о-/го- к конкретным словам зависит от ряда факторов, оно затруднительно в случае слов, начинающихся с гласных, слов с неприятным значением, неосвоенных заим-

ствований и вообще лексики, непривычной для женщин [Сибата, 1957, Отакэ, 1984].]: го-хон в мужской речи в зависимости от контекста значит 'Ваша книга', 'книга уважаемого лица', 'книга, преподносимая мной Вам (или уважаемому лицу)', в женской речи так можно сказать о любой книге. Некоторые слова, особенно привычные для женщин, в женской разновидности языка вообще не существуют без вежливой приставки: лапшу из гречневой муки мужчины могут называть соба или о-соба, женщины — только о-соба [Ряд слов уже не употребляется без о-/го- и мужчинами, в таких случаях приставка выделяется только этимологически: отаку 'дом', 'квартира' (вежливо), гохан 'вареный рис', 'еда'.].

Женщины избегают самых невежливых, а мужчины — самых вежливых форм; они либо не существуют в одном из вариантов языка, либо занимают в нем периферийное положение. Женщины практически не пользуются грубыми формами повелительного наклонения [Сибата, 1965, с. 51]. «Сверхвежливые» формы свободно употребляют лишь женщины, из мужчин их применяют лишь работники сферы обслуживания при исполнении обязанностей. Аналогичные тенденции проявляются и в лексике. Так, хара 'живот' считается «мужским» словом, женщины пользуются более вежливым словом, о-нака, возможным и в мужской речи [Идэ и другие, 1984, с. 32–33]. Специфически женскими словами считаются огуси 'волосы', охия 'холодная вода', омия 'подарок' (этимологически содержащие приставку о-), в современном языке таких слов немного (см. Словарь женских слов [Масимо, 1967]).

Еще одна особенность женской речи: во многих случаях отсутствуют грамматические показатели, особенно падежные и связочные; в мужской речи такие возможности более ограничены [Hinds, 1982, с. 178].

Все указанные различия касаются в основном разговорного языка. На письме, а также в устно-книжных текстах (телености или лекции) пол пишущего или говорящего не проявляется столь четко; впрочем, в личной переписке и даже в публицистике мужчина может назвать себя боку. Более детальные исследования показывают, что отличия существуют и в этой области, однако они проявляются не столько в употреблении разных слов или грамматических форм, сколько в правилах построения текста и носят скорее статистический характер. Лингвист С. Макино, проводивший эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагалось написать сочинение на заданную тему, отмечает, что мужчины строят текст по более свободной форме, передавая в первую очередь содержание рассказа; для женщин более характерно использование стереотипных формул, зачинов. То же проявляется и в личной переписке, в эссе и дневниках, где мужчины больше стремятся к информативности, а женщины — к передаче эмоционального состояния [Макино, 1979]. Вывод автора: мужчины в первую очередь заботятся об описании событий, женщины — о выражении эмоций [Макино, 1979, с. 214]. Используя термины Семантики, можно сказать, что в Японии мужская речь более денотативна, женская — более коннотативна.

Об этом пишут многие. По словам Р. Э. Миллера, «женщины в японском обществе традиционно говорят о других вещах, нежели мужчины, или как минимум они говорят разное, даже когда они говорят об одном и том же. Это делает трудными и даже невозможными попытки привести типичные эквиваленты выражений в мужской и женской речи, так как в большинстве ситуаций содержание и предмет разговора будут отличаться не меньше, чем речевые выражения» [Miller, 1967, с. 289]. Писательница Кора Румико пишет, что японские женщины привыкли обращать основное внимание на интонацию высказывания и на модально-экспрессивные частицы, поэтому речь многих женщин бедна

лексикой. Она же приводит такой факт: во время войны девочки, эвакуированные из Токио в префектуру Ниигата, где в то время многие общались только на диалекте, могли разговаривать с местными девочками, усвоив лишь диалектную интонацию и частицы [Кора, 1971, с. 74–75].

Таким образом, различия мужской и женской речи в Японии могут сохраняться и там, где нет собственно языковых различий. Сам круг выражаемых языковыми средствами значений у мужчин и женщин зачастую неодинаков.

Статус японских женщин и язык

Указанные выше языковые и речевые различия разнообразны и неоднородны. Безусловно, не все из них могут быть прямо связаны с общественными процессами. Однако уже сам факт значительного расхождения между мужской и женской речью, необычайный для развитого государства, требует объяснения. Из всего многообразия перечисленных явлений привлекают внимание прежде всего два: большая вежливость женской речи и давление на нее эмоционального комплекса, иногда в ущерб информативности.

Несомненно, в языковой ситуации в той или иной, подчас неявной, форме отражаются общественные процессы, связанные с неравноправием женщин в Японии. Показательно, что в раннее средневековье, когда роль женщин в японском обществе была более значительной, отличия женской речи от мужской, судя по литературным памятникам, были не так велики. Они в основном сформировались в позднее средневековье, когда на первый план выдвинулось военное самурайское сословие и положение женщин резко изменилось к худшему [Kindaichi, 1978, с. 75].

Несмотря на формальное равенство женщин с мужчинами по Конституции 1947 г., социальное неравенство продолжает существовать. Как указывает И. А. Латышев, «женщины в Японии остаются повсеместно на низших ступенях общественной иерархии, включая и государственные учреждения, и конторы частных фирм, и производственные предприятия... и сегодня, несмотря на юридическое равенство полов, в стране сохраняется дискриминация женщин и в сфере заработной платы, и в политической и в общественной жизни» [Латышев, 1985, с. 45]. Важно и то, что «в Японии наших дней закрепленные законом юридические нормы плохо увязываются или вообще не согласуются с различными давними национальными обычаями и традициями, утверждающими главенство мужчин. Действуя в совокупности, эти обычаи и традиции оказывают сильное влияние на общественное сознание, психологию и мораль японцев. Как результат в умах японских обывателей и поныне глубоко коренится представление о главенствующем положении мужа в семье» [Латышев, 1985, с. 44–45].

Сказанное подтверждают и опросы общественного мнения в Японии. Так, в 1984 г. 73,9% опрошенных заявили о том, что в стране нет равенства женщин с мужчинами (телепрограмма NTV от 23 сентября 1984). По данным правительственного исследования, 71,1% японских женщин поддерживают идею разделения ролей между полами: место мужчины — на работе, место женщины — дома (при подобных опросах эту идею поддержало 35% американок и 14% шведок). По тем же данным, 72% японок считают, что женщина после свадьбы должна подчинить свои интересы интересам мужа и детей (тот же ответ дало 17,6% американок и 6,1% шведок); предполагается, что при опросе мужчин процент был бы еще выше (JFN. 1984. Октябрь. С. 7–8). Даже среди молодежи до 30 лет лишь 30% мужчин и 43% женщин не согласились с тем, что сфера женщины — дом (ХК. 1984. № 12. С. 17). Только 36% японцев обоего пола считают, что между мужчинами и

женщинами нет различий в способностях, хотя в США и ФРГ процент лиц, имеющих эту точку зрения, вдвое больше (ХБ. 1983. № 1. С. 97).

Неудивительно, что в таких условиях речевые и языковые различия полов Японии очень устойчивы. Сформировавшись еще при феодализме, они не исчезают и поныне и возникают автоматически у каждого японца, независимо от того, воспитан он в традиционном духе или нет. Различия мужской и женской речи чем больше, чем более расходятся социальные роли полов. Они невелики у мальчиков и девочек, особенно до окончания начальной школы, и сводятся почти исключительно к различию в употреблении местоимения 1-го лица и модально-экспрессивных частиц; уже в полной средней школе они заметнее [Кондо, 1984, с. 51—52]. Однако и здесь, и даже в студенческий период расхождения не так велики, поскольку социальные роли юношей и девушек еще мало различаются. Недаром «маскулинизация» женской речи больше всего отмечена у школьниц и студенток.

Но по окончании обучения все становится на свои места: различия мужской и женской речи приходят в соответствие с тем, чего ожидают от мужчин и женщин в японском обществе [Кондо, 1984, с. 53; Mizutani, 1981, с. 167]. С возрастом они делаются более заметными, поскольку мужчины постепенно продвигаются по социальной лестнице, а женщины в основном остаются в тени. «Японская пресса избегает, как правило, называть замужних женщин по фамилии и имени и упоминает о них лишь как о «супругах» тех или иных лиц» [Латышев, 1985, с. 45], тогда как молодые женщины упоминаются под собственными фамилиями и именами. Молодожены обычно посылают новогодние открытки от имени обоих супругов, 70% семейных пар старше 50 лет — от имени одного мужа. И наоборот, в поздравлениях молодым супругам обычно указывают оба имени, в открытках людям среднего и старшего возраста либо упоминается одно имя главы семьи, либо пишется более крупными буквами [Эндо, 1985].

По данным массовых обследований, максимальные различия между тем, как говорят мужчины и женщины, приходится на возрастную группу от 50 до 60 лет, т. е. на период, когда мужчины в Японии обычно выше всего поднимаются по социальной лестнице; в то время, когда мужчины перестают работать, речевые различия несколько сглаживаются [Огино, 1983, с. 89].

По мнению многих исследователей, в употреблении форм вежливости также отражается приниженность положения женщины в японском обществе [Дзюгаку, 1966; Ide, 1982, с. 378]. Во многом, хотя и не во всем, сохраняется положение, о котором когда-то писал Н. И. Конрад: «Муж в обращении к жене употребляет те слова, обороты и конструкции речи, которые выражают в общем отношение хозяина к служанке; и наоборот, речь жены при обращении к мужу будет носить отпечаток отношения «низших» к «высшим» [Конрад, 1937, с. 22]. Вот диалог супругов из современного романа: — Ё:тэй-до ри-ни о-каэри-ни нарэмасу? — Каэру (Мацумото Сэйте Кю:кэй-но арано. Токио, 1969, с. 276) 'Приедете, как предполагали? — Приеду'. Муж и жена употребляют один и тот же глагол, но муж использует простую форму, лишенную всякой вежливости, а слова жены передают двойную вежливость по отношению к мужу: как к собеседнику (суффиксом -мас-) и как к субъекту действия (вспомогательным глаголом нару). Показательны и способы именования друг друга: жена вне семьи говорит о муже обычно сюдзин, что буквально означает 'хозяин', другое именование мужа — отто — иногда записывается иероглифами со значением 'хороший человек', в разговоре со своими родителями или родителями мужа последний именуется по имени с добавлением -сан, в то же время в семье (в глаза и за

глаза) муж называет жену по имени без -сан, что допустимо лишь в отношении «низших» [Раздорский, 1981, с. 170—171].

Частота употребления женщинами вежливых и «сверхвежливых», а мужчинами грубых форм во многом связана с тем, что для женщин большинство окружающих воспринимается как «высшие», мужчина же почти всегда найдет кого-то, кто занимает низшее место в иерархии; играет роль и относительная ограниченность социальных связей женщин, заставляющая их говорить однообразно вежливо, тогда как речь мужчин более вариабельна [Сибя, 1974, с. 37]. Следует, впрочем, учитывать и стремление женщин, особенно принадлежащих к привилегированным слоям общества, проявлять воспитанность; однако во многом оно все же следствие их приниженного положения [Ide, 1982, с. 367].

Приниженность проявляется не только в употреблении женщинами форм вежливости, но и во всем их речевом поведении. Показателен опыт по изучению диалога между студентами и студентками. Испытуемые разбивались на случайные пары, каждой из которых предлагалось вести свободную беседу, скрыто записывавшуюся на магнитофон. Выяснилось, что абсолютно во всех парах ведущим оказывался мужчина: он вел беседу, выбирал темы и определял время перехода от одной темы к другой, он свободно перебивал партнершу, тогда как обратное наблюдалось много реже [Ямадзаки и другие, 1984]. В японских телепередачах, имеющих характер беседы, роль женщин почти всегда сводится к поддакиванию ведущим диалог мужчинам (Japan Times. 29.03.1985).

Неудивительны и жалобы на то, что японки испытывают трудности в изложении идей и взглядов [Кора, 1971, с. 74]. Это связано с традиционным женским воспитанием. Так, в одном из массовых опросов учениц полной средней школы лишь 25 из них заявили, что они охотно поднимают руки на уроке, 128 сказали, что они так делают лишь при необходимости, а остальные 145 выразили антипатию к этому; лишь 13 девочек сказали, что любят высказывать свое мнение перед людьми, а 221 ученица заявила, что не любит этого делать; в ответах на вопрос «Любите ли вы писать сочинения» отрицательных мнений было больше, чем положительных; в то же время при абстрактной постановке тех же вопросов («Важно ли поднимать руку?», «Нужно ли высказывать свое мнение?») подавляющее большинство школьниц давали положительный ответ [Хонго, 1983, с. 36—39]. Ограниченность женских социальных функций проявляется и в уже упомянутой ограниченности тем в женской речи. Показательно и большее значение в женской речи стереотипных церемониальных выражений.

Конечно, не всякое различие мужской и женской речи можно объяснить неравноправием женщин, но все они психологически ассоциируются с ним. Недаром в переводах с иностранных языков не рекомендуется злоупотреблять использованием женских речевых особенностей (хотя полное их отсутствие также нежелательно, поскольку текст становится неестественным): они создают впечатление о приниженности персонажа, которого может не быть в оригинале [Охаси, 1984, с. 57].

Неравноправие полов проявляется, пусть бессознательно, даже при изучении и преподавании языка. Именно мужской вариант японского языка изучается в школе, регламентируется официальными нормами, отражается в учебниках для иностранцев. Даже в толкованиях и иллюстративных примерах японских словарей отражена «мужская» картина видения мира. Это проявляется не только в сохранении стандартных ролей (в иллюстративных примерах отец ходит на работу, мать хлопочет по дому, старший брат учится, старшая сестра выходит замуж и т. д.), но и в самом подборе слов и грамматических форм. Так, из местоимений 1-го лица преобладает мужское боку, из местоимений 2-го лица — мужское кими [Сатакэ, 1984].

Будут ли мужчины и женщины говорить одинаково?

Встает вопрос об устойчивости описанных нами особенностей мужской и женской речи в Японии. В положении женщин в этой стране все же происходят определенные изменения. По одному показателю — уровню образования — женщины в Японии уже давно догнали мужчин [Березина, 1985, с. 28] (JFN. 1984. Октябрь. С. 9). В связи с этим в среднем и младшем поколении уже нет различий между мужчинами и женщинами по степени владения литературным языком, здесь женщины скорее даже превосходят мужчин [Хонда, 1984, с. 116]. Растет и количество работающих женщин: в 1984 г. среди замужних женщин работающих, хотя бы неполный день или на дому, впервые было больше, чем полностью не работающих; это составило 50,3% (JFN. 1984. Октябрь. С. 9). Несколько увеличилось и количество женщин, занимающих руководящие должности: можно встретить женщин-профессоров, директоров фирм и т. д.; впрочем, их немного, и чуть ли не каждая из этих женщин попадает в поле зрения средств массовой информации. 1984 г. женщины постоянно входят в правительство, в 2001 г. их число впервые достигло пяти. Как указывает И. А. Латышев, «отношения мужей и жен в современной типичной японской семье претерпевают заметные изменения... Меняется «соотношение» сил между супругами — жены обретают большую самостоятельность, и их мнение становится более весомым. Утрачивается вместе с тем прежняя четкость в распределении супружеских обязанностей» [Латышев, 1985, с. 80].

Безусловно, эти изменения отражаются и в речевом поведении японских женщин. Уже не столь обязательны указанные выше нормы обращения жен к мужьям. В современной Японии мужья не стали говорить в семье вежливее, чем раньше, но уровень вежливости их жен заметно снизился. Известный лингвист Номото Кикио сравнил употребление форм вежливости в речи женщин по отношению к мужьям в произведениях писателя Сига Наоя, написанных в 1916, 1927 и 1948 гг., а затем в текстах конца 60-х — начала 70-х годов. С каждым временным срезом заметно снижение почтительности. В самых ранних текстах преобладали «сверхвежливые» формы, а сейчас и обычные вежливые формы наблюдаются не всегда [Номото, 1972, с. 30—34]. В настоящее время стало вполне обычным то, что молодые супруги называют друг друга по имени или папа — мама [Раздорский, 1981, с. 168]. Снижается процент вежливых форм в речи женщин по отношению к родителям. Однако полного совпадения речи супругов не наблюдается. По данным массового обследования токийских кварталов Нисиката и Нэцу, уровень обращения мужа к жене соответствует самому грубому, а жена говорит с мужем вежливее, чем с родителями и с людьми моложе себя [Огино, 1982, с. 43].

В связи с более активным участием женщин в общественной жизни меняется и содержание их высказываний. В упомянутой статье Кора Румико говорится: «Женщины выходят из мира частиц [из мира выражения одних эмоций — В. А.], думают и о содержании сообщений» [Кора, 1971, с. 75].

Изменение речевого поведения и усиление контактов мужчин и женщин в различных сферах жизни оказывают влияние и на сами разновидности языка — мужскую и женскую. Сближение идет с обеих сторон. Такие специфически мужские единицы, как кими и -кун, начинают появляться в речи молодых женщин, особенно школьниц и студенток; пока это ненормативно [Обоси, 1978, с. 12—13]. Молодые мужчины все чаще употребляют приставку о-/го- там, где она считается допустимой лишь в женской речи [Хинаго, 1961].

Однако в целом различия двух разновидностей японского языка остаются в силе. В некоторых случаях они даже становятся более четкими, как это происходит в отношении личных местоимений, в ряд с чисто мужскими боку и кими становятся ватаси и аната, превращающиеся в их женские эквиваленты. Указанное исследование Номото Кикио показывает, что при всех изменениях женской речи за полвека использование модально-экспрессивных частиц почти не изменилось [Номото, 1972, с. 30—34]. Расхождения вариантов языка могут распространяться и на новые функциональные стили: в рекламе сейчас стараются в зависимости от ситуации писать «по-мужски» или «по-женски» для лучшего воздействия на потребителя (ГС. 1984. № 6. С. 12). Как уже было сказано, владение каждой из разновидностей языка приобретается в зависимости от пола неосознанно, и даже женщины-руководители обычно говорят так, как принято для женщин в Японии [Охаси, 1984, с. 56]. Впрочем, отмечают и появление женщин, специально старающихся говорить «по-мужски» в целях борьбы за равноправие [Уно, 1977, с. 17; Охаси, 1984, с. 56]. Это, однако, далеко не норма.

Говоря о перспективах существования различий в использовании японского языка мужчинами и женщинами, японские специалисты сходятся на общем мнении: таких различий становится меньше, и, видимо, они будут уменьшаться и дальше, но нет оснований ждать их скорого исчезновения [Kindaichi, 1978, с. 77; Охаси, 1984, с. 57]. Устойчивость мужского и женского вариантов японского языка, бесспорно, имеет социальные причины.

Катаканный язык

Особенности японских заимствований

В лексике каждого языка определенный процент составляют заимствования из других языков. Некоторые из них теряют иноземную окраску и ощущаются как вполне свои, другие сохраняют фонетическую, грамматическую или семантическую необычность и остаются чужеродными.

Обычно в языках выделяются два слоя лексики — исконный и заимствованный. Однако в японском языке их три: исконным словам противопоставляются иероглифические заимствования из китайского (канго) и заимствования последних столетий из разных, преимущественно западноевропейских, языков (гайрайго). [Под исконными единицами здесь имеются в виду лексические единицы, исконные для современных японцев, хотя лингвистический анализ показывает, что среди них есть и очень древние, дописьменные заимствования. Японский язык и сейчас обычно причисляют в справочниках к языкам, родственные связи которых неизвестны, однако современные исследования (С. А. Старостин, Р. Э. Миллер и др.) показывают его родство с тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и корейским языками, следовательно, лексика, общая с языками других семей (прежде всего малайско-полинезийской), относится к древнейшим заимствованиям. В исконный слой лексики входят и отдельные дописьменные заимствования из китайского] Границы каждого из слоев в целом более четки, чем границы исконного и заимствованного слоев других языков: рядовой японец без труда может указать принадлежность к тому или другому слою лексики подавляющего большинства слов. Проблемы, связанные с канго, были нами уже рассмотрены в связи с вопросами иероглифической письменности. В этом разделе будет говориться о гайрайго (мы используем этот термин, поскольку трудно предложить его достаточно краткий русский эквивалент).

Гайрайго обычно легко отчленяются от прочих японских слов, поскольку пишутся катаканой. В устной речи многие, хотя и не все гайрайго обращают на себя внимание необычным для японских слов фонетическим обликом. [Только в гайрайго, например, возможны слоги фа, фо, ди, удвоенные звонкие согласные; имеется специфический для гайрайго звук — губно-зубной в, примерно соответствующий русскому в или английскому v. Ряд таких особенностей гайрайго нельзя адекватно передать каной.] В Японии отличать эти слова от всех прочих учат, начиная с детского сада [Нонокава, 1984, с. 85]; первоначально они объясняются как слова, которые нужно писать катаканой, и лишь в средней школе рассказывают об их происхождении [Хиросуэ, 1984, с. 63—64].

По времени появления и степени освоенности языком гайрайго делятся на три класса. Первый — самый немногочисленный — составляют лексемы, появившиеся в XVI—XVIII вв., в период ранних контактов с европейцами. Обычно это заимствования из двух языков: португальского (ввиду контактов с португальскими миссионерами и торговцами в конце XVI—начале XVII вв.) и голландского (в период «закрытия Японии» — с начала XVII до середины XIX в. — Голландия была единственной европейской страной, с которой Япония имела ограниченные связи). В основном это конкретная лексика, обозначающая ранее не известные в Японии предметы материальной культуры: порт. пан 'хлеб', табако 'табак' и др.; голл. би:ру 'пиво', ко:хи: 'кофе', гарасу 'стекло' и др. Эти слова в минимальной степени сохраняют характер заимствований, остается лишь написание катаканой, для некоторых слов необязательное: табако 'табак' часто пишется иероглифами, подобранными по смыслу (букв. 'дымная трава'), встречается и написание этого слова хираганой; ко:хи: 'кофе' может записываться иероглифами, подобранными фонетически. [Это написание считается устаревшим [БЯРС. 1970. I. Т. С. 500]. Однако в вывесках и меню современных кафе оно стало весьма распространенным, хотя оба иероглифа не входят в минимум.] Соответствующие реалии уже давно стали неотъемлемой частью японского быта, для их обозначения нет иных способов, и даже крайние пуристы никогда не предлагали изгнать эти слова из языка.

В некоторых случаях такие гайрайго даже обозначают специфически японские реалии: тэмпура — название чисто японского блюда, обычно записываемое иероглифами (подобранными фонетически), — восходит к порт. tempere. Лишь два класса заимствований того времени выходят за пределы сферы конкретной лексики: христианская лексика, в основном исчезнувшая после запрещения христианства в XVII в., и некоторые медицинские термины, заимствованные из голландского в XVIII — начале XIX вв. (медицина была одной из немногих областей, где было разрешено чтение западных книг): корэра: 'холера' и др. [Морига, 1984, с. 44]. Однако большинство медицинских терминов тогда калькировалось.

Второй класс гайрайго составляют слова, появившиеся в японском языке после буржуазной революции 1867—1868 гг., в основном в конце XIX — первой половине XX в. Количество гайрайго в этот период резко возросло: к 1931 г., по данным ученого Аракава Собэй, только из английского языка было заимствовано около 5500 слов (см. [Harada, 1966, с. 150]). В 30—40-е годы XX в. правящие круги милитаристской Японии взяли курс на резкое ограничение числа заимствований, а в годы войны запретили заимствование из любых языков, кроме немецкого и итальянского (ГС. 1984. № 7. С. 76).

Особенностью второй половины XIX и первой половины XX вв. было большое количество языков, из которых приходили гайрайго. При преобладании американского варианта английского языка определенное влияние оказывали немецкий, французский языки и британский вариант английского. В некоторых областях наблюдалось преимуще-

ственное влияние какого-то одного из них. Например, немецкий язык господствовал в области медицины: до наших дней сохранились тифусу 'тиф' из нем. Typhus, пурусу 'пульс' из нем. Puls. Из других укоренившихся немецких заимствований отметим: идеороги: 'идеология' из нем. Ideologie и (со сдвигом значения), арубайто 'временная, дополнительная работа', 'человек, занятый такой работой' (слово, часто употребляемое в современной Японии) из нем. Arbeit 'работа'. Заимствования из французского обычно связаны с названиями предметов одежды и продуктов питания: дзубон 'брюки' из фр. jupon, ро:бу 'платье' из фр. robe, потэ:-дзю 'суп-пюре' из фр. potage и т. д.; также возможен сдвиг значения: мадаму 'хозяйка питейного заведения' из фр. madame, абэку 'влюбленная парочка', 'свидание' из фр. avec's'. Среди несомненных заимствований из британского варианта английского языка посуто 'почтовый ящик' из англ. post, теннисные термины типа борэ: (а не барэ:) из англ. volley (ср. барэ:бо:ру 'волейбол' из американского варианта); устройство почтовой службы и теннис пришли в Японию из Англии, а не из США [Miura, 1979, с. 31, 122].

Довоенные гайрайго относятся к лексике самого разного рода, преимущественно культурной (как конкретной, так и абстрактной). Однако здесь пополнение лексики за счет прямых заимствований конкурировало с образованием калек-канго. На первых порах последний способ обычно побеждал. Так, после появления в Японии газет их некоторое время именовали гадзэтто, однако это слово быстро вытеснилось канго симбун, существующим и сейчас [Хиросэ, 1982, с. 5]. Общественно-политическая и научно-техническая лексика чаще создавалась путем калькирования. Бывали и исключения: если терминология неорганической химии составлялась в основном из канго, то специальная лексика органической химии, где строение термина жестко связано с формулой вещества, с самого начала заимствовалась, а не калькировалась [Козлов, 1983].

После войны искусственные барьеры на пути проникновения гайрайго были сломаны, а американская оккупация способствовала резкому увеличению их количества. Третий, самый многочисленный класс гайрайго составляют заимствования послевоенного периода. Их количество продолжает расти, хотя отмечена определенная стабилизация этого процесса с 70-х гг.: по мнению некоторых наблюдателей в 1975—1985 гг. новых гайрайго появилось меньше, чем в предыдущее десятилетие (ГС. 1984. № 7. С. 12). Точное количество современных гайрайго, впрочем, с трудом поддается учету.

Особенность послевоенного периода состоит в том, что почти все гайрайго приходят в японский язык из американского варианта английского языка (этим объясняются их фонетические особенности, которые могут быть непонятны людям, знающим лишь британский вариант (см., например, регулярную передачу а как а). Даже обозначения реалий третьих стран и неамериканские собственные имена в большинстве случаев приходят из английского, чем объясняется «американизированный» фонетический облик многих из них; тем более это относится к интернационализмам. В дальнейшем мы под американизмами будем понимать любые заимствования из американского варианта английского языка в японский, независимо от того, исконно или заимствовано в английском языке соответствующее слово; в примерах принадлежность исходного слова к английскому языку специально оговариваться не будет.

В послевоенные годы американизмы в значительной степени вытеснили и существовавшие ранее гайрайго иного происхождения. Так, в значении 'кровать' до войны использовались бэддо из bed и бэтто из нем. Bett; сейчас осталось лишь бэддо, которое вытесняет и канго синдай (последнее сохраняется в суженном значении 'койка в больнице', 'спальное место в вагоне') [Miura, 1979, с. 26; Chinen, 1983, с. 85—86]. Немецкие медицин-

ские термины в основном были заменены на английские. Немецкие термины, однако, закрепились в профессиональном жаргоне медиков [Морига, 1984, с. 45; Harada, 1966, с. 152]; немецкий язык, почти не известный в современной Японии, приобрел характер, свойственный латыни в Европе: нам приходилось видеть рецепты на немецком языке.

Отдельные случаи заимствований не из американского английского все же существуют. В сфере потребления при наибольшей престижности английского языка некоторой популярностью пользуется и французский, ср. название нового универмага в Токио — Пурэнта:н из фр. *printemps* 'весна'. Без посредства английского приходят в японский названия корейских, китайских, индонезийских реалий. Отметим, что новые заимствования из китайского обычно не связаны с иероглификой и относятся к классу гайрайго: ра:мэн 'китайская лапша', Пэкин 'Пекин' (последнее слово по традиции пишется иероглифами, но произносится теперь не так, как полагалось бы по их чтению).

Следует отметить и определенное количество заимствований из русского языка (среди них есть и появившиеся до войны). Это в основном названия реалий, связанных с советским общественным строем: собиэто 'Совет', корухо:дзу 'колхоз', с особенностями русского быта: кува:су 'квас', пиросики 'пирожки' (то и другое производится и в Японии), пэтика 'русская печь' (см. перевод названия поставленной в Японии советской пьесы «Печка на колесе»: Пэтика-моно-гатари букв. '«Повесть о печке»'). Иногда происходит изменение значения: супу:тонику означает 'один из трех первых советских искусственных спутников Земли, запущенных в 1957—1958 гг.' [спутник вообще обозначается канго (дзинко:-)эйсэй]. Один из примеров появления (причем сравнительно недавнего) русского слова иного рода — комбинато 'комбинат' (многопрофильное предприятие), сейчас оно широко используется даже в отношении японских заводов. Но большинство гайрайго — американизмы. Многие из них вполне соответствуют английским словам с точностью до фонетического облика [Фонетические изменения значительны, что можно видеть из примеров. Это происходит, в частности, из-за почти полного отсутствия в японском языке закрытых слогов и невозможности стечения согласных, вследствие чего в гайрайго вставляются дополнительные гласные. Ср. также отсутствие в японском языке различий *l* и *r* и отсутствие до недавнего времени *v* (англ. *v* во многих словах передается как б). Если слово проникло устным путем, то отличий еще больше: английское *d* на слух воспринимается как *p*, поэтому *pudding* 'пудинг' превратилось в пурин.] (возможны слияния словосочетаний в сложные слова), ср. яп. покэтто и *rocket* 'карман', яп. айсукури:му и *ice-cream* 'мороженое', яп. пайнаппуру и *pine-apple* 'ананас', яп. масумэдиа и *mass media* 'массовая коммуникация'. Однако нередко сужение или расширение значения, примеры на сужение: *season* 'сезон' и яп. си:дзун 'хороший сезон', *highway* 'большая дорога', 'главная дорога' и яп. хайуэ: 'скоростная автодорога, отделенная от другого транспорта'; пример на расширение: *yacht* 'яхта (только некоммерческое судно)' и яп. ётто 'небольшое судно любого назначения'. При многозначности английского слова гайрайго обычно сохраняет лишь одно-два значения, необязательно основные. Конечно, это чаще всего связано с тем, что для других значений уже есть средства выражения: кольцо по-японски ва, но обручальное кольцо — рингу из *ring*, колокол — канэ, но звонок — бэру из *bell*. Реже встречаются случаи, когда какое-то из значений оказывается неактуальным: *tip* в современном английском языке прежде всего 'чайевые', но яп. типпу употребляется почти исключительно как бейсбольный термин, поскольку само понятие чайевых практически неизвестно в Японии. Бывает и так, что несколько значений английского слова в равной степени связано с реалиями, пришедшими в Японию из США или Европы, но некоторые из них выражаются с помощью собственно японских (включая канго) ресурсов: *film* имеет два значе-

ния — 'пленка' и 'фильм', но фируму — лишь первое из них, фильм же обозначается канго эйга (ср. русский язык, куда это слово попало как раз в другом значении).

Заимствование слов, на первый взгляд синонимичных уже существующим, часто оказывается необходимым, поскольку они начинают дифференцироваться по признаку «иностранная культура — своя культура». Так, цукуэ 'стол' — обычно лишь низкий столик в комнатах, обставленных по-японски, но письменный, конторский и прочие столы скорее тэ:буру из table, а в некоторых случаях дэсуку из desk; гё:ги 'манеры' шире по значению, чем мана: из manner — манеры европейского типа (умение обращаться с ножом и вилкой и пр.); даже вайфу 'жена' из wife оказывается не лишним, несмотря на множество японских слов с таким значением: в интеллигентных семьях, старающихся отойти от консервативных традиций, мужа склонны называть своих жен именно так.

При всей своей явной чужеземности гайрайго — слова японского языка, и развиваются они независимо от языка-источника. Не редкость появление у них новых значений, отсутствующих у соответствующих английских слов: торандзисута: в отличие от transistor не только 'транзистор', но и 'маленький, живой человек'; пи:натцу 'земляной орех' из peanuts после политического скандала, связанного с компанией «Локхид», получило и значение 'деньги для тайного бизнеса'. Достаточно много слов и словосочетаний, образованных уже в Японии из заимствованных элементов и не имеющих параллелей в английском языке. Кондиционер сейчас чаще всего называют ку:ра:, хотя англ. cooler не имеет такого значения (интересно, что американцы, долго живущие в Японии, иногда начинают воспринимать cooler в этом значении как нормальное английское слово): в английском языке не фиксируется слово nighter, тем не менее есть гайрайго найта: 'матч при искусственном освещении'; см. также бэ:су-аппу 'повышение зарплаты' (один из основных лозунгов «весенних наступлений» трудящихся), но:-айрон 'изделие, которое нельзя гладить' при отсутствии base up, но iron [Часть примеров в последних трех абзацах взята из работ [Miura, 1979; Кодзима, 1982].].

Еще больше от английских слов и словосочетаний отличаются гайрайго ввиду пространенного процесса сокращения. Длинные употребительные гайрайго обычно утрачивают (обязательно или факультативно) какую-либо из своих частей, обычно конечную: platform 'платформа' превратилось в хо:му, strike 'забастовка' в судо, overcoat 'пальто' в о:ба:, sewing machine 'швейная машина' в мисин и т. д. В результате получаются слова, совершенно непохожие на английские или имеющие иное значение, ср. morning 'утро', На яп. мо:нингу 'визитка' из morning coat либо 'утреннее обслуживание в кафе по сниженным ценам' из morning service. Сокращения могут быть и компонентами сложных слов, не всегда имеющих английские соответствия: дзэнэсу-то 'всеобщая забастовка' из general strike, о:тобай 'мотоцикл' из auto+bicycle букв. 'автовелосипед'. При сокращении может меняться и значение: дэмонсуторэхён в основном сохраняет значения demonstration, но дэмо значит лишь 'уличная демонстрация' [Miura, 1979, с. 46].

Часты аббревиатуры, отсутствующие в английском языке, они произносятся по названиям английских букв в японской фонетической передаче, а пишутся обычно латиницей: OA из office automation 'конторский автомат', NG из no go 'не пойдут' (о проекте) и т. д. (ТВТ. 1986. Июль. С. 61).

Гайрайго продолжают конкурировать с канго, но в послевоенные годы все чаще эта борьба заканчивается в пользу гайрайго. Здесь обычно играют роль два фактора: понятность гайрайго на слух и представления о гайрайго как об «элитной» лексике (см. ниже). Иногда гайрайго побеждают почти полностью: упомянутое ку:ра: 'кондиционер' и его синоним эакон из air condition вытеснили канго рэйбо. Иногда канго сохраняется в особом,

обычно периферийном значении: фотоаппарат обычно называют *камэра* из *camera*, а *сясинки* связывается со старомодным пластиночным аппаратом; *лев* теперь именуется районом из *lion*, а *сиси* — в основном тот лев (вернее, человек в шкуре льва), который танцует на синтоистских праздниках. Нередко канго сохраняют позиции лишь на письме: ЭВМ в устной речи либо компю:та из *computer*, либо его сокращение *кон*, но, например, в газете встречается и *дэнси-кэйсанки*, поскольку значение такого слова зрительно легко воспринимается. Однако конкуренция *гайрайго* со словом иного происхождения может иметь и обратный результат: ключ продолжают называть *каги*, а *ки*: из *key* тяготеет к обозначению автомобильных ключей [Chinen, 1983, с. 92]; испытуемые обычно отвергают заимствование *буранкэтто* 'шерстяное одеяло' из *blanket*, сохраняя *мо:фу* [Chinen, 1983, с. 87], — возможно, из-за того, что из всех комнат в японском доме спальни медленнее всего европеизируются.

Таким образом, *гайрайго*, особенно американизмы, составляют заметный слой японской лексики. Во многих случаях они бывают необходимы, обозначая реалии, которые не могут быть названы иначе; развитие терминологии невозможно без использования интернационализмов. Однако в японских газетах, журналах, лингвистических изданиях последних десятилетий постоянны жалобы на засилье *гайрайго* в современном языке, на обилие совершенно ненужных американизмов. Следует разобраться в том, насколько обоснованы такие высказывания.

Гайрайго и американизация японской массовой культуры

На первый взгляд может показаться, что эти жалобы преувеличены. В общей массе японских слов *гайрайго* составляют меньшинство. По данным Государственного института японского языка, во второй половине 50-х годов среди всех слов, употребляемых в учебниках, *гайрайго* составляли 6%, в журналах — 9,8, в газетах — 12%. С учетом повторяемости этот процент еще меньше, что свидетельствует о низкой частоте *гайрайго*: в журналах они составляли 2,9%, в газетах — 4% [Гои, 1964, с. 120]. Эти данные приводятся и в литературе последующих лет, процент *гайрайго*, очевидно, существенно не изменился. В целом невелик процент *гайрайго* и в телепередачах: в среднем в токийском вещании в минуту произносится 2,63 *гайрайго*, в кансайском (Осака, Киото) — 2,51 (ХБ. 1984. № 10. С. 21); количество *гайрайго* здесь скорее уменьшается, чем увеличивается [Исино, 1979].

Однако таковы средние цифры. В зависимости же от содержания и особенно предназначения текста процент *гайрайго* может быть очень различным. Это хорошо видно как раз на материале средств массовой информации. Обычно в одном и том же газетном или журнальном номере содержатся тексты разного характера: информационные, публицистические, рекламные и т. д. К различным жанрам относятся и телевизионные передачи.

В любом номере японской газеты большое место занимают материалы, где количество *гайрайго* близко к упомянутым 4% или даже ниже, вплоть до нуля. Это информационные и публицистические статьи на внутриполитические и внутриэкономические темы, материалы, посвященные традиционным японским областям культуры, отрывки из литературных произведений. Больше количество *гайрайго* в статьях и заметках на международные темы, но в основном за счет собственных имен. На телевидении крайний пример передачи, практически лишенной *гайрайго*, составляют прогнозы погоды, затем идут спектакли и японские фильмы [Канно, 1984, с. 31]. Количество *гайрайго* в теленовостях, правда, несколько больше, чем в соответствующей газетной информации [Канно, 1984, с.

31], — сказывается увеличение процента гайрайго в устных текстах ввиду их лучшего восприятия на слух по сравнению с канго.

В то же время значительно количество гайрайго в спортивных текстах и репортажах, в статьях и передачах, посвященных эстрадной музыке, и почти в любой рекламе. Возьмем, например, статью, информирующую об эстрадной телепередаче: здесь из 35 знаменательных слов 13 гайрайго, из них лишь одно собственное имя. Сама передача называется мю:дзику-фэа-82 (music fair-82) 'музыкальная ярмарка-82', употребляются американизмы типа айдору (idol) 'идол' (об эстрадном певце), о:пунингу (opening) 'открытие [эстрадного представления]', мэдорэ: (medley) 'попурри', перечисляемые названия номеров программы в основном представляют собой американизмы, где сохраняется даже артикль the (яп. дза) (Асахи-симбун. 1982. 26 авг.). [Ср название рубрики журнала «Хо:со:бунка»: дза-тэрэбиман 'телевизионщик' или название телепередачи по программе «12-й канал», дзатику: 'земной шар'; в последнем случае английский артикль даже присоединен к канго.] Если на телевидении в целом в среднем в минуту употребляется 2,63 гайрайго, то в цикле передач «Магазины мира» их 8,2, в развлекательной передаче «Дза-тянсу» (из the chance 'удача') — 10,6, в спортивных новостях — 10,8, в шоу «Миними-ни-сё:тайдза» («Минимини-шоутеатр») — 13,0, в репортажах о волейбольных матчах — 13,4 (ХБ. 1984. № 10. С. 21). При общей тенденции к ограничению количества гайрайго на телевидении постоянно растет их процент в заголовках передач, призванных привлечь внимание зрителя: к 1983 г. он превысил 60%, почти вдвое увеличившись за 20 лет (ХБ. 1984. № 1. С. 37). Вот названия передач одного дня, взятые из газетной телепрограммы: Тэрэпо:то (сокр. из Tele Report) '«Телерепортаж»', Афута:нун (Afternoon) '«После полудня»', Суку:ру-уо:дзу (School Wars) '«Школьные войны»', Супа:тайму (Super Time) '«Сверхвремя»', Фамири-дзянару (Family Journal) '«Семейный журнал»', Куро:дзуаппу (Close up) '«Крупный план»', а также смешанные названия с участием гайрайго: Наруходо-дза-ва:рудо (The World) '«В самом деле весь мир»', Сасупэнсу-гэкидзё: (Suspence) '«Детективная драма»' (Июмиу-ри-симбун. 1985. 6 мая).

Все это свойственно не только прессе и телевидению. Огромным количеством американизмов характеризуются проспекты различных фирм, реклама товаров, инструкции к бытовым приборам, программы иностранных кинофильмов, спортивная литература, молодежные и особенно женские журналы [Это не относится к рекламе товаров в национальном стиле, статьям о национальных видах спорта типа сумо.]. Вот названия журналов для девушек (часто записываемые латиницей): «Cosmopolitan», «Say», «More», «With», «Pop Teen», «Kiss», «An-an», «Non-no» (Daily Yomiuri. 05.12.1984) и т. д. или названия токийских кафе и ресторанов, где обычно берется первое попавшееся более или менее известное английское слово: «Мо:», «Туморо:», «Мэ:би» соответственно из more 'больше', tomorrow 'завтра', maybe 'может быть'. Реклама может состоять из одних гайрайго или из гайрайго с добавлением грамматических показателей. Приведем объявление в электричке, состоящее из гайрайго Мисуторэсу-курабу 'Клуб замужних женщин' (Mistress club) и номера телефона [Танака, 1984, с. 64]. Названия иностранных кинофильмов сейчас не переводятся, а транскрибируются катаканой: «Ю: гатта тянсу» («You gotta chance») '«У тебя есть шанс»', «Сэ:бэн бю:ти:су» («Seven beauties») '«Семь красавиц»' (последний фильм — итальянский, но катаканой записывается не оригинальное название, а его английский перевод).

Такого рода примеры в Японии именуют «катакана-эйго», т. е. «катаканский английский язык» [Танака, 1984, с. 64] (ГС. 1984. № 7. С. 8). Иногда даже считают, что такие тексты нельзя в полной мере отнести ни к японскому, ни к английскому языку: в них ис-

пользуется английская лексика, частично адаптированная фонетически и грамматически, оформляемая по правилам японского языка при сохранении некоторых английских грамматических показателей [Horiuchi, 1963]. На письме здесь господствует сплошная катакана, иногда с добавлением латиницы (примеры с латиницей см. выше). Те исконные слова или канго, от которых невозможно избавиться (например, японские собственные имена), нередко также записываются катаканой для поддержания стиля. Например, в рекламе автомобилей «Тоёта» это название, восходящее к исконно японскому наименованию города в префектуре Айти, нередко пишется катаканой. См. также название телепередачи: «Пуроякю:-нагоя» '«Профессиональный бейсбол. Нагоя»' (Иомиури-симбуи. 1985. 6 мая), где название города, нормально пишущееся иероглифами, дано катаканой.

Нетрудно заметить, что все перечисленные тексты с большим количеством гайрайго по тематике связаны со сферой потребления. Именно это, а не предметные области текстов сами по себе, определяет тенденции брать все, что только можно, из американского английского. Скажем, в инструкции к магнитофону или телевизору очень много гайрайго, а в научной статье по радиоэлектронике их заметно меньше, затем здесь появляются термины-канго. В словаре [Азербает, Изуцкивер, 1981] количественно преобладают канго, но это обычно лексика, важная только для специалистов, вроде мусонсицубайсицу 'среда без потерь', симпуку-хэнтё:-ёкуацу-фукухансо:ха 'подавленная амплитудно-модулирующая поднесущая'. Но лексика, актуальная и для пользователя электронной техникой, состоит из гайрайго: тэ:пу-рэко:да 'магнитофон', райн 'строка [растра]', кэ:буру 'кабель' и т. д. Дело здесь не в предметной области (радиоэлектроника), а в подходе к ней (исследование или техническая эксплуатация, потребление). Аналогично почти стопроцентное количество гайрайго среди терминологии, связанной с вождением (но не, например, с конструированием) автомобилей (ГС. 1984. № 7. С. 7).

Ориентация на сферу потребления часто оказывается даже важнее, чем противопоставление «японский — неамериканский»

Такие сферы, как бытовая электроника или пользование легковыми автомобилями, уже нельзя назвать чужеродными в современном японском обществе. Более того, многие технические новшества сейчас впервые создаются в Японии, но сохраняется привычка называть их «по-американски». В то же время, когда речь идет о чужих странах за пределами сферы потребления, гайрайго не так уже много, что мы отмечали в связи с международной информацией в газетах. В титрах к английскому кинофильму «Гамлет» нет гайрайго, кроме, конечно, собственных имен.

Итак, очень многие гайрайго обозначают не просто предметы и явления, связанные с чужой для Японии культурой, а предметы и явления, связанные с американской массовой культурой, ориентированной на сферу потребления. Здесь американское влияние в современной Японии очень велико, и США стремятся к еще большему его распространению. В сфере потребления наиболее престижным считается все американское, а задача рекламы японских товаров, японской эстрады и т. д. вытекает из необходимости убедить потребителя в том, что они не уступают американским. Здесь сохраняется своеобразный «комплекс неполноценности», часто не соответствующий реальному положению дел, когда японские изделия оказываются по качеству выше американских. Отсюда — стремление записывать названия товаров катаканой или латиницей. Крайний случай такой тенденции — реклама на английском языке, рассчитанная на японцев (вовсе не предполагающая, что читатели должны полностью понимать все написанное): The american taste Yamaha American road sports. XV750 Virago 'Американский вкус. Ямаха. Американский дорожный спорт. XV750. Вираго' (реклама мотоцикла «Вираго» фирмы «Ямаха»). В этом

объявлении лишь слово «Вираго» продублировано катаканой; любопытно, что местом для такой рекламы был выбран фестиваль японских национальных танцев (см. фотографию на обложке).

В таких ситуациях американизмы предпочитают и там, где соответствующее значение могло бы быть выражено без помощи гайрайго, поскольку они ассоциируются с американским эталоном культуры массового потребления. Американизм воспринимается как нечто более престижное и «элитное». По замечанию одного исследователя, в прошлом ореол престижности имели канго, а теперь их место заняли гайрайго (ГС. 1984. № 7. С. 9).

Часто пара лексем — гайрайго и единица иного происхождения — различается не просто по признаку «чужое — свое», но с точки зрения связанности или несвязанности с представлениями о ценностях культуры массового потребления. Немало таких примеров приводится в словаре [Miura, 1979], укажем лишь некоторые из них: данса: (dancer) — не танцор вообще и ни в коем случае не артист балета, а лишь профессиональный танцор низкого ранга в ночном клубе; дорайбу (drive) — не всякая поездка на автомобиле, а лишь увеселительная; экисайто (excite) — возбуждение, взволнованность от занятий спортом или от поп-музыки, но не от книги или красивого вида; суриру (thrill) — только такая нервная дрожь, которая появляется при спуске на лыжах с горы или при езде на высокой скорости. Если в иной лексике почти все гайрайго — существительные, то в сфере потребления немало гайрайго — прилагательных типа эрэганто (elegant) 'элегантный'; дайнамикку (dynamic) 'динамичный', ю:нику (unique) 'уникальный', сикку (chic) 'шикарный', хансаму (handsome) 'красивый', модан (modern) 'современный'; все они употребляются лишь с положительным оттенком [Ура, 1972]. Нередко в гайрайго подчеркивается идея личного потребления, появилось множество слов с первым компонентом май (my) 'мой', обычно созданных в Японии [Miura, 1979, с. 97]: майка: 'личный автомобиль' из my + car, майхо:му 'частный дом' из my + home.

Итак, современного японца постоянно окружают гайрайго, записанные катаканой или даже латиницей. Однако насколько понятны эти слова (тем более что английским языком владеют далеко не все)? Речь, конечно, не идет о привычных названиях реалий типа матти (match) 'спички' или дэпа:то (сокр. из department) 'универмаг'.

Показательны опыты, которые провела Танака Норико [Танака, 1984]. Она предложила 130 ученицам торговой полной средней школы описать значение 31 слова, распространенного в журналах для девушек; подбирались слова, с которыми девушки наверняка сталкивались. Слова айтэму (item) 'пункт', ха:добойрудо: (hard-boiled) 'бесчувственный' смогло правильно объяснить менее пяти человек, самое понятное слово комюникэ:сён (communication) 'коммуникация' было доступно 57 испытуемым, т. е. менее чем половине. Бэ:сикку (basic) 'основной' путали с сикку 'шикарный', гуддзу (goods) 'товары' — с дзукку 'парусиновая обувь' (старое гайрайго из голландского). Некоторые девушки понимали карутя: (culture) 'культура' как 'интерес' (видимо, под влиянием карутя:-сэнта: 'культурный центр'), риса:ти (research) 'исследование' — как 'зубная щетка'. Контекст немалого увеличивал понятность: даже осознав, что Буритиссюнитто (British Unity) 'Британское содружество' — какое-то государство, а гурэй (grey) 'серый' — какой-то цвет, испытуемые отвечали наугад; фэминин (feminine) одни оценивали как 'женский', что верно, другие — как 'мужской'. В целом без контекста гайрайго, включенные в опыт, понимались не больше чем в 20% случаев, в контексте — в 37, в контексте, дополненном картинкой, — в 51%. Совсем неудачным были результаты теста на написание этих слов по-

английски: 12 слов из 31 не написал правильно никто, еще 11 слов правильно записали от одного до пяти человек.

Самое интересное в этом эксперименте, пожалуй, то, что опрошенные девушки 16—18 лет не только не знали смысла известных им слов, но и никогда не задумывались, что же означают эти слова. Сам факт, что у них есть какой-то смысл, они осознавали впервые в ходе эксперимента. Те, кто использует эти слова в рекламе или в средствах массовой информации, часто и не стремятся к понятности. Важен лишь их облик, или, как говорят в таких случаях в Японии, «имэдзи» (image), те ассоциации (высокого качества, элитности, приобщенности к американской культуре и т. д.), которые они вызывают. Однако и с «имэдзи» оказывается не все в порядке: в исследовании Танаки Норико правильное его ощущение для некоторых слов составляло не более 18%, а в среднем те ассоциации, которые имеются в виду, появлялись в 48% случаев, при показе картинок — в 66%.

Подобные свидетельства о непонимании обычными носителями языка «катаканного английского» встречаются нередко (ГС. 1984. № 7. С. 4) [Катаяма, 1984, с. 53]. О непонимании телезрителями многих используемых гайрайго свидетельствуют и данные массовых опросов компании NHK (ХК. 1984. № 8. С. 20, 30—31). Их непонятность иная, чем непонятность канго: омонимия гайрайго невелика, но значение таких гайрайго часто просто неоткуда узнать. Если в случае канго помогает иероглифика, то в данном случае помочь может только знание английского языка, а его знают плохо (Алпатов, 2001).

Большое количество американизмов в некоторых жанрах средств массовой информации, в основном рассчитанных на молодежь, в определенной степени воздействует на язык младшего поколения японцев. В массовых обследованиях отмечается, что молодежь использует гайрайго больше, чем люди постарше; это заметно не только в больших городах, но и в деревне [Эгава, 1973, с. 36]. Особенно велик процент американизмов в речи диск-жокеев, эстрадных певцов и других лиц, наиболее тесно связанных с массовой культурой [Асаи, 1978, с. 14—15]. Однако количество гайрайго в речи молодежи не столь велико, как может показаться. По данным Сатакэ Хидэо, в записях живой речи юношей и девушек в возрасте 15—20 лет доля гайрайго в среднем составляет 5,6% лексики, что близко к средним показателям для языка в целом. Однако в статьях для молодежи, написанных профессиональными журналистами, процент гайрайго вдвое больше [Сатакэ, 1984, с. 37—39]. Отсюда делается вывод: журналисты отражают не реальную, а желаемую для молодежи жизнь, основанную на американских образцах, подлинная же жизнь молодежи и реальный язык вовсе не таковы [Сатакэ, 1984, с. 40].

Использование «катаканного английского» вызывает уже упоминавшиеся нами протесты. Отрицательное отношение к обилию гайрайго показывают и опросы населения, в частности проводимые NHK (ХК. 1984. № 8. С. 20). Характерно, что в современных дискуссиях по поводу заимствований выступают лишь противники большого количества американизмов и сторонники «средней линии», необходимость ограничения американизмов признается едва ли не всеми [Исивата, 1984, с. 22].

Недовольство «катаканным английским», безусловно, связано с неприятием в той или иной степени американской массовой культуры в Японии. Подобные идеи не могут быть оценены однозначно. Безусловно, в какой-то степени здесь проявляются и националистические настроения, хотя открыто призывать к крайнему пуризму, господствовавшему в 30—40-х гг. Японии, никто сейчас не решается. В то же время забвение национальной культуры и безудержное копирование американских культурных стереотипов, проявляющееся даже в языке, не может, конечно, рассматриваться как положительное явление. Поэтому использование многих американизмов, по сути дела не имеющих никакого кон-

кретного значения и служащих лишь для приобщения к американской массовой культуре, нельзя не считать засорением японского языка. Тем не менее ясно, что процесс интернационализации японской жизни, развития связей Японии с другими государствами неизбежно приводит и будет приводить к появлению в языке новых гайрайго; на этом сходятся все участники споров по поводу гайрайго в Японии (ГС. 1984. № 7. С. 62).

Изучение и регулирование языка Социолингвистика в Японии

Как можно видеть из предыдущих глав, языковая ситуация в современной Японии порождает немало проблем, часто непосредственно связанных с важнейшими сторонами жизни и имеющих в той или иной степени и политическое значение. Без рационального решения языковых проблем невозможны ни полноценное обучение, ни эффективное воздействие средств пропаганды, ни общение с иностранцами. Поэтому в государственную политику входит и языковая политика. Но пожалуй, ни в одной из развитых капиталистических стран правительство не уделяет лингвистическим вопросам столь большого внимания, как в Японии.

Подобная тенденция до некоторой степени проявлялась и до войны, прежде всего в связи со школьным обучением. Однако основы существующей системы были заложены в первые послевоенные годы. Для решения вопросов языковой нормы, рационализации обучения родному и иностранным языкам, совершенствования текстов прессы, радио и телевидения были созданы государственные учреждения, существующие и поныне. Важнейшие из них — упоминавшийся Государственный институт японского языка и Институт культуры радио- и телепередач (оба — в Токио), деятельность которых будет нами рассмотрена более подробно; определенная часть работы проводится и в университетах, в первую очередь государственных. Японская наука о языке в послевоенные годы испытывает значительное влияние государственной политики.

Мы здесь не имеем возможности рассматривать японское языкознание в целом, об этом мы писали в другой нашей работе [Алпатов, 1983]. Отметим лишь одну важную его черту. Если до войны в Японии господствовало теоретическое языковедение, то начиная с первых послевоенных лет стал распространяться преимущественно практический подход к языку, ориентированный на решение прикладных задач. «Чистая наука», разумеется, существует, однако она отошла на второй план; ее оплотом остаются прежде всего частные университеты и научно-исследовательские институты. Количественно явно преобладают работы прикладного характера, прежде всего социолингвистического (большое место занимают также прикладные исследования по машинной лингвистике — автоматической обработке информации, вводу информации в ЭВМ, машинному переводу и т. д., которые являются темой особого исследования и здесь рассматриваться не будут).

Теоретической основой этих работ служат идеи так называемой школы «языкового существования» (гэнго-сэйкацу) (более подробно см. [Неверов, 1982]). Данная школа считает своей задачей в первую очередь не исследование фонетики, грамматики или семантики языка, а описание речевых особенностей людей в связи с общественными процессами [Shibata, 1975, с. 163]. Лингвистика школы «языкового существования» — это почти исключительно социолингвистика. Связанные с ней ученые подчеркивают, что она сформировалась на японской почве, во многом раньше, чем аналогичные школы в американской и западноевропейской науке [Shibata, 1975, с. 161; Grootaers, Shibata, 1982, с. 344]. Мы рас-

смотрим здесь лишь практические аспекты деятельности японских социолингвистов, прежде всего на примере работы двух упомянутых выше институтов.

Каждый из институтов принадлежит ведомствам, в руках которых сосредоточены установление и поддержание языковой нормы в Японии. Государственный институт японского языка (Кокурицу-кокуго-кэнкю:дзё, сокр. ККК) принадлежит министерству просвещения, Институт культуры радио- и телепередач (Хо:со:-бунка-кэнкю:дзе, сокр. ХБК) — государственной радио- и телекомпании NHK. Каждое из ведомств пользуется законодательными правами по определению языковых норм в пределах своей сферы — соответственно в учебной литературе и в передачах NHK. Институты играют роль центров, разрабатывающих эти нормы. Вне указанных сфер строгого поддержания норм нет, поэтому в литературе частных издательств, в передачах частных компаний возможны определенные отклонения от них. Однако влияние официально установленных образцов очень велико; например, наиболее заметные изменения нормы на NHK обычно быстро перенимаются другими компаниями. Так, когда в августе 1984 г. NHK приняла решение об изменении написания корейских имен и фамилий в телевизионных надписях, то в течение месяца аналогичное нововведение было принято и частными телекомпаниями (ХК. 1984. № 10. С. 19).

Наличие двух нормативных источников, обычно действующих независимо друг от друга (хотя оба они государственные), приводит иногда к некоторому разнобою в нормах. В целом министерство просвещения несколько более пуристично, а NHK либеральнее и чаще проводит новшества. Наиболее заметны расхождения в отношении произношения гайрайго: министерство просвещения, особенно в первые послевоенные годы, ориентировалось на произносительные привычки тех, кто не владел английским языком, а NHK допускала более «американизированное» произношение (Б. 1978. № 7. С. 25—27). Министерство просвещения весь период существования «тоё-кандзи» строже выдерживало его рамки, тогда как на NHK всегда допускалось несколько большее количество иероглифов (БГ. 1977. № 6. С. 20); после введения «дзёё-кандзи» нормы здесь сблизились. В январе 1987 г. министерство просвещения приняло решение о подготовке новых норм произношения и написания гайрайго, связанных с тенденцией к уменьшению пуризма и приближению к английскому произношению (Акахата. 1987. 15 янв.; Japan Times. 1987. 16 янв.).

Функции института ККК многообразны, но в основном они имеют прикладную направленность: это сбор данных самого различного рода по японскому литературному языку и диалектам, проведение массовых обследований носителей японского языка, наблюдение за употреблением в текстах тех или иных лексических единиц, грамматических форм и конструкций, письменных знаков с последующим статистическим подсчетом данных, разработка методики преподавания японского языка иностранцам и японцам, изучение форм языкового поведения, сопоставление функционирования японского и английского языков, установление строгих критериев при выставлении школьных отметок и т. д. Институт обладает хорошей технической базой, имея компьютеры, быстродействующее печатное устройство для иероглифики, совершенную экспериментально-фонетическую аппаратуру. Существует значительный банк данных по японскому языку последних десятилетий, результаты большинства исследований подвергаются машинной обработке. Наибольшее количество сотрудников сосредоточено в отделе исследования языка с помощью компьютеров и в методическом центре по вопросам преподавания японского языка иностранцам.

Одна из главных форм работы института — проведение массовых обследований, в ходе которых специально подобранным информантам предлагают ответить на ряд во-

просов. Мы уже упоминали о двух исследованиях в г. Цуруока, где с интервалом в 22 года была проанализирована языковая ситуация в городе со значительной ролью диалектов. Отметим и два аналогичных исследования в г. Окадзаки (префектура Айти), где изучались формы вежливости и их социальное функционирование с интервалом в 19 лет. (см. результаты этих исследований [Кэйго, 1957; Кэйго, 1983]). В 80-е гг. начато массовое обследование языков больших городов, прежде всего Токио и Осаки [Grootaers, Shibata, 1982, с. 354].

Подобные исследования проводятся по детально разработанной методике, позволяющей отобрать должное количество информантов, надежно представляющих те или иные социальные, возрастные и образовательные группы. При этом используются методы математической статистики, а также психологические и другие данные. На это обращается большое внимание: в книге [Кэйго, 1957] описание методов опроса информантов и критериев их отбора занимает больше половины объема. Применялся, например, такой тест. Кандидатам в испытуемые предлагалось посмотреть мультфильм, в котором постепенно собака превращалась в кошку; выяснялось, в какой момент это отметил тот или иной информант, что свидетельствовало о тонкости восприятия. В результате опыта люди с лучшими и худшими результатами браковались, и к анкетированию допускались лишь лица с наиболее усредненной реакцией, которые имели больше шансов считаться типичными носителями языка. Подобные тесты позволяют судить о владении языком больших масс населения на основе опроса ограниченного числа (десятков или сотен) людей.

Отобранным информантам дают анкеты, на вопросы которых они должны ответить. Большинство из них касаются того, как бы сказал испытуемый в той или иной ситуации и какую форму или какое слово он бы выбрал из предлагаемых. Таким образом выявляются активно используемые, пассивно известные и вовсе неизвестные, предпочитаемые и отвергаемые единицы языка и т. д. Результатом обследования является информация самого разного типа: о степени владения литературным языком и роли диалектов, о пользовании иероглификой, о роли форм вежливости и предпочтительности тех или иных из них в разных социальных ситуациях, о различиях мужского и женского вариантов языка, об отношении японцев к языку, которым они владеют, и языку, который они слышат, об эффективности тех или иных мероприятий языковой политики и о многом другом.

Иной метод исследований, также впервые разработанный в ККК, — это «исследование языка в течение 24 часов». В соответствии с ним информант, выбранный на тех же основаниях, что и в предыдущем случае, служит объектом наблюдения в своей повседневной жизни: в течение целого дня его сопровождает исследователь, фиксируя на бумаге или на магнитной ленте его речь с указанием ситуаций, в которых она произносится [Конрад, 1959; Сибата, 1983].

Организатор подобных исследований Сибата Такэси так характеризовал ситуацию перед началом подобных исследований: «До сих пор почти неизвестно, сколько слов в день произносит японец, какие из них он употребляет в повседневной жизни, сколько времени в день он читает газеты или пишет письма и многое другое» [Сибата, 1983, с. 134]. «Исследования языка в течение 24 часов» позволяют получить ответы на эти вопросы и многие аналогичные им. Были составлены схемы «языкового существования» типичного торговца, типичного служащего, типичной домохозяйки и т. д. по часам дня; выявлено, сколько времени уходит у каждого из них на те или иные операции с языком, какова средняя длина предложений в их речи, каков в них процент подлежащих и сказуемых, каково соотношение исконной лексики, канго и гайрайго и т. д. Таким образом изучается

устная неподготовленная речь, наиболее трудная для фиксации. Аналогичные исследования ведутся и на материале письменных текстов, подвергаемых статистической обработке; этот материал группируется по жанрам и стилям.

В результате институтом ККК и другими научными центрами получен большой объем информации для ЭВМ, на основе анализа которой публикуются различного рода исследования, содержащие данные, обычно неизвестные для каких-либо стран, помимо Японии. Некоторые такие данные мы уже приводили в предшествующих разделах. Приведем еще несколько примеров. Подсчитана частота тех или иных письменных знаков и их сочетаний в текстах тех или иных жанров [Сайто, 1971]. Выяснено, что в бытовом разговоре японское предложение в среднем содержит 3,81 знаменательного слова, в заранее не подготовленной официальной беседе — 5,49, в лекции — 9,31, в теленовостях — 16,48 (Н. 1978. № 23. С. 174). Установлено, из какого числа звуков в среднем состоит предложение в общепонских, местных и международных теленовостях (Н. 1978. № 23. С. 178). Выявлено, что жители собственных домов чаще употребляют формы вежливости и тоньше дифференцируют их употребление, чем лица, снимающие квартиры: это объясняют тем, что первые больше вовлечены в местные социальные связи [Grootaes, Shibata, 1982, с. 355]. Примеры такого рода можно было бы продолжать почти до бесконечности.

Многие социолингвистические исследования характеризуются тотальностью охвата. Эта тотальность связана не с количеством рассматриваемых явлений (оно как раз обычно невелико), а со стремлением «прогнать» анализ этого явления по всем половым, возрастным, социальным, образовательным группам и по всей территории Японии. Например, масса литературы посвящена весьма частному явлению — распространению ненормативных форм типа мирэру 'мочь видеть' (о них мы упоминали выше). Авторы этих работ стараются выяснить, когда, где и кем употребляются эти формы и их конкуренты в языке. В одной публикации дан анализ их использования во всех 47 префектурах Японии, выявлены зоны их большего или меньшего распространения [Ямамото, 1983, 1984]. Другие лингвисты изучают социальную, возрастную и половую дифференциацию пользования формами типа мирэру; отмечается, в частности, особая их употребительность в речи молодежи [Кояно, 1979]. Таким образом, имеется полная и достоверная картина того, как это относительно новое для японского языка явление постепенно распространяется по Японии. Аналогично изучаются изменения в формах вежливости и т. д. В области лексики ведется постоянное слежение за новыми словами, для неологизмов выявляют год и даже месяц их первого появления. Издаются, в частности газетной компанией «Асахи», специальные словари, где для каждого года за послевоенный период приводится список слов, появившихся вновь. Из них можно, например, узнать, что такое частое слово, как ванман «автобус без кондуктора», появилось именно в феврале 1949 г., а не раньше и не позже.

Не все подобные исследования имеют прямой практический выход, но, конечно, у них всегда есть хотя бы потенциальная практическая направленность. Анализ того, как реально говорят и пишут, необходим для совершенствования языковой нормы. Например, изменения иероглифического минимума в 1981 г. были произведены на основе многолетнего изучения употребления иероглифов в различных ситуациях, предпринимавшегося ККК. Упомянутые исследования форм типа мирэру связаны с решением вопроса о том, насколько они уже могут считаться допустимыми и вводиться в школьное преподавание. Необходимость совершенствования нормы стимулирует и изучение форм вежливости, где действующие правила довольно сильно отличаются от живой практики. Анализ реального «языкового существования» важен и в связи с принимаемыми мерами по

сохранению диалектов, о которых мы уже говорили. Слежение за новой лексикой дает возможность разъяснять значение новых слов для людей, которым они непонятны. Наконец, анализ языкового поведения японцев очень важен для эффективного обучения иностранным языкам в Японии и японскому языку иностранцев. Сейчас эти исследования занимают все большее место в деятельности ККК, причем наблюдается выход за пределы привычной лингвистической проблематики: значительный интерес проявляется к соотношению языкового и неязыкового поведения, к особенностям национальных моделей культуры в целом.

Практическая нацеленность японской лингвистики отражается и в той роли, которую она играет в повседневной жизни японцев. Эта роль часто удивляет иностранных, особенно американских, наблюдателей. Во многих других странах лингвистика воспринимается как абстрактная, далекая от жизни наука; особенно это относится к структурной и генеративной лингвистике последних десятилетий со сложной терминологией и отпугивающим неспециалиста формальным аппаратом. Иная ситуация в Японии, где любят говорить о «лингвистическом буме» [Мацумото, 1980, с. 109]. Как отмечала американская лингвистка Э. Джорден, американцы при встрече больше всего говорят о погоде и политике, японцы — о погоде и языке [Сибага, 1984, с. 2]. Другой известный американский японист, Р. Э. Миллер, с некоторым чувством горечи пишет о том, что в отличие от его страны, где языковеды неизвестны публике, в Японии наблюдается массовый интерес к лингвистическим исследованиям, а ученые, особенно имеющие профессорское звание или работающие в престижных учреждениях, пользуются большой известностью; японцы-неспециалисты охотно покупают книги по языкознанию, несмотря на любую их трудность; не редкость и выступление лингвистов по телевидению, причем они могут выступать не только как специалисты, но и излагать свое мнение по любым вопросам и даже принимать участие в телешоу [Нам пришлось видеть, например, участие в телешоу ведущего специалиста по китайскому языку, ныне покойного, Тода Акиясу.]. Даже в рекламу товаров вставляют фразы о японском языке [Miller, 1982, с. 12—19].

В Японии книга по лингвистике, рассчитанная на специалистов, может стать бестселлером. Впрочем, успех часто имеет литература, содержащая мнимонаучные сенсации, типа печально знаменитой книги Цунода Таданобу «Мозг японцев», о которой мы будем говорить в следующем разделе. Очень популярны книги по истории японского языка и особенно по выявлению его родственных связей (вообще в моде литература по выявлению «корней» японского народа). Впрочем, и здесь обычно внимание обращается не на серьезные научные работы таких ученых, как ныне покойные Мураяма Ситиро, Хаттори Сиро и других, а на далеко не лучшие образцы. Долго была бестселлером книга некоего Ясуды, где доказывалось, что небольшой по количеству носителей язык лепча в Гималаях ничем не отличается от древнеяпонского. Также очень популярны работы известного ученого Оно Сусуму о родстве японского языка с дравидийскими, хотя эта гипотеза отвергается большинством специалистов. Такого рода ажиотаж, безусловно, связан с влиянием японского национализма, использующего в своих целях и лингвистическую аргументацию.

Большее значение имеет тот факт, что вопросы языковой практики занимают видное место в японских средствах массовой информации. Широко обсуждаются проблемы языковой и письменной нормы: только с сентября 1978 по август 1979 г. в рубрике «Голос» газеты «Асахи-симбун» было опубликовано 28 статей по вопросам языковой нормы [Иман, 1980, с. 24]. Массовая печать уделяла много внимания проекту «дзёё-кандзи», в связи с подготовкой уточненного правописания каны проходило печатное обсуждение и этих проблем; например, на первой странице газеты «Асахи-симбун» была помещена

большая статья, рассматривавшая спорные случаи написаний хираганой (Асахи-симбун. 1985. 21 февр.). В японских газетах на английском языке каждую неделю обсуждаются проблемы методики обучения английскому языку японцев и преподавания японского языка иностранцам.

Большое место занимают языковые передачи и на телевидении. Показательно, что с апреля 1984 г. регулярные передачи о японском языке были переведены из учебной программы NHK на общую [Сибата, 1984, с. 2], они транслировались в самое удобное для зрителей время: по субботам с 22 до 22 ч. 30 м. Не редкость даже телевизионные сериалы на лингвистические темы: летом 1985 г. по NHK демонстрировался пятисерийный фильм «Кокуго-ганнэн» («Первый год японского языка»), в котором изображалась жизнь японской семьи второй половины XIX в., все члены которой говорили на разных диалектах. Замысел фильма — показать, как постепенно вырабатывался общепонский язык. Отметим и большое количество научно-популярной литературы. Важную роль долгие годы играли журналы «Гэнго-сэйкацу» («Языковое существование»), сейчас прекратившийся, и «Гэнго» («Язык»), издающийся и сейчас, содержавшие статьи по функционированию языка в японском обществе, по культуре речи, большое место в них занимали письма читателей, ответы на их вопросы (журналы печатали и материалы, рассчитанные на специалистов).

Итак, в современной Японии наука о языке прежде всего рассматривается как основа для языковой практики, как средство, помогающее японцам правильно пользоваться своим языком.

Язык и массовая коммуникация

Несколько подробнее мы хотим остановиться на одном из аспектов прикладной деятельности японских лингвистов — на деятельности по совершенствованию языка теле- и радиопередач. Ведущую роль здесь играют упоминавшийся институт ХБК при компании NHK и Совет по языку передач при той же компании (Хо:со:-ё:го-иинкай).

Институт ХБК существует с 1946 г. и занимается различными аспектами структуры передач, принципов их подготовки, реакции зрителей на передачи, обобщения японского и зарубежного опыта (изучается телевидение во многих странах, включая Россию); в 1984 г. в него вошел Институт по анализу общественного мнения зрителей (проблемами телетехники занимаются другие институты NHK); при институте существуют библиотека фоно- и видеозаписей, насчитывавшая к 1972 г. около 12 000 единиц хранения [В нее в то время входило 1300 фильмов, 6500 магнитофонных записей, а также 4300 единиц хранения, запечатлевших национальные культурные ценности, в том числе записи народного искусства из разных районов Японии, голоса 1600 известных людей, записи айнского языка и фольклора, а также записи, сохраняющие японские диалекты. Сейчас фонд библиотеки значительно пополнился.], и общедоступные музей радио и телевидения [NHK, 1972] (подробнее см. [Алпатов, 1987]).

Одна из основных задач института — изучение языка телевидения и радио и выработка практических рекомендаций для его совершенствования. Систематически просматриваются и прослушиваются передачи различных программ, в том числе местного вещания, и фиксируются все имеющиеся в них отклонения от нормы, случаи употребления диалектных и просторечных выражений, стилистические погрешности, случаи трудно понимаемых слов и фраз (в частности, в связи с употреблением неулавливаемых на слух канго) и т. д. Эти случаи рассматриваются в издаваемом NHK журнале «Бункэн-гэппо»

(«Библиографический ежемесячник»), в каждом номере которого приводятся примеры ошибочных и неудачных фраз из речи дикторов и комментаторов с предложениями по их исправлению (аналогичные рубрики можно видеть и в других изданиях).

Помимо фиксации ошибок и неточностей наблюдение над языком передач ведется еще в двух аспектах: с целью выяснения тенденций развития. Изучают различия между языком новостей, репортажей, бесед, образовательных, детских передач и т. д. Анализируются их особенности не только в области лексики, но и в области грамматики и фонетики: мы уже приводили данные о длине предложений в передачах разного типа. Выявление таких особенностей помогает планомерно составлять соответствующие тексты и в то же время вносить изменения там, где наметившиеся тенденции оцениваются как неэффективные, например если язык той или иной передачи оценивается как слишком книжный и мало доходчивый. Наблюдения над языком японского вещания ведутся начиная с довоенного времени, отмечаются происшедшие изменения — как сознательные, так и стихийные [Канно, 1978].

Материал радио- и телепередач изучается в очень большом объеме. С 60-х годов все слова, используемые в вещании, идут в машинную память; теперь всегда может быть известно, какое слово, когда и в какой передаче произнесено; к 1972 г. на ЭВМ было проанализировано около двух третей собранного материала — примерно 1 200 000 слов [NHK, 1972, с. 7].

Наряду с изучением текстов теле- и радиопрограмм производится и анализ их воздействия на зрителей и слушателей. Помимо непосредственных наблюдений за реакцией на передачи (так, в частности, исследуется эффективность детских программ), широко применяются анкетирование и опросы зрителей. В одном из массовых обследований, например, опросили 1300 специально отобранных деревенских жителей по поводу понятности употребляемых на телевидении слов и иероглифов, на основе полученных результатов были внесены коррективы в используемую в передачах лексику и иероглифику [NHK, 1972, с. 8]. В анкетах также выясняется мнение зрителей о передачах, в том числе и об их языке. Например, было предпринято массовое обследование мнений зрителей об использовании по телевидению форм вежливости (Н. 1977. № 22. С. 37—63).

На основе всех указанных исследований вырабатываются рекомендации и предложения, поступающие на рассмотрение Совета по языку передач. Этот орган, наделенный законодательными для NHK функциями, состоит из восьми человек — деятелей NHK и авторитетных лингвистов. В состав совета входят или входили такие ученые, как академик Хаттори Сиро, Киндаити Харухико, Сибата Такэси, Хага Ясуси. Совет собирается ежемесячно, материалы его заседаний публикуются в журнале NHK «Хосокэнкю то тэса» («Исследования и обследования передач»). Во время заседаний совета просматриваются видеозаписи, прослушиваются магнитофонные записи, обсуждается полученная информация и вырабатываются решения. Например, на одном из заседаний в 1984 г. разбиралась программа местного вещания в г. Ниигата, посвященная ожидаемому снижению налогов на вино. Было отмечено, что передача перегружена информацией, не достигающей до зрителя, в ней следовало бы сократить всю вторую половину, в то же время отмечены случаи, где слов недостаточно для понятности текста, признано недопустимым повторение одних и тех же оборотов в одном предложении, выделены случаи двусмысленности, отмечены нежелательные слова, например канго ко:фу-суру 'вручать' забраковано как слишком трудное, предложено заменять его на исконный глагол тэватасу с тем же значением (ХК 1984 № 9 С 66—67).

Совет по языку принимает разного рода решения, влияющие на подготовку передач на NHK. Эти решения нередко связаны с политической конъюнктурой. Так, упомянутое постановление об изменении написания и произношения корейских собственных имен для более точной передачи их звучания в языке-источнике было связано с подготовкой визита в Японию южнокорейского президента Чон Ду Хвана в 1984 г. В том же году было прекращено использование на телевидении выражения вага куни 'наша страна' в отношении Японии, это было мотивировано не только его книжно-ораторским характером и несоответствием доверительному тону, желательному для речи дикторов, но и его официальнойностью, которая дает повод отождествить точку зрения NHK с точкой зрения правительства (ХБ 1984 № 12 С 69).

В целом в языковой политике NHK (а в той или иной степени и других компаний) отмечаются три тенденции к большей разговорности речи, к замене непонятных на слух канго, к ограничению числа гайрайго. С 80-х годов признано, что теленовости и другие передачи воздействуют на адресата тем надежнее, чем более приближен к разговорному их язык. Поэтому провозглашен лозунг перехода от «читаемых» новостей к «рассказываемым». Текст, конечно, остается подготовленным заранее, однако строится по возможности так, чтобы он не выглядел как читаемый и казался естественным. Для этого текст подвергается специальной обработке, ограничивается книжная лексика (без которой, конечно, совсем обойтись невозможно), сокращается длина предложений, исключаются сложные синтаксические конструкции, вводятся определенные «шероховатости», свойственные разговорной речи, поскольку абсолютно гладкие и правильные предложения неизбежно будут восприниматься как написанные [Инагаки, 1984].

Много заботятся на телевидении и радио и о понятности передач на слух. В разделе, посвященном письменности, мы уже говорили о малопонятности для слушающего многих канго, без которых, однако, оказывается трудно обойтись, это приводит к большой роли письменного текста на японском телевидении. Однако там, где это возможно, книжные канго еще с довоенного времени изгоняются из передач. При появлении радио пытались читать газетные статьи, это приводило к полному непониманию текста [Канно, 1978, с. 8]. Поэтому уже более полувека применяются специальные меры по замене непонятных на слух канго: до войны их старались заменять на соответствующие по значению исконные слова, что не всегда возможно; после войны их заменяют также на гайрайго, на более понятные канго и на смешанные образования [Неверов, 1975].

Исключение из языка теле- и радиопередач сложных китаизмов рационально сразу с двух точек зрения: в связи с понятностью текстов на слух и в связи с приданием им более разговорного характера. Однако есть и факторы, препятствующие этому. В ряде случаев заменить трудное канго можно только на гайрайго, а такие замены часто также приводят к непониманию. Пожалуй, ничто не оценивается аудиторией столь негативно, как злоупотребление американизмами в передачах (ХК 1984 № 8 С. 20). Вызывают протесты как их чужеродность, так и непонятность, которая в отличие от канго не может быть компенсирована при письменном дублировании текста. В целом политика на телевидении, по крайней мере на NHK, заключается в ограничении числа гайрайго (ХБ. 1984. № 10. С. 22), за исключением собственных имен. Необходимые по смыслу американизмы объясняются, что, впрочем, признается нежелательным, поскольку занимает много времени (ХК. 1984. № 10. С. 30). Однако на телевидении можно видеть ту же стилистическую дифференциацию передач разных жанров, что и в прессе. Когда это нужно, эффект непонятных, но кажущихся «элитными» американизмов используется и здесь: отмечают относительно

высокий процент длинных и заведомо непонятных гайрайго в детских передачах, в том числе в мультфильмах (ХК. 1984. № 7. С. 33).

Таким образом, на японском телевидении и радио языку вещания придается большое значение. Язык рассматривается как одно из основных средств достижения нужного для владельцев средств массовой информации пропагандистского эффекта, воздействия на массовое сознание. Методика такого воздействия строится на научной основе.

Одна из задач, ставящихся при подготовке телевизионных передач, — влияние на развитие и распространение норм литературного языка, которое не исчерпывается специальными языковыми передачами. Поскольку сейчас дети в Японии узнают большую часть слов языка через телевидение и кино, а не через опыт повседневной жизни [Канаока, 1984, с. 52], то языковые мероприятия NHK и других организаций непосредственно влияют на развитие языка.

Подобного рода сознательное воздействие на язык относится, конечно, не только к сфере телевидения и радио. Определенные меры принимаются и в отношении языка прессы. Еще один аспект подобной деятельности, распространившийся лишь недавно, — упорядочение терминологических систем. В этом отношении Япония долго времени отставала от многих развитых стран, неоднократно отмечался большой терминологический разбой и обилие неоправданной синонимии [Neustupny, 1978, с. 170]. Видный американский японист С. Э. Мартин в связи с этим даже предложил в шутку ввести мораторий на новые термины [Мартин, 1984, с. 3]. Однако в 80-е годы положение и здесь стало меняться. Создан терминологический подкомитет Японского комитета по стандартизации, который выпустил серию нормативных терминологических словарей на основе перевода на японский язык соответствующих словарей ЮНЕСКО [Документэсэн, 1981, 1982, 1984]. Подобная работа ведется и другими организациями, включая ККК, существует около 300 терминологических комиссий, составляющих нормативные отраслевые словари. За один 1982 г. появились 6092 публикации данного рода, их количество растет. Ведутся работы по подготовке машинного банка терминологических данных [Galinski, 1983].

Итак, современная Япония характеризуется активной языковой политикой. Основную роль в ее проведении играют государственные органы, к подготовке осуществляемых мероприятий привлекаются ведущие ученые. Конечная цель такой политики — превращение языка в эффективное средство воздействия на массы. Для этого необходимо распространение языка, понятного для всего населения страны, совершенствование языковой, в том числе письменной, нормы, формирование разнообразных языковых стилей и многое другое. Такие меры проводятся, конечно, не только в Японии, но в этой стране они особенно целенаправленны.

Тем не менее, подводя итог проблемам, которые мы разбирали в этом разделе и предшествующих главах, следует сказать, что эта политика не всегда оказывается эффективной. Конечно, определенные результаты налицо: владение литературным языком достаточно велико, несомненно и влияние японских средств массовой информации на значительную часть населения, в чем не последнюю роль играет и язык. Однако нередко появляются и неожиданные последствия, и многое не приносит своих плодов, ни к чему не привела многолетняя борьба с диалектами, от которой в конце концов пришлось отказаться, малое влияние на языковую практику оказало нормирование форм вежливости, не во всем выдержал испытание временем и иероглифический минимум. Не все благополучно и в школьном обучении родному языку: в печати можно встретить немало жалоб (в том числе и от учителей) на бедность языка современных школьников, их плохое знание

иероглифов, ошибки в грамматике, неспособность читать длинные тексты [Канаока, 1984; Ямада, 1984а].

Японские социолингвисты нередко обсуждают вопросы реальности и целесообразности языкового планирования. Преобладающее мнение четко выражено ведущим ученым Сибата Такэси: вмешиваться в естественный процесс развития языка почти невозможно, поэтому языковое планирование часто оказывается малоэффективным, но в то же время сознательное вмешательство в языковые процессы необходимо [Shibata, 1975, с. 168].

Японский язык в современном мире

«Японский язык очень труден»

Обычно, чем большее значение имеет то или иное государство на мировой арене, тем более известным в мире становится его язык. Япония в этом смысле представляет собой определенное исключение. Япония уже давно принадлежит к числу развитых государств, по большинству показателей экономики она прочно занимает второе место в мире, а в ряде случаев выходит и на первое, высокоразвиты японская наука и техника. Тем не менее международная роль японского языка невелика: он уступает языкам многих менее развитых стран. Японский язык не является языком ООН, обычно не используется в работе международных организаций, международных конференций, симпозиумов и т. д. Количество литературы на японском языке, предназначенной для распространения вне Японии, весьма невелико. Однако такая ситуация в самой Японии долго никем не воспринималась как ненормальная, а в массовом сознании зачастую считается вполне естественной и сейчас.

Чем же объяснить такое положение дел? Некоторые причины здесь очевидны. Это и сравнительно позднее появление Японии среди наиболее передовых государств, это и недолгое существование японской колониальной империи по сравнению с другими, это и значительное отличие японского языка от языков большинства других наиболее развитых стран, вызывающее трудности в обучении (из языков государств, входящих в десятку наиболее развитых стран мира, все, кроме японского, принадлежат к индоевропейской семье; структурные различия между ними значительно меньшие, чем различия каждого из них с японским; сложность обучения японскому языку усугубляется его письменностью).

Однако существуют и некоторые специфические факторы, без учета которых все-таки непонятно, почему вплоть до 70-х годов японское правительство не проявляло активности в пропаганде своего языка за рубежом и вовсе не думало о его распространении в США и Европе. По словам сотрудника Японского фонда Ямада Масахару, «20 лет назад никто в Японии не мог подумать о японском языке как международном» (ГС. 1984. № 8. С. 51). Исключение, конечно, составляло навязывание японского языка в Корее и других колониях, а также в оккупированных странах во время второй мировой войны (см. [Попов, 1971]). Крах японского милитаризма положил конец продвижению японского языка в эти страны. После войны распространение японского языка за рубежом долгое время не занимало сколько-нибудь заметного места в государственной политике Японии. В начале 50-х годов здесь существовала лишь одна школа японского языка для иностранцев при университете Тиба, где обучались лишь граждане азиатских стран; вплоть до 60-х годов в Японии преподавали японский язык лишь для выходцев из стран Юго-Восточной Азии [Miller, 1982, с. 156, 266].

Одним из таких особых факторов, по всей вероятности, являются некоторые традиционные представления и привычки, обусловленные в конечном итоге многолетним

изолированным положением Японии и отсутствием выработывавшихся в других странах веками привычек общения с иностранцами (напомним о более чем двухвековом положении Японии как «закрытой страны»).

Многие наблюдатели — как японские, так и американские и европейские — неоднократно отмечали непривычность для японского массового сознания самой идеи о том, что иностранец, особенно представитель Европы или Америки, может говорить или читать по-японски. В очень резкой форме это проявлялось в XIX веке; один из первых английских исследователей японского языка, Б. Х. Чемберлен даже писал, что японцы в то время смотрели на говорящих по-японски иностранцев как на говорящих обезьян [Miller, 1982, с. 77]. Сейчас положение, конечно, изменилось, но все равно не редкость высказывания о том, что неяпонцу невозможно выучить японский язык из-за его исключительной сложности. Иностранец, владеющий японским языком, может столкнуться с достаточно стандартными ситуациями, когда японец в ответ на попытку обратиться к нему по-японски тут же переходит на английский язык или когда японский ученый после долгого разговора с иностранцем на японском языке, зная, что он — специалист по этому языку, искренне удивляется тому, что его собеседник еще и читает по-японски.

Большая коллекция таких примеров собрана в книгах [Miller, 1977; Miller, 1982]. Эти книги, особенно вторая, проникнуты резким неприятием японской культуры, и со многими выводами автора нельзя согласиться, тем не менее в них содержится немало любопытных фактов, например: один из ведущих американских специалистов по японской классической литературе жаловался, что японцы, делая ему комплименты за переводы на английский язык своей классики, тут же извинялись, если имели при себе визитные карточки с одним японским текстом, без английского [Miller, 1982, с. 80].

Аналогичные факты приводят многие авторы, особо отмечающие, что обычно, чем лучше иностранец владеет японским языком, тем больше трудностей ему приходится испытывать в контактах с японцами [Мацумото, 1980, с. НО; Mizutani, 1981, с. 16, 63-65; Miller, 1982, с. 144-164]. По мнению Дж. Сьюарда, чем лучше иностранец говорит на японском языке, тем хуже к нему будут относиться более европеизированные японцы и естественнее вести себя более традиционные [Seward, 1968, с. 206]. Несомненно однако, что поведение иностранца, говорящего на языке данной страны, расценивается как ненормальное в Японии в большей степени, чем в европейских государствах.

Под идеи о трудности японского языка, невозможности его освоения иностранцами и в конечном итоге его исключительности среди языков мира подводится и «научная база». Примером может служить нашумевшая в Японии и получившая известность (преимущественно понаслышке) в других странах книга профессора по болезням уха, горла и носа Цунода Таданобу «Мозг японцев» [Цунода, 1978]. В свое время она побила все рекорды популярности для небеллетристической литературы: в феврале 1978 г. вышло первое издание, и в июне того же года — уже девятое.

Автор книги, не специалист ни в лингвистике, ни в психологии, провел весьма ограниченную серию опытов, на основании которых сделал вывод о том, что испытуемые-японцы и испытуемые других национальностей при одинаковом восприятии согласных несколько по-разному воспринимали разными ушами (и, следовательно, разными полушариями мозга) гласные звуки [Цунода, 1978, с. 46—68]. Эти опыты требуют проверки специалистов, которая, как указывает Р. Э. Миллер, уже проводилась и не подтвердила результаты Цунода Таданобу [Miller, 1982, с. 80]. Но даже если и считать их достоверными, из них вряд ли можно сделать те глобальные выводы, которые делает Цунода. Он заявляет, что все народы мира, исключая японцев (или полинезийцев), воспринимают гласные

и согласные звуки только левым полушарием мозга, связанным с логическим мышлением, тогда как японцы и полинезийцы воспринимают этим полушарием только согласные; в то же время гласные и неязыковые звуки попадают у последних в правое, эмоционально-интуитивное полушарие [Цунода, 1978, с. 65]. Из этого якобы следует, что европейским народам, китайцам, корейцам и вообще почти всему населению мира недоступны звуки природы, японская музыка; все эти люди чувствуют себя в природе одинокими и не в состоянии идти дальше логики, тогда как японец чувствует природу и способен интуитивно воспринимать мир [Цунода, 1978, с. 21]. Цунода пытается доказать уникальность устройства японского мозга, равного которому (кроме мозга полинезийцев) нет ни в развитых, ни в развивающихся странах [Цунода, 1978, с. 170]. В связи с этим он пытается доказать и уникальность японского языка, в котором якобы совершенно особую роль играют гласные звуки [Цунода, 1978, с. 67-68]. [Мы уже говорили, что в японском языке почти нет стечений согласных, поэтому в японском тексте процент гласных оказывается выше, чем в русском или английском тексте той же длины, но, конечно, среди языков мира японский далеко не уникален]

Уникальность японского мозга, по мнению Цуноды, не врожденна, а производна от жизни в японском обществе (которое тем самым тоже считается единственным в мире); утверждается, что японцы, живущие за рубежом, вне национальной среды, ее теряют, тогда как корейцы, прожившие всю жизнь среди японцев, мыслят по-японски [Цунода, 1978, с. 124—127, 144—147]. Цунода декларирует, что различие культур и языков будто бы обусловлено строением мозга, при этом все культуры мира противопоставляются японской; только человек, имеющий японский мозг (что, по Цуноде, равносильно тому, что он проникнут японским духом), может освоить японский язык, японскую музыку, японскую культуру в целом; в то же время японцы, обладая более дифференцированным мозгом, способны освоить чужие языки и культуры, однако это может оказать на них вредное воздействие, приводя к утере уникальных свойств [Цунода, 1978, с. 23, 90—107]. В одном из интервью Цунода даже заявил, что в годы, когда он пытался учить английский язык, он был творчески бесплоден и, лишь отказавшись от стремлений одолеть иностранные языки, он сумел заставить свой мозг плодотворно работать [Miller, 1982, с. 76]. Раз общение японца с неяпонцами на японском языке невозможно, а на другом языке опасно, то единственный логический вывод из этого, не делаемый, правда, Цунодой, — желательность пресечь попытки такого общения, т. е. возвращение к «закрытой» Японии.

Безусловно, книга «Мозг японцев» не может расцениваться иначе, как ненаучная и националистическая, здесь мы полностью согласны с Р. Э. Миллером [Miller, 1982, с. 71]. [Все сказанное не означает того, что мы отрицаем или недооцениваем исследования по изучению языковых механизмов мозга, в частности по функциям мозговых полушарий, ведущихся сейчас интенсивно, в том числе и у нас [Балонов, Деглин, 1976, Брагина, Доброхотова, 1977]. Цунода почти не учитывает новейшие исследования, основываясь лишь на известных с прошлого века опытах П. Брока и др.] Внешняя наукообразность книги призвана лишь внушить большее доверие читателю-неспециалисту к проповеди национальной исключительности японцев, их превосходства над другими народами.

Утверждения об исключительности японского языка, не выдерживающие никакой научной критики, появляются и в других работах. Можно встретить утверждения, что японский язык принципиально отличается от всех языков мира существованием форм вежливости и стоящей за ними идеей вежливости [Мацуо, 1982, с. 81], что исконно японская лексика по своей сути не может передавать чужие понятия [Мацуо, 1982, с. 77—78],

что идея смены времен года присутствует лишь в исконно японских словах, а чужие слова, включая канго, не могут ее выражать [Мацуо, 1982, с. 78] и т. д.

Такого рода изоляционизм до некоторой степени проявляется и в отношении к иностранным языкам. Пишут о том, что ни в какой другой стране нет таких барьеров для обучения английскому языку, как в Японии, что до сих пор (хотя и меньше, чем раньше) проявляется отсутствие особого желания общаться с иностранцами на каком-либо языке [Schneider, 1981, с. 209, 212]. Как показывают опросы молодых специалистов, работающих в фирмах, владение иностранными языками даже сейчас не рассматривается как дело первостепенной важности: из 52 человек, участвующих в опросе, лишь десять ответили, что знание английского языка необходимо для продвижения по службе, также десять человек ответили положительно на вопрос: «Принесло ли знание английского языка когда-нибудь успех в вашей жизни?» [Фуругори, Сакаи, 1984а, с. 276]. При аналогичном опросе администраций этих фирм в 54 случаях из 73 был ответ, что знание английского языка учитывается при зачислении на работу, но лишь в 15 — что оно играет роль при дальнейшем продвижении [Фуругори, Сакаи, 1984б, с. 153]. Отсутствие стимулов для изучения наряду с недостатками методики преподавания отмечается как причина того, что в массе японцы слабо владеют иностранными языками, включая английский [Mizutani, 1981, с. 7; Suzuki, 1978, с. 147]. Указывается, что и сейчас люди, хорошо знающие языки, могут вызывать недоверие [Schneider, 1981, с. 218]. Даже ситуация во многом прежняя (Алпатов, 2001).

Однако, безусловно, в наши дни необходимость знания иностранных языков осознается в Японии многими. Их преподавание имеет в Японии давнюю традицию. Даже крайние изоляционисты допускают использование японцами иностранных языков в большей степени, чем обратное (см. концепцию Цуноды). Преподавание иностранных языков принимает в Японии все большие масштабы: к 1982 г., по данным министерства просвещения, в Японии преподавалось 45 языков, включая древние, в том числе такие, как сунданский, панджаби, маньчжурский, словацкий. Китайский язык преподавался в 175 университетах, русский — в 131, испанский — в 93, корейский — в 38, итальянский — в 36 (Г. 1983. № 9. С. 25—29). Стала улучшаться и методика преподавания, основное внимание уделяется разговорному аспекту.

Пока в меньшей степени, но меняется отношение и к международной роли японского языка. Все более активный выход Японии на мировую арену, увеличение международных связей заставляют вносить коррективы в традиционные представления. Для рядового японца иностранец и даже иностранец, говорящий по-японски, становится менее необычным, чем раньше: как пишет американец, живущий в Японии, еще около 1970 г. он не мог пройти небольшого расстояния, не слыша возгласов прохожих: «Гайдзин!» («Иностранец!»); теперь этого уже нет [Schneider, 1981, с. 214]; впрочем, жалобы на такое обращение с иностранцами, особенно в провинции, встречались и позже (Daily Yomiuri. 09.06.1985); и мы в 80-е гг. с этим сталкивались. Вслед за экономической политикой Японии стала меняться и языковая политика.

Программы обучения японскому языку

С 60—70-х гг. в Японии проявился заметный рост национализма, активно поддерживавшийся и направлявшийся правительством. Национализм проявляется и в языковых вопросах, причем по-разному. Определенные круги в современной Японии проповедают традиционные идеи, в которых подчеркивание превосходства японской культуры и япон-

ского языка сочетается с изоляционизмом, типичный пример такой идеологии — книга «Мозг японцев». Однако государственная языковая политика характеризуется несколько иными тенденциями. Примерно с начала 70-х годов наблюдаются постепенный отказ от традиционного языкового изоляционизма, активизация пропаганды за рубежом японского языка и японской культуры.

Если до начала 70-х годов обучения японскому языку в США целиком финансировалось из американских источников, то теперь ведущую роль здесь играют японские, главным образом правительственные и полуправительственные, организации (JFN. 1984. Октябрь. С. 15). Основной сдвиг здесь произошёл между 1970 и 1975 гг. в связи с деятельностью таких организаций, как Японский фонд и Комиссия японо-американской дружбы (JFN. 1984. Октябрь. С. 12—13).

Большое значение имело образование в 1972 г. Японского фонда — специализированной организации, занимающейся пропагандой и распространением японского языка и японской культуры за рубежом. Формально это независимая организация, однако она тесно связана с МИД Японии, из сотрудников которого формируется и персонал фонда [Miller, 1982, с. 78]. Фонд организует и финансирует разнообразные программы преподавания японского языка иностранцам в Японии и других странах. В 1983 бюджетном году им было послано 120 преподавателей в 30 стран, учебные программы и материалы (видеопрограммы, слайды, словари) отправлены в 359 организаций 61 страны. За этот же год 26 специалистов-японистов послано фондом на методологические семинары за рубеж, оказана помощь 499 преподавателям японского языка — неяпонцам в 105 центрах 39 стран; в Японию приглашались на курсы японского языка 51 преподаватель из 21 страны и 67 студентов из 36 стран. Помимо этого для работы в Японии приглашаются за счет фонда специалисты-японисты (160 человек в 1983 бюджетном году) (JFAR. 1983—1984. С. 16, 23, 27).

Наряду с Японским фондом подобной деятельностью занимаются и другие правительственные и частные организации. Так, в некоторых университетах существуют специальные программы обучения японскому языку иностранцев, организуются специальные курсы и летние институты. В виде примера можно привести Международный христианский университет, где ежегодно работают шестинедельные курсы японского языка для иностранцев, рассчитанные на англоязычных студентов (в 1984 г. обучалось 165 человек), и учебный семинар для иностранных преподавателей [Bulletin, 1984, с. 21, 34, 97].

Для координации такой деятельности в 1978 г. был создан специальный орган — Общество преподавания японского языка (Нихонго-кё:ику-гаккай), связанное одновременно с министерством иностранных дел и министерством просвещения [Miller, 1982, с. 269—270]. Этим обществом регулярно организуются конференции по вопросам обучения иностранцев японскому языку с приглашением ведущих японистов из разных стран. Правительством предпринимаются и специальные меры по привлечению студентов-иностранцев: с 1 октября 1984 г. упрощена процедура въезда в Японию учащихся специальных профессиональных школ, в основном по обучению японскому языку (JFN. 1985. Февраль. С. 15).

В настоящее время в Японии все более возрастает количество иностранцев, обучающихся японскому языку. На октябрь 1983 г. оно составило 25 938 человек и возросло по сравнению с 1978 г. на 62%; количество преподавателей японского языка иностранцам к этому же времени достигло (включая совместителей) 2341 человека, на 64% больше, чем в 1978 г. [Кавасэ, 1984, с. 71]. Всего японскому языку учат иностранцев в Японии в 300 центрах, в том числе в 121 университете (остальное — специальные школы и краткосрочные

курсы); количество студентов в общей массе изучающих язык не так велико: 4524 человека, т. е. менее 20% [Ито, 1984, с. 44—45]. Еще с 80-х гг. разрабатывались программы XXI в.

Активно поощряется и преподавание этого языка вне Японии. В настоящее время почти в каждом штате США японский язык учат по программам, разрабатываемым в Японии (JFN. 1984. Октябрь. С. 14). Японский фонд и Ассоциация международного обучения в 80-е гг. разработали единые тесты для оценки знания японского языка иностранцами, которые могут быть использованы в любой стране.

Такая целенаправленная деятельность сказывалась на резком росте количества изучающих японский язык во всем мире. По данным МИД Японии на 1984 г., японский язык изучало около 581 000 человек, в том числе в Азии 460 000 (из них в Южной Корее — 356 406, в КНР — 24 572, в Индонезии — 27 778), в Северной Америке — 40 837 (в США — 37 441), в Центральной и Южной Америке — 40 000, в Австралии и Океании — 27 739 (в Австралии — 23 145), в Европе — около 10 500, в Африке — примерно 500 человек (КК. 1986. № 41. С. 36—38).

Меры по распространению японского языка имеют резко выраженный избирательный характер и тесно связаны с направленностью внешней политики Японии. Преобладают контакты с США и странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Именно на эти страны в основном направлена деятельность Японского фонда и других организаций. См., например, состав студентов на летних курсах Международного христианского университета: 104 из США, 23 из Южной Кореи, 7 из Канады, 6 из ФРГ, из каждой другой страны не более 3 человек [Bulletin, 1984, с. 166]. Если среди обучающихся на курсах и в летних школах велик процент американцев, то в числе студентов и аспирантов, изучающих японский язык в университетах, преобладают лица из стран Восточной Азии [Ито, 1984, с. 46] (Daily Yomiuri. 22.05.1985).

Резко увеличился и объем лингвистического сотрудничества между Японией и КНР. Японский фонд разработал специальную программу обучения японскому языку в Китае. С 1980 г. при содействии того же фонда в Пекинском университете создан центр по изучению японского языка, в 1983 г. Японский фонд направил туда 32 специалиста, в том числе десять человек для постоянной работы; в 1984 г. фондом приглашались на месяц в Японию 120 китайских преподавателей (JFAR. 1983—1984. С. 22). Сотрудничество с КНР ведется и в социолингвистической области: начал обсуждаться (пока на неофициальном уровне) вопрос об унификации иероглифики в двух странах, потерявшей единство в ходе реформ последних десятилетий, в 1982 и 1984 гг. состоялись два симпозиума по этой проблематике с участием ведущих ученых двух стран [Хаяси, 1984, с. 70—75]. Не прекращаются, впрочем, и связи с Тайванем: среди упоминавшихся выше лиц, для которых упрощена процедура въезда в Японию, на первом месте по численности стоят тайваньцы (JFN. 1985. Февраль. С. 15).

Довольно активно распространяется японский язык в Австралии и некоторых странах Латинской Америки, особенно в Бразилии и Перу. Меньший интерес проявляется к Европе, где наибольшие контакты установлены с ФРГ и Францией. Почти на нуле содействие японских правительственных и полуправительственных организаций распространению японского языка в странах Африки, Ближнего и Среднего Востока. В годы существования СССР Япония не проявляла большой активности в распространении в нем японского языка. После 1991 г. деятельность Японского фонда и других организаций в странах СНГ заметно возросла, хотя в России она до сих пор не столь велика, как во многих других странах.

Причины, по которым была изменена японская государственная политика в данной области, четко выражены одним из сотрудников Японского фонда: «Люди, изучающие японский язык, склонны сделаться понимающими друзьями Японии в будущем» (Daily Yomiuri. 11.03.1985).

«Мир должен говорить по-японски»

Указанные тенденции к переоценке представлений о международной роли японского языка видны не только в правительственной политике, но и в высказываниях японских ученых и публицистов. Лингвистический изоляционизм, еще во многом сохраняющий силу в массовом сознании, все чаще подвергается критике. Учащаются заявления о необходимости придания японскому языку больших международных функций. Типичны такие высказывания: «Пришло время, когда мы больше не должны позволять японскому языку и культуре оставаться закрытыми в Японии» [Mizutani, 1981, с. 171].

Новые тенденции, пожалуй, наиболее наглядно проявились в статье популярного в Японии социолингвиста, заместителя директора Института языка и литературы при влиятельном университете Кэйо профессора Судзуки Такао [Судзуки, 1983]. Хотя Судзуки и сопровождает свои высказывания многочисленными оговорками и призывами к осторожности, он в то же время весьма четко призывает к превращению японского языка в мировой.

Судзуки пишет, что более 100 лет японская культура была зависима от западной, что проявилось и в языке: количество гайрайго в японском языке во много раз превосходит число японизмов в западных языках. Однако сейчас ситуация изменилась в связи с повышением экономической роли Японии. Хотя Судзуки признает, что экономические успехи не приводят автоматически к культурному превосходству, он с явным умилением подчеркивает, что впервые за 2000 лет не японцы перенимают чужие культуры, а, наоборот, другие народы заимствуют культуру Японии. Вслед за японской техникой по миру распространяются японская живопись, театр кабуки, чайная церемония, икебана, принципы японского построения интерьера, японская пицца и т. д., а вместе с ними и их обозначения. Отмечается появление в английском языке японизмов: *tofu* 'соевый творог', *sushi* 'суси' (японское блюдо [Это слово пришло теперь и в русский язык в американизированном виде: суши.]), *hibachi* 'жаровня в японском доме', *zori* 'соломенные сандалии', *gin* 'чувство долга', *gyosei-shido* 'административное руководство' и т. д.; имеются и отдельные кальки из японского в английский: *forward looking posture* 'позиция предвидения' из *маэмуки-но сисэй*. Вывод Судзуки оказывается весьма далеко идущим: роль Японии в современном мире неизбежно ведет к японизации английского языка [Судзуки, 1983, с. 101].

В более поздней статье [Suzuki, 1987], рассчитанной на иностранного читателя, Судзуки высказывается еще откровеннее. Не отрицая важности распространения английского языка в Японии, он спорит с идеями о том, что именно в этом должна заключаться интернационализация японского общества. По мнению Судзуки, такие идеи отражают привычку Японии играть вторую скрипку в мировых делах, уже не соответствующую действительности. Он весьма прямо заявляет: «Во всяком случае нам пора признать наше ведущее положение в мире. Мы должны сделать все, чтобы выработать точку зрения, соответствующую нашей экономической мощи... Но какой бы путь мы здесь не выбирали, нельзя отвлекаться от проблемы языка. Поэтому наша самая неотложная задача — способствовать использованию японского языка как международного». Судзуки оговаривается, что он не сторонник насильственного насаждения этого языка по образцу языковой поли-

тики в Корее в период ее захвата Японией, но призывает к активному и целенаправленному распространению по всему миру учебных материалов и подготовке преподавателей японского языка.

Можно привести и другие заявления лингвистов и нелингвистов. См. такое высказывание: «Иена стала международной валютой; вероятно, и японский язык должен стать в той или иной степени международным» (ГС. 1984. № И. С. И). Один высокопоставленный японский деятель заявил: «Когда японская компания хочет что-то продать во Франции, вы можете быть уверены, что торговцы учат французский язык. Так и западные бизнесмены для торговли с Японией должны знать японский язык» (Daily Yomiuri. 21.02.1985). С удовлетворением отмечается: «Новый класс восходящих звезд на высококонкурентоспособном американском рынке административных профессий — лица, говорящие по-японски» (W. 1985. № 7, С. 45). Время от времени появляются и предложения сделать японский язык языком ООН (Daily Yomiuri. 01.10.1974); по свидетельству Р. Э. Миллера, к этому призывал в публичной речи и тот же Судзуки Такао [Miller, 1982, с. 286]; пока это движение не находит поддержки вне Японии. В этой речи Судзуки сравнил Японию с мамонтом, входящим в мировое сообщество; этого мамонта нельзя игнорировать, и мамонт не может оставаться безгласным [Miller, 1982, с. 288].

Итак, представления о мировой роли японского языка заметно изменились. Конкурентная борьба Японии с другими странами из сферы экономики распространилось и в сферу культуры, в том числе и языка, где она раньше не наблюдалась. Переход японского правительства к активной пропаганде своего языка за рубежом, а также мировой интерес к достижениям японской науки и техники привели к повышению международной роли японского языка, еще недавно совершенно незначительной. Однако до осуществления сверхоптимистичных прогнозов Судзуки и других японских авторов сейчас весьма далеко. К тому же период «экономического чуда» Японии уже позади. Все 90-е гг. страна находилась в затяжном кризисе, продолжающемся и сейчас.

О двух разновидностях устного и письменного вариантов современного японского литературного языка

В большинстве работ, касающихся стратификации тех или иных языков, нечетко разграничиваются два противопоставления вариантов языка: «устный—письменный» и «разговорный—книжный». Как бы предполагается, что книжный вариант языка функционирует в письменной, а разговорный — в устной сфере. Зачастую термины «книжный» и «письменный» используются как синонимы. Что же касается ситуаций, когда явно книжные тексты произносятся устно (научный доклад, официальная речь, дикторский текст на телевидении и радио и т. д.), то они либо игнорируются, либо рассматриваются как простая перекодировка. Это относится даже к выступлениям «без бумажек»; тем более не признается какого-либо различия между письменным текстом и заранее подготовленным текстом, произнесенным устно.

Во многих языках, включая русский, между двумя указанными противопоставлениями действительно нет значительных несовпадений. Однако случаи таких несовпадений все же бывают. Это относится даже к чтению вслух. Очень наглядный случай — инициалы. Они распространены в русских письменных текстах любого жанра. Однако в устной речи их употреблять не принято. При чтении вслух письменного текста достаточно автоматически происходит либо замена инициалов на полные имя и отчество, либо их

опущение. Есть и случаи, когда устное функционирование книжного текста практически невозможно: сложные математические формулы не имеют устных эквивалентов и часть математической информации может быть выражена лишь на письме. Ср. также невозможность прямо передать в устной речи, включая чтение вслух, различие между прямым шрифтом и курсивом, а с другой стороны, невозможность передачи на письме (опять-таки независимо от жанра) интонационных различий. Отметим и редкий для русского языка, но все же возможный стилистический эффект в связи с написанием фрагментов текста (как правило, заимствований) латинскими буквами: данное различие также не может быть передано устно.

Все перечисленное для русского языка в основном периферийно. Иначе выглядит ситуация в языках с иероглифическим письмом, к числу которых относится японский. Точнее, японский язык, как и русский, английский, французский и многие другие языки, относится к языкам, для которых употребляется смешанное алфавитно-иероглифическое письмо. Однако удельный вес иероглифов в японской письменности намного выше. Для языков с кириллической или латинской письменностью наличие в них иероглифов, вроде 4, №, обычно вообще не осознается, поскольку их немного. Наличие же нескольких тысяч иероглифов в японском письме делает письменный вариант японского языка резко отличным от устного, и еще большие различия этих вариантов вследствие того, что помимо иероглифов в Японии используются, причем в одних и тех же текстах, три системы алфавитного письма: существующие с IX—X вв. национальные азбуки хирагана и катакана, а в последние десятилетия также и латиница.

В современной Японии можно говорить о четырех вариантах литературного языка: книжно-письменном, книжно-устном, разговорно-устном и (с некоторыми оговорками) разговорно-письменном; последний может встретиться, например, в дружеской неформальной переписке, его имитация распространена в молодежных и женских журналах.

Различия по книжности-разговорности в японском языке принципиально те же, что и во многих других языках они связаны и с различием самих предметных областей, и с большей длиной предложений и большей синтаксической сложностью конструкций в книжных вариантах, и с лексическими особенностями. Есть и некоторая специфика японского языка, в частности, в отношении заимствований. Если для многих языков заимствований в книжных вариантах больше, чем в разговорных, то для японского языка это верно прежде всего для лексики, составленной из корней китайского происхождения (канго); заимствования последних десятилетий из западных языков, прежде всего английского в его американском варианте (гайрайго), нередко разговорны или нейтральны.

В то же время различия по письменности-устности в литературном японском языке весьма значимы и имеют специфику по сравнению с русским или западноевропейскими языками. Сначала рассмотрим различия между книжно-письменным и книжно-устным вариантами, лучше изученные и допускающие наглядные способы сопоставления. Нередко можно наблюдать, как либо один и тот же текст выступает в двух видах (например, розданный участникам конференции текст научного доклада и тот же доклад, читаемый автором вслух), либо та же или сходная информация заранее подготавливается в двух вариантах (например, изложение телевизионных новостей в речи диктора и на табло или в бегущей строке на экране). Наряду с примерами различий данных вариантов, зафиксированными в литературе, мы будем использовать примеры, собранные нами во время командировок в Японию с 1979 по 1997 гг.

Первая группа различий связана с лексикой. В течение многих веков книжная лексика в японском языке либо (реже) прямо заимствовалась из китайского языка, либо (ча-

ше) создавалась в Японии из корней китайского происхождения; два класса лексики, для современного языка не различимые между собой, составляют многочисленный (более половины единиц, фиксируемых словарями) класс канго. До второй половины XIX в. в этой сфере канго не имели конкурентов и лишь в последние 130 лет с ними стали конкурировать слова, пришедшие из английского и других западных языков. Даже в конце XIX — начале XX в. новые понятия, появлявшиеся в связи с европеизацией, особенно понятия в сфере духовной культуры, предпочитали выражать кальками-канго; прямые заимствования (гайрайго) в основном связывались с освоением западной бытовой культуры. Такая стратегия заимствования была удобна, пока тексты книжного характера функционировали исключительно или почти исключительно на письме. Устное же использование канго часто связано с большими трудностями.

Дело в том, что среди канго очень много омофонов. При односложности китайских корней омофония сильна уже в языке-источнике. Но там она в ряде случаев снимается благодаря различиям в тоне. Однако в японском языке тонов нет, и многие китайские квазиомонимы, различающиеся тонами, в японском языке превращаются в чистые омонимы. На уровне целых лексем омонимии, точнее, омофонии, разумеется, меньше, но и здесь она распространена. Но все эти слова — омофоны, а не полные омонимы: они пишутся разными иероглифами. Поэтому на письме канго очень удобны.

Когда в 20-е годы XX в. в Японии появилось радиовещание, то поначалу просто читали уже написанные тексты, например, статьи из газет. По-русски такое вполне возможно, если отвлечься от частностей вроде инициалов. Но в Японии, где в первой половине XX в. газетный стиль отличался сильно выраженной книжностью с громадным количеством канго, эти статьи нельзя было воспринять на слух. Уже в довоенные годы приходилось сочинять тексты специально для радио. Поскольку в это время в Японии господствовал национализм и гайрайго ограничивались, то многие канго меняли на словосочетания, не менее книжные канго, реже на исконно японские слова. И все равно часто радиовещание оказывалось неэффективным (к тому же до войны все уже были грамотны, но устными формами литературного языка многие не владели). Это проявилось 15 августа 1945 г., когда император Японии объявил о капитуляции по радио. Очень многие японцы не могли понять эту речь, в которой было немало канго, некоторые слушатели восприняли ее как провозглашение победы в войне [Loveday, 1996, с. 298].

Сейчас такое уже вряд ли возможно, хотя тот же автор указывает, что официальная устная речь, включая теленовости, может восприниматься как «искусственная», чего не бывает с официальной письменной речью [Loveday, 1996, с. 298]. Но сейчас уже выработаны приемы, делающие книжно-устную речь более понятной. В отличие от довоенного времени, однако, господствующий среди такого рода приемов — это замена не понятного на слух канго на гайрайго. Гайрайго обычно длиннее, чем канго, и омонимия среди них встречается много реже. С другой стороны, на письме нередко ситуация оказывается обратной. Гайрайго (за редкими исключениями) пишутся не иероглифами, а одной из японских азбук — катаканой — или латиницей. Поэтому их написание лишено внутренней формы и менее выразительно; к тому же при отсутствии в японском письме пробела длинные гайрайго (обычно — словосочетания) бывает затруднительно членить на части. Иероглифы здесь могут быть предпочтительнее.

Поэтому при чтении вслух приходится менять некоторые слова. Например, для терминов «генеративная (порождающая) лингвистика» и «порождающая грамматика» имеются эквиваленты-канго, соответственно сэйсэй-гэнгога-ку и сэйсэй-бумпо. Однако в устном произношении их меняют на английские термины в японской фонетической

адаптации: дзэнэрэ тифу рингуистикку, дзэнэрэ:тифу гура:-ма:. Сложное канго дэнси-кэйсанки довольно точно соответствует нашему электронно-вычислительная машина. На письме оно вполне возможно, но в устной речи любого рода будет только компю:та: 'компьютер'; последнее слово, впрочем, обычно и на письме.

И сейчас лексические различия книжно-устного и книжно-письменного вариантов не сводятся только к противопоставлению эквивалентных гайрайго и канго. Например, в сюжете по телевидению о замке в городе Нагоя для письменного обозначения замка использовалось слово мэйдзё:, где мэй — китайское чтение первого иероглифа, которым пишется слово Нагоя (по-японски иероглиф читается на), а дзё: — «замок». Однако диктор именовал замок не мэйдзё:, а нагоядзё: (гибрид из исконного Нагоя и китайского корня дзё:). На письме мэйдзё: удобнее, поскольку более компактно, чем нагоядзё: (два иероглифа, а не четыре), и в то же время вполне понятно (иероглиф мэй нередко используется как сокращенное обозначение данного города), но на слух мэйдзё: совершенно непонятно, тогда как нагоядзё: трудностей не вызывает. В лингвистическом журнале нам встретилось слово ниттю:тё: со значением «японский, китайский и корейский языки». Мы не нашли это слово в словарях. Возможно, это окказионализм, но в письменном тексте оно общепонятно, поскольку состоит из первых иероглифов слов ниппон «Япония», тю:гоку 'Китай', тё:сэн 'Корея', также выступающих в составе сокращений как представители целых слов. Однако в устной речи необходимо сказать полностью: нихонго, тю:гокуго, тёхэнго (го — 'язык').

Даже при всех подобного рода заменах никогда нет полной гарантии, что книжно-устный текст будет полностью воспринят. Поэтому на научных конференциях нормой считается раздача слушателям ксерокопий текста доклада, в крайнем случае ключевые термины пишутся на доске. На телевидении же иностранному наблюдателю бросается в глаза значительно больший, чем во многих других странах, включая Россию, объем письменной информации. В новостях основная информация всегда дублируется письменно, а в передачах, специально рассчитанных на глухих, не ограничиваются сурдопереводом, как это делается у нас, но обязательно добавляют к нему обстоятельный письменный текст. В связи с этим видный японский социолингвист Судзуки Такао считает, что японский язык хорошо приспособлен к телевидению и плохо — к радио [Suzuki, 1987, с. 132].

Приведенные выше примеры показывают, что лексические различия между книжно-письменным и книжно-устным вариантами японского языка обусловлены не только снятием омофонии. Японские письменные тексты благодаря иероглифике способны очень компактно передавать информацию, но эта компактность теряется при произнесении вслух. На телеэкране, в рекламе, в газетных и журнальных заголовках текст представляется в виде последовательности «ударных» иероглифов, грамматические показатели (обычно записываемые другой слоговой азбукой — хираганой) опускаются, предложения превращаются в назывные и получают вид длинных сложных имен.

Приведем еще пример. Вот вывеска учреждения, где, в частности, написано: До:, нити, сюкусайдзицу ва кю:гё: «Не работаем в субботу, в воскресенье и праздничные дни». Здесь сохранен показатель темы ва, но, во-первых, опущено сказуемое, во-вторых, сокращены до первых иероглифов названия дней недели (до: и нити соответственно значат 'земля' и 'солнце', но в данном контексте очевидно, что речь идет о «дне земли» — субботе и «дне солнца» — воскресенье). При устном произнесении соответствующей фразы дни недели будут названы полностью, а кю:гё: 'перерыв в работе' должно вербализоваться либо с помощью вербализатора симасу, либо с помощью связки дэсу.

Итак, если обычно устная речь считается более эллиптической, чем письменная, то здесь оказывается наоборот: именно на письме за счет «емкости» иероглифов достигается максимальный эллипсис. Впрочем, упоминавшийся выше пример с инициалами — из той же области. В японских письменных текстах встречаются штампы, аналогичные инициалам. Например, в газетном жанре полицейской хроники принято после первого упоминания фамилии и имени преступника или его жертвы указывать возраст арабской цифрой в скобках: Эй-сан (20) 'Госпожа А, 20 (лет)'. В устном прочтении к цифре необходимо добавить сай 'год (о возрасте человека)'. Отметим, что такой способ написания жанрово маркирован: в некрологах возраст покойного дается без скобок, китайскими цифрами и с добавлением сай. Что касается инициалов, то они существуют в японской письменности, но как явное заимствование: так пишутся только имена иностранцев, записываемые латиницей, даже если фамилия пишется катаканой.

Описанные выше различия связаны непосредственно с иероглификой. В то же время возможны и различия, связанные с упомянутым выше сосуществованием иероглифов, хираганы, катаканы и латиницы (отметим также использование арабских и китайских цифр). По общему правилу корни знаменательных исконных слов и канго пишутся иероглифами, служебные слова и грамматические показатели — хираганой, гайрайго — катаканой и/или латиницей. Однако, во-первых, до конца это правило в современном языке затруднительно использовать, поскольку количество иероглифов стало ограниченным и часть исконных и китайских корней уже реально не может ими писаться. Во-вторых, на фоне этого правила всегда возможны значимые исключения, играющие роль, до некоторой степени сходную с ролью курсива в русской или западных письменностях. В-третьих, современные заимствования могут писаться двумя способами, и соотношение катаканы и латиницы также может играть роль. Графические возможности варьирования написаний невозможно прямо передать в устных вариантах языка. В то же время возможно и обратное: когда в устном варианте есть что-то, что невозможно передать на письме.

Значимые исключения из указанного правила могут играть разную роль. Нередко возможна чисто графическая игра слов. Вот реклама, где записаны лишь одно слово и номер телефона. Слово состоит из иероглифа и нескольких знаков катаканы. Иероглиф значит «брак, свадьба» и читается кон, знаки катаканы читаются пю:та:, в итоге получается конпю та «компьютер». Нормально это гайрайго целиком пишется катаканой. Нестандартное написание сразу подсказывает, что рекламируется брачное агентство, подбирающее пары на компьютере. В устной речи надо было бы пояснить, чем занимается агентство.

Другой распространенный тип нестандартных написаний связан со стилистическим эффектом использования катаканы. Поскольку эта азбука в сознании современного японца связана с заимствованиями недавнего времени из американского английского, написание катаканой (и латиницей, о которой ниже) ассоциируется с «элитностью», высокими потребительскими стандартами и определенным стилем жизни. Об этом пишут многие современные авторы как в Японии, так и за ее пределами [Stanlaw, 1992, с. 70-72; Loveday 1996, 114; Suzuki, 1987, с. 131]. Хотя японские товары по качеству могут быть выше американских, комплекс неполноценности перед США в сфере массового потребления еще силен. Этот комплекс влияет на отношение к гайрайго, которых больше всего именно в лексике, относящейся к этой сфере, а затем и на отношение к катакане и латинице. Существует даже термин «катаканские профессии», относящийся к людям, связанным с престижным потреблением: дизайнер интерьера, модельер высокой моды и т. д. [Tanaka, 1990, с. 90]. Тексты такого рода состоят почти целиком из гайрайго, исключая лишь грам-

матические показатели и необходимый минимум глаголов. Но если в тексте, связанном со сферой потребления, все-таки есть лексика, не поддающаяся замене на американизмы (например, собственные имена), то и ее могут вопреки стандарту писать катаканой.

Приведем примеры. На витрине оптического магазина перечисляются продаваемые там товары. Все написано катаканой, включая и слово мэганэ 'очки', хотя оно исконно японское и имеет иероглифическое написание. На витринах магазинов можно даже видеть в написании катаканой слово эн 'иена' (канго), хотя соответствующий иероглиф общеизвестен.

Реже, но встречается и обратное: когда гайрайго пишется иероглифами или хираганой. Чаще это относится к наиболее старым заимствованиям, обозначающим реалии, уже прочно вошедшие в быт. Французское cotelette 'котлета' было заимствовано около ста лет назад сначала в виде кацурэтто, затем распространилось сокращение кацу. К этому времени европейские заимствования уже не получали иероглифической записи и должны были писаться катаканой. Однако нам приходилось видеть слово кацу, записываемое хираганой: котлеты — реалья, уже ставшая вполне японской.

Варьирование написаний иероглифами, катаканой и хираганой не всегда связано с заимствованиями. Выделяются еще по крайней мере два случая. Во-первых, немалое число редких и сложных иероглифов вышло из употребления совсем, а многие другие иероглифы далеко не все умеют писать. В таких случаях соответствующие слова принято писать хираганой, но возможна и катакана. Например, в магазинах на расфасовках рыбных товаров названия рыб, обычно пишущиеся малоизвестными иероглифами, пишутся катаканой (из-за широкого использования катаканы в торговле). Возможно также более широкое, чем это стандартно принято, использование хираганы и катаканы в литературе для детей, поскольку они еще недостаточно владеют иероглификой. Во-вторых, при отсутствии пробела замена иероглифа на катакану или хирагану может помочь членению текста на части. Например, словосочетание хэйва-хиросима-ко:до: 'действия (за) мир (в) Хиросиме' должно писаться иероглифами целиком, но нам встретился текст, где компонент Хиросима писался катаканой для графического выделения. Выше говорилось об «ударных» иероглифах, но подобную роль может играть и катакана (вряд ли хирагана, обычно играющая вспомогательную роль). Мы видели плакат с предупреждением об осторожности в связи с ремонтными работами, где слово абунай 'опасно' было написано катаканой, хотя стандартно его корень абу пишется иероглифом, а окончание най хираганой.

Еще один очень редкий, но возможный способ графического выделения — использование нестандартных для современной Японии написаний иероглифов. После Второй мировой войны ряд иероглифов получил упрощенные написания. Старые начертания иероглифов в целом вышли из употребления, но есть люди, сохранившие их в написании своих имен или (реже) фамилий. В Китае иероглифы также были упрощены, но по-иному, чем в Японии, а на Тайване упрощения иероглифов не произошло. И сейчас даже по японскому телевидению написания китайских имен и фамилий сохраняются в том виде, в каком это принято в КНР или на Тайване; в то же время китайские имена собственные сейчас могут писаться и катаканой.

Следует сказать и о соотношении катаканы и латиницы. В принципе почти любое гайрайго, кроме наиболее японизированных, может быть написано катаканой и латиницей, строгих правил здесь нет. В целом катакана встречается чаще, но есть слова, реально пишущиеся только латиницей.

Это прежде всего аббревиатуры: ОК 'о-кэй', OL 'офис-леди (женщина, занятая на вспомогательной работе в учреждении)'; в их число входят и аббревиатуры, по сути не относящиеся к гайрайго: NHK — название полуофициальной теле- и радиокompании — сокращение от нихон-хо:сокё:кай. Во всех случаях, включая последний, в устной речи сокращения произносятся в соответствии с произношением соответствующих букв в английском языке, но в японской фонетической адаптации: OL — оу-эру. Есть и ситуации, когда латиница обязательна. Например, только латиница употребляется в девизах многих японских компаний, в надписях на майках [Stanlaw, 1992, с. 70; Loveday, 1996, с. 10]. В последнее время латиницей обычно пишутся заголовки женских и молодежных журналов [Suzuki, 1987, с. 130]. Наряду с целыми текстами на латинице, обычно целиком состоящими из гайрайго, бывают и смешанные по написанию предложения: название песни в титрах по телевидению: Сумирэ September Love «фиалка — сентябрьская любовь», где слово сумирэ «фиалка» ввиду редкости иероглифа записано хираганой. Зафиксированы даже случаи смешения катаканы и латиницы в одном слове: горуфуyнг «гольф»; отмечается их стилистическая маркированность; такие написания шутивы и связаны с миром развлечений [Loveday, 1996, с. 121].

Подчеркивается, что употребление латиницы (даже в тех случаях, когда так пишутся целые фразы, иногда с использованием английских грамматических показателей) чаще всего нельзя рассматривать как цитаты из английского языка. В большинстве случаев эти латинские тексты не взяты из английского языка (хотя и это возможно), а представляют собой результат перекодировки текста, сочиненного на катакане; нередко в их составе присутствуют сложные слова и словосочетания, созданные уже в японском языке из английских по происхождению элементов; сейчас с английскими заимствованиями происходит то же, что уже более тысячелетия происходит с китайскими; см. об этом [Loveday, 1996, с. 215; Nonna, 1995, с. 54]. Например, упомянутое сокращение OL, как и его развернутый эквивалент 'office lady', не существует в английском языке, они возникли внутри японского языка.

Хотя нет строгих норм употребления катаканы и латиницы (скорее можно говорить о том, что официальные нормы вообще не предусматривают латиницу), имеется совершенно явная тенденция их употребления (исключая аббревиатуры, которые обычно неудобно писать катаканой). Использование гайрайго в японском языке имеет две основные цели: обозначения тех или иных предметов или понятий и создание некоего «имиджа», связанного с элитностью и престижностью в сфере потребления; сходные с нашими наблюдениями см. [Loveday, 1996, с. 192]. Очень часто в индустрии потребления, в молодежных, женских журналах, рекламе и пр. используются слова, словосочетания и целые фразы, значение которых большинству японцев не известно; впрочем эта известность и не требуется, воспринимают лишь общий имидж, связанный с американской массовой культурой [Танака 1984; Hayashi, 1997]. Надпись на майке латинскими буквами — типичный образец текста, где номинативное значение несущественно, важен лишь «американский имидж» японского товара. Чем более важен только имидж, тем чаще применяется латиница; чем важнее понимание значения слова, тем более необходима катакана.

Наконец, разные типы письменности, включая и латиницу, могут выступать не только последовательно, но и параллельно друг другу. Это так называемая фуригана, о которой говорилось выше, стр. 46—47. Фуригана очень распространена и имеет две функции. Первая функция — помощь в чтении иероглифа. При этом возможен и особый стилистический эффект: в журналах для девушек часто в функции фуриганы используется катакана (в целом здесь хирагана более распространена), поскольку предполагается, что

читательницы плохо знают иероглифику, но в то же время катакана как бы вводит их в престижный мир [Hayashi 1997, 364].

Вторая функция и чисто стилистическое использование фуриганы, когда ею пишется не то же самое слово, а его синоним или слово с близким значением. Приведем несколько примеров. На вывеске родильного дома написано иероглифами фудзин 'женщина; женщины', а латинская фуригана добавляет ladies. В одном храме иероглифами было написано бэндзэ 'уборная' (слово, сейчас считающееся недостаточно вежливым), над ним катаканой был написан синоним - гайрайго тоирэ 'туалет', а сбоку хираганой приписан еще один синоним, наиболее вежливый, отэараи (дословно «место мытья рук»).

Фуригана в широком смысле может устанавливать самые разные соответствия между системами письма. Возможна иероглифическая фуригана при не очень известном гайрайго, записанном катаканой: в титрах французского фильма написано катаканой гинио:ру 'гиньоль', а иероглифами приписано нингэн-сибаи 'человеческий театр'. Возможна и фуригана при латинице: инициалы иностранцев обычно пишутся латиницей, а их чтение может приписываться катаканой.

Перечисленные выше особенности книжно-письменного варианта языка не допускают прямого перевода в книжно-устный вариант. Безусловно, возможно и обратное. Это прежде всего разного рода акцентуационные и интонационные особенности. Безусловно, они более значимы в разговорно-устном варианте, но и в книжно-устном они распространены. Отметим, в частности, вообще очень значимые для японского языка различия его мужской и женской разновидностей. Такие различия почти стираются в книжно-письменном варианте, но в книжно-устном варианте они всегда заметны. Даже отвлекаясь от очевидных различий в высоте тона, указывают на то, что всегда, независимо от стиля и тематики, у женщин наблюдается большая величина смены тона и большее использование контрастных моделей тона [Shibamoto, 1985, с. 55].

Выше говорилось о письменной игре слов. Но возможна игра слов, которая имеет смысл лишь в устном варианте.

Она может оказывать влияние даже на поведение людей: отмечается, что японцы, которым нужно рано вставать, привыкли ставить будильник на 5.55 утра: по-японски «пять» — го; повторение го-го-го ассоциируется с английским «иди!»; в рекламе обыгрывается и омонимия того же го и названия игры го [Honna, 1995, с. 52].

Последнее различие книжно-письменного и книжно-устного вариантов языка связано с развитием системы форм вежливости, см. соответствующий раздел. В отличие от книжно-письменного в книжно-устном варианте они имеют не невежливое, а нулевое значение. Наряду с нулевыми формами глагола в книжно-письменном варианте имеется особая, более нигде не употребляющаяся связка дэ ару. Однако в книжно-устном варианте языка невозможно совсем отвлечься от существования собеседника, даже если неясно, кто это точно (например, при выступлении по телевидению). Поскольку при этом официальные или формальные ситуации почти исключают фамильярное или подчеркнуто-снисходительное отношение к собеседникам, то здесь необходимы вежливые формы (они обязательны и в некоторых жанрах книжно-письменного варианта, например, в рекламе). В результате можно наблюдать, что, например текст научного доклада, розданный слушателям, и текст того же доклада, читаемый вслух, различаются не только за счет замены непонятных канго, но в еще большей степени за счет изменения форм вежливости. Глагольные сказуемые автоматически получают суффикс вежливости к собеседнику -имас, связка дэ ару заменяется на более вежливую дэсу или дэ годзаимэсу, в речь о себе вставляются «скромные» формы. Если, например, в письменном тексте сказано, что автор док-

лада изучал некоторую проблему, то здесь может быть сказуемое со значением «изучал» в форме кэнкю:-сита: но устно надо сказать кэнкю итасимасита, где вербализатор суру заменяется на «скромный» эквивалент итасу и добавляется суффикс -имас-.

Остается сказать о разговорно-устном и разговорно-письменном вариантах. Они отличаются от соответствующих книжных не только меньшей синтаксической сложностью или особой лексикой, но во многом и иным использованием форм вежливости. Даже в однотипных ситуациях книжно-устный вариант обычно вежливее. Не раз приходилось наблюдать, как в докладе или официальной речи используются очень вежливые формы, например, наиболее вежливая связка дэ годзаимасу, но тот же человек, переходя на спонтанное общение с теми же собеседниками, например в ответах на вопросы, уже употребляет менее почтительную связку дэсу.

Другое различие связано с эллипсисом, который в японском языке минимален как раз в книжно-устном варианте. В разговорных вариантах эллипсис очень распространен, но он иной, чем в книжно-письменном варианте. Предложения не становятся назывными, они обрываются без употребления завершающего неэллиптическое предложение сказуемого. У женщин чаще всего оборванное предложение завершается модально-экспрессивными частицами, у мужчин нередко предложение завершает связка. Такого рода эллипсис встречается не только в устной речи. Например, в журналах для девушек для имитации непринужденности и «женскости» используются характерные для женской разговорной речи типы эллипсиса, когда предложение оборвано и читателю предлагается его домыслить [Hayashi, 1997, с. 370—371].

В других случаях разговорно-устный и разговорно-письменный варианты различаются. Нам, например, пришлось видеть объявление Конэко сасиагэмасу 'Раздаю (или раздаем) котят', где опущен показатель винительного падежа. На наш вопрос, насколько нормативен такой текст, японские лингвисты ответили, что так не принято писать, но говорят так часто. Во многом различия между разговорно-устным и разговорно-письменными вариантами японского языка сходны с различиями между книжно-устным и книжно-письменным. См. исследование [Kitaoka, 1997], где изучена бытовая переписка японских школьниц старших классов между собой. Здесь также, но в более широких пределах, чем в книжных текстах, представлено нестандартное варьирование при использовании иероглифов, хираганы, катаканы и латиницы, но кроме того используются особые стилистические приемы, также не допускающие прямого перевода в устную речь и специально используемые для общения внутри своего круга. Это использование особых стилей письма, прежде всего специфического стиля «марумодзи» с округлым написанием знаков (сейчас он стал выходить из употребления), а также включение в текст рисунков.

Новые дискуссии о будущем японской письменности

Хорошо известно, что многовековая система японского письма, в которой сосуществуют китайские иероглифы и две национальные азбуки — хирагана и катакана, — показала хорошую приспособляемость к различным историческим условиям. Устойчивость японской системы письма обусловлена не только культурными причинами, но и наличием в языке большого числа слов, понятных только в иероглифической записи, и богатством выразительных возможностей иероглифики в сочетании с каной [См. об этом: Маевский Е.В. Могут ли японцы говорить, как пишут, и писать, как говорят? // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985; Его же. Зрительный облик японского слова. // Язык и культура. Новое в японской филологии. М., 1987;]. Протесты против иероглифического письма, усиливавшиеся в периоды социальных перемен (60—80-е годы XIX в., первые го-

ды после Второй мировой войны), с 50-х годов практически исчезли. Сама система после изменений, связанных с введением в 1946 г. иероглифического минимума, явно стабилизировалась. Как отмечают японские специалисты, изучающие историю японской письменности, с 1867 г. до наших дней наименьшими изменениями характеризуется период после 1959 г. [См.: Нихонго. 1990, № 3, с.32-33.] Новые аргументы в пользу сохранения иероглифов появились вследствие широкого распространения в современной Японии словопроцессоров: теперь достаточно набрать текст в записи каной с помощью клавиатуры, а машина сама запишет его стандартным образом. Иначе говоря, нет необходимости уметь писать сложные иероглифы.

Казалось бы, точка зрения, в соответствии с которой иероглифы вредны и должны быть (по крайней мере в идеале) исключены из употребления, иногда еще встречающаяся за пределами Японии [Miller R.A. *Japan's Modern Myth The Language and Beyond* New York — Tokyo, 1982 С 172—173, 191—193], уже перестала быть актуальной. Однако в последнее время мы видим ее возрождение в связи с процессами, ранее совершенно не принимавшимися в расчет при обсуждении в Японии вопросов иероглифики, — интернационализацией японского языка и его распространением за рубежом. В данном плане любопытны дискуссии, опубликованные в мартовском номере журнала «Нихонго» («Японский язык») за 1990 г. Этот журнал, в отличие от других японских лингвистических периодических изданий, специализируется на проблемах распространения японского языка в мире и его преподавания иностранцам. Номер посвящен обсуждению темы «Хороша ли в нынешнем виде японская письменность?»

Открывает номер диалог лингвистов Номуры Масааки и Танаки Кацухико по вопросу о том, нужно ли менять письмо в целях интернационализации [Нихонго 1990 № 3 С 4—9]. Первый отстаивает обычную для сегодняшней Японии точку зрения о том, что современная система письма допускает некоторые частные улучшения, но не может и не должна быть изменена полностью; в пользу этого приводятся традиционные аргументы, вроде тех, которые мы приводили на стр. 48—54.

Значительно оригинальнее высказывался профессор (ныне почетный профессор) университета Хитоцубаси Танака Кацухико. Признавая, что с 50-х годов основной тенденцией в Японии было стремление к сохранению иероглифов, Танака подчеркивает: теперь ситуация меняется, поскольку язык интернационализируется, перестав быть достоянием одного народа. Если даже культурный японец при письме не может обойтись без помощи словаря, то еще труднее пользоваться иероглифами иностранцам, многие из которых в результате этого не могут по-настоящему овладеть японским языком. По мнению Танаки, иероглифика серьезно затрудняет выход Японии на мировую арену, и даже недостаточное использование иены как мировой валюты он объясняет, кроме всего прочего, тем, что на японских денежных знаках изображены мало кому понятные иероглифы.

Словопроцессоры, считает Танака, имеют ограниченные возможности для письма. Указывает он и на то, что интернационализация не может ограничиваться элитой, в процесс изучения японского языка вовлекаются широкие слои населения, а современному человеку нельзя тратить много времени на изучение иероглифов, так как образованность требует теперь других знаний (здесь аргументация профессора начинает напоминать доводы советских японистов и китаистов 20—30-х годов). Отвечая своему оппоненту, подчеркивавшему, что смена системы письма возможна лишь в революционные эпохи, Танака заявляет, что и в наши дни социальные условия могут быстро меняться, указывая на события в Восточной Европе, а также на успехи Японии в экономическом соревновании с США перед 1990 г. Новая мировая роль Японии, отставшей с модернизацией языка, тре-

бует скорейшего перехода на латиницу, который позволит быстро придать японскому языку международные функции. По мнению Танаки, такой переход не так труден, как кажется, и вызовет поддержку у молодежи, особенно у студентов. В заключение он выдвигает лозунг: «Будем упорны в упразднении иероглифов, создадим хороший японский язык!»

Напор этого лингвиста столь силен, что его оппонент к концу диалога кое в чем начинает с ним соглашаться, признавая желательность расширения объема литературы, публикуемой на латинице, и допуская возможность упразднения иероглифов в будущем.

Идеи, которые выдвигает Танака Кацухико, поддерживает и видный японский историк, директор Государственного этнографического музея Умэсао Тадао. [Нахонго 1990 №3 С 10-15] По его мнению, всеми отмечаемый мировой бум в изучении японского языка скоро должен закончиться, поскольку из-за сложности иероглифики очень мало кому удастся выучить этот язык. Система иероглифов, интересная и в какой-то степени совершенная сама по себе, не соответствует современным потребностям. Помимо сложности и большого числа иероглифов дополнительные трудности создают множественность чтений иероглифов, неупорядоченность правил написания знаков каны, дополняющих иероглифы (так называемая окуригана), и т. д. Поэтому если сам Умэсао, выучив в школе в течение года немецкий язык, уже мог читать объявления, то иностранец обычно и через пять лет после начала обучения японскому языку все еще не может прочесть на нем ни одной книги, хотя сам по себе японский язык вовсе не труден. Умэсао признает, что самым удобным временем для перевода японского языка на латиницу была бы эпоха Мэйдзи, но и сейчас, по его мнению, это возможно, тем более что любой японец знает латинский алфавит. Такой перевод удовлетворил бы мировой интерес к японской культуре (стремление учить японский язык в наше время Умэсао сопоставляет с интересом к английскому языку в Японии второй половины XIX в.) и помог бы осуществлению унификации компьютерных систем разных стран.

Еще один из авторов журнала, языковед Тадао Кабасима, более осторожный в выводах, тем не менее указывает, что сложная японская письменная система становится проблемой и что японский язык вступает в новый революционный период, сопоставимый с периодами 60—80-х годов XIX в. и 40-х годов XX в. [Нахонго 1990 № 3. С. 19.]

Насколько обоснованны и реальны такие новые для Японии заявления? В том, что говорится о сложности освоения иероглифов иностранцами, конечно, есть рациональное зерно, хотя степень этой сложности представляется нам преувеличенно [Японскому массовому сознанию вообще свойственно преувеличение трудности своего языка (см.: Shibatani M The Languages of Japan. Cambridge, 1990. С. 90, 392; Miller R A Japan's Modern Myth. С. 165-199).], а о прекращении бума в изучении японского языка говорить пока нет оснований. С другой стороны, эти мнения показывают явный отход от традиционного японского языкового изоляционизма. Если до недавнего времени в японском массовом сознании господствовало представление о том, что японский язык — национальное достояние, а иностранец, особенно принадлежащий к другой расе, не в состоянии овладеть японским языком [См.: Miller R.A. Japan's Modern Myth С. 144—164.], то теперь в результате экономических успехов на смену этому представлению приходит заинтересованность в международном распространении и мировой роли своего языка, еще 30—40 лет назад нехарактерная для Японии. Иногда, как мы видим, появляется и другая крайность, когда ради интернационализации языка готовы пожертвовать даже привычной системой письма.

Большинство японских социолингвистов не принимают описанные выше идеи. Так, виднейший современный социолингвист Такэси Сибата в недавней беседе по радио, отметив сложности и несовершенство японской системы письма, влияющие на его изучение иностранцами, указал, однако, что иероглифическая система поддерживается отношением японцев к языку: для европейца слово — прежде всего то, что сказано, но для японца оно осознается в первую очередь как нечто написанное, связанное с иероглифом или сочетанием иероглифов [Нихонго. 1990 №1 С. 42-47]. Другой известный ученый, Судзуки Такао, пожалуй более всех японских лингвистов отстаивающий необходимость мирового распространения японского языка, назвал в разговоре с нами в декабре 1990 г. идеи о немедленном переходе на латиницу абсурдными.

Пока ничего не изменяется и на практике. Наоборот, число иероглифов в принятом минимуме (имеющем лишь рекомендательный характер) имеет тенденцию к расширению. Существовавший в 1946—1981 гг. список из 1850 иероглифов «тоё-кандзи» был в 1981 г. заменен новым списком «дзёё-кандзи», где в основной перечень вошли 1945 иероглифов. В дополнительный перечень иероглифов, рекомендуемых для использования лишь в собственных именах, первоначально было включено 166 знаков, однако 1 апреля 1990 г. он был дополнен еще 118 иероглифами. Таким образом, общий список «дзёё-кандзи» состоит теперь из 2229 знаков. Показательно, что информация о расширении иероглифического минимума публикуется в том же номере журнала «Нихонго», где напечатаны упомянутые выше статьи с предложением перейти на латинский алфавит [Нихонго 1990 №3 С 76-77].

Анализ добавленных знаков, впрочем, показывает, что реально они никогда и не выходили из употребления. Например, в названиях вроде Арасияма (местность в пригороде Киото), Каябатё (квартал и станция метро в Токио) их компоненты араси, кая всегда писались иероглифами, допущенными в минимум лишь в 1990 г. Количество же реально используемых иероглифов и сейчас не исчерпывается минимумом, который лишь приспособливается к языковой реальности: в редакции газеты «Асахи-симбун» используется около 5 тыс. иероглифов, т.е. более чем вдвое больше минимума.

Идеи об изменении японской письменности в связи с интернационализацией только начинают появляться, и их нельзя назвать массовыми. Но уже само их появление, вряд ли возможное в недавнем прошлом, заставляет задуматься. О том же, насколько они реальны, судить пока рано.

Судьба айнского языка

В последние годы много написано о «языковом геноциде» и вымирании языков малых народов в СССР. Однако достаточно хорошо известно, что такая проблема вовсе не составляет специфику нашей страны и существует при самых различных социальных системах.

В индустриальном обществе независимо от языковой политики языки малых народов, находящихся на доиндустриальных стадиях развития, объективно оказываются в неблагоприятном положении. Любое индустриальное развитие связано с усилением контактов между людьми, развитием социальных связей, ростом миграций. А как совершенно справедливо отмечает А. Е. Кибрик, «чем больше контактов с другими этносами, особенно на другом языке, тем это хуже для жизнедеятельности данного этнического языка... Этноссы, сохраняющие в значительной степени традиционную форму существования (уклад семьи, трудовая деятельность, жилище и т.п.), имеют больше шансов сохранить язык;

при социальной адаптации к современным формам существования сохранение языка затруднено» [Кибрик, 1992, с. 69—70].

Языковая и, шире, национальная политика может влиять на этот процесс в ту или иную сторону. При этом, однако, в большинстве случаев политика индустриального государства (независимо от степени его демократичности) направлена на способствование общению граждан государства между собой. Наилучший путь для этого — распространение единого для государства языка (в очень редких случаях — двух-трех языков). При переходе к индустриальному обществу возникает единая система школьного образования. Важнейший компонент такого образования — обучение государственному языку, единому для всех. Потребность взаимопонимания оказывается главной, а удовлетворение другой важной потребности человека — говорить во всех ситуациях на родном языке — так или иначе оказывается затруднено.

Могут быть дополнительные факторы, ускоряющие исчезновение языков малых народов (насильственные переселения, воспитание детей в интернатах) или, наоборот, их замедляющие (развитие школьного обучения на этих языках), однако общее развитие идет в одном направлении, хотя и с разной скоростью. Единственной попыткой радикально изменить ситуацию и положить в основу языковой политики максимальное удовлетворение потребности говорить на родном языке было «языковое строительство» в СССР в первые два десятилетия после Октябрьской революции. Эта попытка, основанная во многом на утопических предпосылках, не могла быть успешной, особенно как раз в отношении малых народов; подробнее см. [Алпатов 1993].

В связи с вышеуказанным рассмотрим ситуацию в Японии. Как известно, эта страна принадлежит к числу наиболее мононациональных в мире, и национально-языковые проблемы здесь находятся на периферии общественного внимания. В стране существует лишь одно исконное национальное меньшинство: айны (другое, более многочисленное меньшинство — корейцы, переселившиеся в Японию уже в XX в.). Это один из самых загадочных народов в мире: до сих пор не выяснены ни этногенез айнов, ни родственные связи айнского языка. Антропологически айны резко отличаются от окружающих монголоидных народов и более всего похожи на австралийцев.

Айны — древнейшее исторически засвидетельствованное население Японских островов. Еще до новой эры они населяли значительную их часть (по мнению некоторых авторов, даже всю территорию Японии). С I тысячелетия н. э. территория расселения айнов стала сокращаться в связи с распространением японцев на северо-восток. В период Эдо (1603—1867) айнов уже почти не осталось на самом большом японском острове Хонсю. В основном они были оттеснены на более северный остров Хоккайдо, жили они также и в южной части острова Сахалин — примерно до 50° с. ш., на Курильских островах и до XVIII в. на южной оконечности Камчатки. Об истории айнов в эпоху Эдо и в последующее время см. [Аругюнов, Щебенков, 1992, с. 72—94]; данная книга, как и многие другие работы историков и этнографов, почти полностью игнорирует лингвистический аспект проблемы.

В эпоху Эдо основная часть Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова еще не имели постоянного японского населения. Японцами был заселен лишь крайний юг Хоккайдо (княжество Мацумаэ), единственная территория регулярных контактов японцев с айнами. На остальной части острова существовали лишь отдельные японские укрепленные пункты. Не было там и каких-либо иных народов. Айны продолжали жить традиционным укладом, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством; лишь небольшая их часть перенимала у японцев навыки земледелия. Языковые контакты были минимальными, а в

некоторые периоды айнам даже запрещалось говорить по-японски. Японцы, обладавшие более развитой культурой и мощным государством, издавна относились к своим соседям с презрением. Даже в более позднее время, в начале XX в., один из посетивших Японию путешественников писал: «По мнению японцев, айны произошли от собаки и женщины» [Де-Воллан, 1903, с. 207]. Но пока большая часть Хоккайдо не была освоена, они мало вмешивались в жизнь большинства айнов. В этих условиях айнский язык был вполне стабилен. Он распадался на большое количество диалектов и говоров, особенно отличались друг от друга хоккайдоские и сахалинские; о диалектном членении айнского языка см. [Айнуго-хо:гэн-дзитэн, 1964; Shibatani, 1990, с. 7—10]. Имелась также наддиалектная форма языка, употреблявшаяся в эпосе. Письменности не было.

Ситуация резко изменилась после революции 1867—1868 гг.

Началась ускоренная индустриализация и вестернизация Японии. Одним из естественных процессов той эпохи была быстрая колонизация Хоккайдо. Она началась с 70-х годов XIX в. и к концу века в основном закончилась. Территория, ранее заселенная айнами, была поделена на частные владения японцев, возникали города, развивалась промышленность, прокладывались дороги. После договора 1874 г., закреплявшего принадлежность Курильских островов Японии, они также стали заселяться японцами, а после победы Японии в русско-японской войне 1904—1905 гг. к Японии перешел и Южный Сахалин, где тоже началась быстрая колонизация.

Политика по отношению к айнам в это время была достаточно жесткой. Они не имели права владеть землей и лишь получали в пользование небольшие и обычно плохие территории. Их жизнь мелочно регламентировалась, многие национальные обычаи были запрещены. Значительная часть айнов подверглась принудительным переселениям; в частности, из стратегических соображений были переселены на Хоккайдо все курильские айны, в связи с чем курильский диалект перестал существовать еще до Второй мировой войны.

Такой же жесткой была и языковая политика. Айны так и не обрели письменности. Отдельные попытки их просвещения на родном языке, предпринимавшиеся европейцами-миссионерами, не получали развития. Вместо этого айны должны были, поначалу принудительно, изучать японский язык и японскую письменность. В 1870-е годы была даже попытка открыть нечто вроде айнской школы-интерната в Токио, окончившаяся, однако, неудачей. Реально лишь в 1890-е годы стали открываться айнские школы на самом Хоккайдо. Очень долго, вплоть до 1937 г., айнские дети обучались в специальных школах с сокращенным сроком обучения и ограниченным набором предметов, при этом единственным языком обучения был японский. Лишь перед Второй мировой войной айны получили право обучаться в обычных, но, естественно, также японских школах.

В этих условиях практически всем айнам (по крайней мере мужчинам) приходилось общаться с японцами, причем единственным языком общения мог быть японский, которому айны обучались не только в школе, но и стихийно, через языковые контакты. Уже в довоенное время среднее и младшее поколения айнов практически поголовно владели японским в той или иной форме: диалектом и/или литературным языком. Несмотря на резкие антропологические различия и низкий социальный статус айнов, распространялись смешанные браки. Дети от этих браков, как и айны, жившие в городах и деревнях с преимущественно японским населением, обычно становились монолингвами, уже не владея родным языком. Таким образом, объективная ситуация вместе с языковой политикой была направлена в сторону языковой ассимиляции айнов.

После поражения Японии в войне американские оккупационные власти провели в стране ряд демократических преобразований. Среди них было и уравнивание айнов в правах с японцами. Юридически айны никак не отграничиваются от остального населения страны, что, кстати, не дает возможности точно выяснить численность айнов в Японии: соответствующий вопрос не включается в переписи. Если согласно предвоенным переписям в Японии насчитывалось около 18 тысяч айнов [Shibatani, 1990, с. 3], то сейчас имеются лишь грубые оценки, очень различающиеся между собой: от 15—17 тысяч [Peng, 1975, с. 23] до 40 тысяч (Daily Yomiuri 1985).

Казалось бы, политика в отношении айнов сменилась на диаметрально противоположную. Однако реальный ее результат в языковой области оказался тем же самым. И ранее шла ассимиляция айнов, а уравнивание их в правах только ускорило эту ассимиляцию. Изменение их юридического статуса не сопровождалось какими-либо мерами, направленными на защиту и поддержание айнского языка, так и оставшегося бесписьменным. В период послевоенной демократизации были некоторые попытки национального сплочения айнов: выдвижение собственного кандидата на пост губернатора Хоккайдо, непродолжительное издание айнской газеты на японском языке. Однако при малочисленности айнов и отсутствии поддержки со стороны японцев все это быстро сошло на нет. Для большинства же айнов господствующим было стремление к ассимиляции, дававшей им возможность повысить не только юридический, но и реальный статус.

Еще более усилило эту ассимиляцию переселение на Хоккайдо в первые послевоенные годы большинства сахалинских айнов. Они поселялись либо среди японцев, либо среди хоккайдоских айнов, с которыми ввиду расхождения диалектов они могли общаться лишь по-японски. Переселенцы с Сахалина очень быстро теряли язык.

В результате айнские диалекты, еще вполне живые в 30—40-е годы, после войны стали быстро исчезать. В середине 50-х годов под руководством Хаттори Сиро было осуществлено первое и последнее массовое исследование айнских говоров [Айнуго-хо:гэндзитэн, 1964]. Как позже говорил сам Хаттори, его участники «попали на последний автобус». Ими было описано 19 говоров: 13 хоккайдоских и 6 говоров переселенцев с Сахалина. Для большинства говоров к тому времени имелось по одному информанту, часто являвшемуся и последним их носителем. Лишь для немногих говоров можно было привлечь по два-три информанта. В большинстве информанты были людьми старшего поколения, уже не употреблявшими в быту айнский язык из-за отсутствия собеседников. Некоторых из этих информантов продолжали исследовать до 70-х годов. Отдельные лица 1910-х и даже 1920-х годов рождения, как-то владеющие айнским языком и помнящие времена, когда у них были собеседники, были живы еще в 1980-е годы, и, вероятно, кое-кто из них жив и в наши дни. Еще недавно были и люди, сохранившие знание фольклорных памятников (многие тексты успели записать в 30—50-е годы).

Айнский язык достаточно полно зафиксирован в различных его разновидностях, и он сохранен для лингвистики [Наиболее значительные работы по айнскому языку написаны в Японии, см., в частности, [Айнуго-хо:гэндзитэн, 1964; Мурасаки Кёко, 1976]; на английском языке издано описание М. Сибатани [Shibatani, 1990, с. 11—86]. По-русски имеются лишь давний словарь сахалинских диалектов [Добротворский, 1875] и интересное, но основанное на устаревших данных описание [Холодович, 1993], см. также [Алпатов, 1997]]. Но живым языком он перестал быть в течение примерно столетия. Не уцелел он и на территории бывшего СССР, хотя какая-то часть айнов, знавших свой язык, осталась на Сахалине (по-видимому, их количество первоначально исчислялось несколькими десятками). В 50—60-е годы таких айнов встречали многие и даже записывали их речь на

магнитофон. Но экспедиция Института востоковедения во главе с А. Н. Барулиным, посетившая Сахалин в августе 1978 г., не нашла там ни одного человека, владевшего айнским языком. Последний из достоверных носителей языка умер за три года до этого в доме инвалидов г. Анивы.

Итак, в Японии не смогли сохранить единственный исконный язык национального меньшинства (корейский язык в Японии, более многочисленный, пока нельзя назвать исчезающим). Ни один язык в нашей стране не исчез так быстро. Несомненно, исчезновению айнского языка способствовали быстрая индустриализация Японии, быстрое и целенаправленное заселение Хоккайдо японцами, малочисленность айнов, отсутствие массовой помощи айнской культуре со стороны японцев (европейские миссионеры, прежде всего Дж. Бэчелор, пытались что-то сделать, но их было слишком мало), многочисленные переселения, низкое национальное самосознание айнов. Милитаризм сменился демократией, ограничения айнов в правах — их юридическим уравниванием с японцами, но айнский язык продолжал исчезать и исчез.

Однако в последние десятилетия, когда айнский язык перестал быть живым, общественное отношение к нему начало меняться, как и отношение к айнской культуре в целом. Иногда такой переход связывается с движением Японии от индустриального к постиндустриальному обществу. Впрочем, первые случаи такого рода отмечаются с 30-х годов. Первый айноведа, сам айн по происхождению, Тири Масихо (1909—1961) был носителем японского языка и сознательно выучил язык своего народа как иностранный, посвятив жизнь изучению айнского языка и айнской культуры. С 70-х годов такие случаи становятся более распространенными, причем не только среди айнов, но и среди японцев. Большая роль в этом принадлежит профессору Тамура Судзуко, ученице Хаттори Сиро. В университете Васэда в Токио она уже много лет ведет курс айнского языка, пользующийся популярностью. В 1985 г. автор этой статьи присутствовал на концерте ее студентов, на котором разыгрывались пьесы разнообразного содержания, специально написанные с этой целью; в концерте участвовали студенты-японцы, айны и даже американцы. В 1985 г. айнский язык преподавался в трех японских университетах. Записанные на айнском языке тексты хранятся в фонотеке Института культуры радио- и телепередач при полугосударственной компании NHK как национальное достояние.

В последнее время отмечается и усиление выступлений айнов в защиту своих прав. В частности, довольно активны были айны в 1986 г., когда тогдашний премьер-министр Я. Накасонэ публично заявил об «отсутствии национальных меньшинств» в Японии; на многочисленных собраниях и в ряде публикаций хоккайдоские айны подчеркивали, что они считают себя особым народом и стремятся сохранить свою культуру [Арутюнов, Щебенков 1992, с. 93—94]. В этом движении существует и языковой аспект. Любопытна изданная еще в 70-е годы книга под названием «Айнский язык живет» [Пон Фути, 1976]. В книге, не отличающейся высоким научным уровнем, содержится призыв к возрождению айнского языка.

Подобные призывы, как показывает пример иврита, могут быть действительны в определенных ситуациях. Однако в Японии среди айнов и в наши дни все же скорее господствует стремление к ассимиляции. В любом случае речь может идти лишь о вторичном возрождении айнского языка, о превращении его из мертвого в живой. Естественное же функционирование этого языка уже окончательно прервано.

Литература

Примечание OCR: К сожалению, эта глава очень тяжёлая для проверки и вычитки, так что прошу прощения за возможные ошибки. В случае необходимости лучше воспользоваться сканированными копиями соответствующих листов книги.

- Абуков, 1959 — Абуков Х. Х. К вопросу о словах китайского происхождения в современном японском языке // Японский лингвистический сборник. М., 1959.
- Азербает, Изуцкивер, 1981 — Азербает Э. Г., Изуцкивер М. И. Японско-русский словарь по радиоэлектронике. М., 1981.
- Айнуго-хо:гэн-дзитэн (словарь айнских диалектов). Токио, 1964.
- Алексеев, 1932 — Алексеев В. М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., 1932.
- Алпатов, 1973 — Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.
- Алпатов, 1980 — Алпатов В. М. Система личных местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке // Теория и типология местоимений. М., 1980.
- Алпатов, 1983 — Алпатов В. М. Предисловие // Языкознание в Японии. М., 1983.
- Алпатов, 1987 — Алпатов В. М. О деятельности Объединенного института культуры радио- и телепередач при компании NHK // Вестник МГУ. Серия журналистики. 1987, № 1.
- Алпатов, Басс, Фомин, 1981 — Алпатов В. М., Басс И. К, Фомин А. И. Японское языкознание VIII—XIX вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
- Алпатов, Крючкова, 1980 — Алпатов В. М., Крючкова Т. Б. О мужском и женском вариантах современного японского языка // ВЯ. 1980, № 3.
- Алпатов В. М. Языковая политика в СССР в 20—30-е годы: утопия и реальность // Восток. 1993, № 5.
- Алпатов В. М. Айнский язык. М., 1997. (Языки мира).
- Алпатов, 2001 — Алпатов В. М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // Российское востоковедение в память о М. С. Капице. М., 2001.
- Арутюнов С. А., Шебеньков В. Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М., 1992.
- Асаи, 1978 — Асаи Синкэй. Дисуку-дзёкки:-бангуми-но котоба (Язык диск-жокеев). // БГ. 1978, № И.
- Баба, 1982 — Баба Акира. Сё:ити-но кокуго-но кё:касё-ни окэру бункэй то катарай-ни цуйтэ (О формах предложения и диалогах в учебниках для первого класса) // Фудзоку-ро:такко:-киё: (Труды вспомогательной школы для глухих). Т. 4. Цукуба, 1982.
- Балонов, Деглин, 1976 — Балонов А Я, Деглин В. А Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л., 1976.
- Бан, 1984 — Бан Норико. Гогаку-кё:ику-но нихонго то сэйкацуго-то ситэно нихонго (Японский язык в обучении и японский язык как язык повседневной жизни) // Академия № 36. Нагоя, 1984.
- Березина, 1985 — Березина Ю И. Особенности и социальные последствия научно-технического прогресса в Японии // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985.
- Брагина, Доброхотова, 1977 — Брагина Н. Н, Доброхотова Т. А. Проблема функциональной асимметрии мозга // ВФ. 1977, № 2.
- Бунтайси, 1972 — Бунтайси, гэнго-сэйкацу-си (История стилей, история языкового существования) // Ко:дза-кокуго-си (Серия книг по истории японского языка) Т. 5. Токио, 1972.
- БЯРС, 1970 — Большой японско-русский словарь. Т. I—II. М., 1970.
- Вада, 1979 — Вада Каско Нанъё-хо:гэн-ни окэру тайгу:-хё:гэн-но иккохацу (Сравнение форм вежливости в диалекте Нанъё) // Ко:ти-дзёсидай-кокубун (Женский университет Коти. Японская литература). № 15. Коти, 1979.
- Ватанабэ, 1983 — Ватанабэ Сигэру. Кандзи то ва:до-пуросэса: (Иероглифы и словопроцессоры) // Кандзи-камбун (Иероглифы и камбун). № 28. Токио, 1983.
- Гои, 1964 — Гои-кё:ику, соно найё: хо:хо: (Обучение лексике, его содержание и методы). Токио, 1964.
- Де-Воллан Г В Стране восходящего солнца. СПб., 1903.
- Дзюгаку, 1966 — Дзюгаку Акико. Дзёсэйго то кэйго (Женский язык и формы вежливости) // Кэйго-хо:-но субэтэ (Все о формах вежливости). Специальный выпуск журнала «Кокубунгаку» («Японская литература»). Токио, 1966.
- Докумэнгэсэн, 1981, 1982, 1984 — Докумэнгэ-сён-кэнкэ: (Исследования по документации). Т. 31.1981, № 9, 10; Т. 32. 1982, № 5, 10; Т. 34. 1984, № 10.
- Добротворский М. М. Айнско-русский словарь. Казань, 1875.
- Дьяконова, 1985 — Дьяконова Е М. Текст и интерпретация текста. Психология и социология чтения в Японии // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985.

- Ёкота, 1984 — Ёкота Мицуги. То:кё:ситамати-кисицу то соно котоба-си-рон. 3 (Характер токийского Ситамати и описание его словарного состава. Ч. 3) // То:кё:-сэйтоку-танки-дайгаку-киё: (Записки колледжа Сэйтоку в Токио). № 17, 1984.
- Ёсимура, 1981 — Ёсимура Юмико. До:онго-но ё:хо: (Употребление омонимов) // Нихонго то нихон-бунгаку (Японский язык и японская литература). № 1. Цукуба, 1981.
- Ёсимура, 1982 — Ёсимура Юмико. Гэндай-нихонго-ни окэру кандзи-но хё:-тэй (Оценка иероглифов в современном японском языке) // Гэнгогаку-ронсо: (Сборник статей по языкознанию). № 1. Цукуба, 1982.
- Игараси, 1982 — Игараси Сабуро:. Нихон-кё:цу:го то хоккайдо: (Японский литературный язык и Хоккайдо) // Саппоро-дайгаку-кё:ё:бу-дзёси-ти-кидайгакубу-киё: (Записки женского колледжа при педагогическом факультете университета Саппоро). № 20. 1982.
- Идэ и другие, 1984 — Идэ Сатико, Кавашри Мико. Нихон-но дзёсэйго, сэ-кай-но дзёсэйго (Женский язык в Японии, женский язык в мире) // ГС. 1984, № 3.
- Имаи, 1980 — Имаи Тадаси. Кокуго-ни окэру кандзи-но уммэй (Судьба иероглифов в японском языке) // Убэ-танки-дайгаку-гакудзюцу-хо:ко-ку (Научные доклады колледжа г. Убэ). № 16. Убэ, 1980.
- Инагаки, 1984 — Инагаки Фумио. То:ку-ни окэру дзёдзюцу-но гихо: (Техника предикации в разговоре) // Н. 1984, № 29.
- Иноуэ, 1982—Иноуэ Фумио. Хигаси-нихон-но «синхо:тэн» (Новые диалекты Восточной Японии) // Area and Culture Studies. № 32. Токио, 1982.
- Исивата, 1984 — Исивата Тосио. Гайрайго-ронсо:си (История споров о гайрайго) // ГС. 1984, № 7.
- Исии, 1983 — Исии Масако. Ко:ко:сэй-но кэйго-но тё:са (Исследование форм вежливости, употребляемых учениками полных средних школ) // Ни-хонго-кэнкю: (Исследования по японскому языку). N 6. Токио, 1983.
- Исино, 1977 — Исино Хироси. Нью:су-но кэйго (Формы вежливости в новостях) // БГ. 1977, № 5.
- Исино, 1979 — Исино Хироси. Тэрэби-ню:су-но котоба-ни цуйтэ (О языке телевизионных новостей) // БГ. 1979, № 7.
- Ито, 1984 — Ито Ёситэру. Нихонго-кё:ику-но таё.сэй (Многообразие форм обучения японскому языку) // Г. 1984, № 8.
- Кавасэ, 1984 — Кавасэ Икуо. Нихонго-кё:ику-но сё:рай (Будущее преподавания японского языка) // Г. 1984. № 8.
- Кадзику, 1983 — Кадзику Синъити. Сю:ри-хо:гэн-ню:мон (Введение в диалект Сюри) // Г. 1983, № 4.
- Канаи, 1983 — Канаи Хидэити. Сёкутё: то котоба (Профессия и язык)// Котоба-но кэнкю:. № 2. Токио, 1983.
- Канаока, 1984 — Канаока Тосико. Ко:ко:сэй-но котоба то кокуго-гакурёку (Язык и знание родного языка у учеников полной средней школы) // То:тидай-кокубун (Университет Коти. Японская литература). № 15. Коти, 1984.
- Канно, 1978 — Канно Кэн. Хо:со:-ё:го-иикаэ-но кондзюку (Настоящее и прошлое в замене лексики в передачах) // БГ. 1978, № 6.
- Канно, 1984 — Канно Кэн. Ёку мирарэтэ иру ТВ-бангуми-но котоба-но сэйкаку (Характер слов, часто встречающихся в телепередачах) // ЖК. 1984, № 6.
- Касивамура, 1983 — Касивамура Сидзуко. Кокутока-гакю:гои-ни кансуру кэнкю:. 3 (Исследование лексики курса родного языка. Ч. 3) // Гогаку-бунгаку (Языкознание и литературоведение). № 21. Саппоро, 1983.
- Катаяма, 1984 — Катаяма Асао. Симбун-ё:го то симбун-бунсё: (Газетная лексика и газетный стиль) // Симбун. 1984, № 3.
- Кёгоку, 1984 — Кёгоку Окикадзу. Фуригана-хё:ки-ни цуйтэ (О знаках фу-риганы) // Кё:лику-гакубу-киё: Сборник статей педагогического факультета). N 44. Нагано, 1984.
- Кёцугока, 1965 — Кё:цугока-но катэй. Хоккайдо:-ни окэру ояко-сандай-но котоба (Процесс стандартизации языка. Язык трех поколений на Хоккайдо). Токио, 1965.
- Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Киндайти, 1959 — Киндайти Кёхукэ. Нихон-но кэйго (Японские формы вежливости). Токио, 1959.
- Киносита, 1983 — Киносита Азюндзи. Котоба то фурусато (Язык и родина). - КЦ. 1983, № 5.
- Кодзима, 1982 — Кодзима Мотоцугу. Гайрайго-но ими (Значение гайрайго). — Онсэй, гэнго-но кэнкю: (Исследования по фонетике и языку). Вып. 2. Токио, 1982.
- Козлов, 1983 — Козлов Ю. В. Проблемы отбора научных терминов в общие японо-русские словари (на примере химической терминологии). Канд. дис. Л., 1983.

- Кондо, 1984 — Кондо: Сумио. Онна-но ко то «оннакотоба» (Девочки и «женский язык»). — ГС. 1984, № 3.
- Конрад, 1937 — Конрад К. И. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937.
- Конрад, 1945 — Конрад Н. И. О государственной латинице в Японии // Труды Московского института востоковедения. Вып. 3. М., 1945.
- Конрад, 1948 — Конрад К. И. Вопросы языка и послевоенной Японии // Вестник АН СССР. 1948, № 6.
- Конрад, 1959 — Конрад Н. И. О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М., 1959.
- Конрад, 1960 — Конрад Н. И. О литературном языке в Китае и Японии // Труды Института языкознания. Т. 10. М., 1960.
- Конрад, 1972 — Конрад Н. И. Запад и Восток. Изд. 2-е. М., 1972.
- Кора, 1971 — Ко:ра Румико. Оннакотоба-но гоби то гокан (Окончания и корни слов в женском языке) // ГС. 1971, № 11.
- Корчагина, 1984 — Корчагина Г. И. Омонимия в современном японском языке. М., 1984.
- Котоба-но, 1980 — Котоба-но кэнкю: (Исследование диалектов). Вып. 1. Токио, 1980.
- Кояно, 1979 — Кояно Тэцуо. Гэндай-нихонго-кано:-хё:гэн-но ими то гохо: (Значение и употребление выражений со значением потенциальности в современном японском языке) // О:сака-Гайкокуго-дайгаку-гакухо: (Труды Осацкого института иностранных языков). Т. 45. Осака, 1979.
- Культура, 1929 — Культура и письменность Востока. Т. IV. Баку, 1929.
- Кусакабэ, 1977 — Кусакабэ Фумио. Дзёси-но ими-тайкэй (Семантическая система частиц) // Г. 1977, № 6.
- Кэйго, 1957 — Кэйго то кэйго-исики (Формы вежливости и осознание форм вежливости). Токио, 1957.
- Кэйго, 1983 — Кэйго то кэйго-исики II. Токио, 1983.
- Латышев, 1985 — Латышев И. А. Семейная жизнь японцев. М., 1985.
- Маевский, 1985 — Маевский Е. В. Могут ли японцы говорить, как пишут, и писать, как говорят // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985.
- Масимо, 1967 — Масимо Сабуро:. Дзёсэйго-дзитэн (Словарь женских слов). Токио, 1967.
- Матин, 1984 — Ма:тин С. Нихонго-но сё:рай-ни цуйтэ (О будущем японского языка) // Кокуго-гаккай-сё:ва-годзю:кю:нэн-сюнки-тайкай-ё:си (Тезисы конференции по японскому языку. Весна 1984 г.). Токио, 1984.
- Мацумото, 1980 — Мацумото Кацуми. Нихонго-о кангаэру (Думая о японском языке) // Дзимбун-сякай-кагаку-кэнкю: (Исследования по гуманитарным и общественным наукам). № 18. Токио, 1980.
- Мацу о, 1982 — Мацуо Норико. Нихонго то нихондзин (Японский язык и японцы) // Кокубун-мэдзиро (Японская литература. Мэдзиро). № 21. Токио, 1982.
- Мисоно, 1982 — Мисоно: Ясуко. То:кё:-ни окэру гэнгоса (Языковые различия в Токио) // Кокуго-гаккай-сё:ва-годзю:ситинэн-сюнки-тайкай-ё:си (Тезисы конференции по японскому языку. Весна 1982 г.). Токио, 1982.
- Морига, 1984 — Морига Кадзу. Бё:мэй-но хэнкэн (Изменения в названиях болезней) // Гобун (Язык и литература). № 44. Осака, 1984.
- Мурасаки Кёко. Карафуту-айнуто. Токио, 1976.
- Накадзё и другие, 1983 — Накадзё: Осаму, Накада Тосио, Кигава Юкио. Ба-мэн-хэнка-ни томонау го-но торикаэ (Замена слов, сопровождающая изменение ситуации) // Дзимбун-гакухо: (Научные доклады по гуманитарным наукам). № 160. Токио, 1983.
- Накадзё и другие, 1984 — Накадзе: Осаму, Накада Тосио, Кигава Юкио. Тихо:-сё:тоси-ни окэру сякай-гэнгоакутэки-сёсэй-ни кансуру (Об образе жизни в малых городах с социолингвистической точки зрения) // То:дай-ронкю: (Исследования Токийского университета). № 21. Токио, 1984.
- Накамура, 1983 — Накамура Наоя. Нихонго-но юрэ (Колебания в японском языке) // Кокуто-но кё-си (Учитель японского языка). № 7. Осака, 1983.
- Накамура, 1984 — Накамура Наоя. Тадасий нихонго (Правильный японский язык) // Кокуто-но кё:си. № 9. Осака, 1984.
- Неверов, 1975 — Неверов С. В. Вопросы построения информационных текстов вещания на японском языке // Тезисы докладов пятой научной конференции по японской филологии ИСАА при МГУ. М., 1975.
- Неверов, 1975 — Неверов С. В. Общественно-языковая практика современной Японии. М, 1982.
- Ниситани и другие, 1977 — Ниситани Хиронобу, Канно Кэн. «Синкандзихё:» то хо:со:-ё:го («Новый список иероглифов» и слова, употребляемые в передачах) // БГ. 1977, № 6.

- Номото, 1972 — Номото Кикио. Уцукусий кэйго (Красивые формы вежливости). Токио, 1972.
- Нонокава, 1984 — Нонокава Тэрукадзу. Ё:дзики-но котоба-но кё:ику. 3 (Обучение языку маленьких детей. Ч. 3) // Кё:ику-кокуго (Японский язык в обучении). № 78. Токио, 1984.
- Нохара, 1983 — Нохара Мицүёси. Рю.кюто-сёккк-кайва (Разговоры по-рю-кюски в начальных классах) // Г. 1983, № 4.
- Обоси, 1978 — Обоси Фумико. Кими, боку, кун, сан // Гэккан-дзицүё: гэн-дай-кокуго (Ежемесячник живого современного языка). 1978, № 2.
- Огино, 1982 — Огино Цунао. Кэйго-сиё:-кара мита кикитэ-но итидзукэ-но тагисэй (Мнозначность установления ранга собеседника, проявляемая в употреблении форм вежливости) // Кокуго-гаккай-сё:-ва-годзю:ситинэнсюнки-тайкай-ё:си (Тезисы конференции по японскому языку. Весна 1982 г.). Токио, 1982.
- Огино, 1983 — Огино Цунао. Яманотэ то ситамати-ни окэру кэйго-сиё:-но тигаи (Различие в употреблении форм вежливости в Яманотэ и Сита-мати) // ГК. 1983, № 84.
- Оиси, 1977 — О:иси Хацутаро:. Гэндай-но кэйго (Современные формы вежливости) // БГ. 1977, № 12.
- Оки, 1980 — Оки Хироко. Кё:цу:го то хо:гэн-но сэккаку (Специально о литературном языке и диалектах) // Котоба-но кэнкю:. Вып. 1. Токио, 1980.
- Окуяма, 1983 — Окуяма Масуро:. Кэйго-но сэйё: то гоё: (Правильное и неправильное употребление форм вежливости) // Г. 1983, № 3.
- Отакэ, 1984 — Отакэ Нобуко. Дайгакусэй-но кэйго-исики то кэйго-сэйкацу (Осознание существования форм вежливости и употребление их студентами) // Нихон-бунгаку (Японская литература). № 52. Токио, 1984.
- Охаси, 1984 — О:хаси Сумико. Ханасикотоба-но хонъяку-ни цуйтэ (О переводе разговорных слов) // Со:го:-бунка-кэнкю:дзё-киё: (Бюллетень Института комплексного изучения культуры). Т. 1. Киото, 1984.
- Поливанов, 1917 — Поливанов Е. Д. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. Пг., 1917.
- Пон, 1976 — Пон Футы. Айнуго ва икитэ иру (Айнский язык живет). Токио, 1976.
- Попов, 1971 — Попов К. А. Языковая политика правящих кругов Японии во время второй мировой войны // Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1971.
- Раздорский, 1981 — Раздорский А И. Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге. Канд. дис. М., 1981.
- Сайто, 1971 — Сайто Хидэнори. Канамадзирибун-но мондзирэцу (Последовательность знаков при письме иероглифами и каной). Language Discourse Proceedings. № 8. Токио, 1971.
- Сакамото, 1983 — Сакамото Кэндзо \ Нитидзе:-но котоба то кагаку-но ко-тоба (Повседневный язык и научный язык) // КЦ. 1983, № 5.
- Сатакэ, 1984 — Сатакэ Кунико. Дзисё-ни миру дзёсэйкэн ([Отражение] женского видения мира в словарях) // ГС. 1984, № 3.
- Сиба, 1974 — Сиба Мотоити. Гэндайго-но дзинсё:-даймэйси-ни цуйтэ (О личных местоимениях в современном языке) // Кэйрёжокугоаку (Вычислительное японское языкознание). № 70. Токио, 1974.
- Сибата, 1957 — Сибата Такэси. «О»-но цуку го, цуканай го (Слова, присоединяющие и не присоединяющие о-) // ГС. № 70, 1957.
- Сибата, 1965 — Сибата Такэси. Котоба-но сьякайгу (Социология языка). NHK-буккусу. № 22. Токио, 1965.
- Сибата, 1983 — Сибата Такэси. Исследование языкового существования в течение 24 часов // Языкознание в Японии. М., 1983.
- Сибата, 1984 — Сибата Такэси. «Нихонго-сайхаккэн»-сайсюниацу (Возобновление [передачи] «Новое открытие японского языка») // Г. 1984, №2.
- Симидзу, 1983 — Симидзу Мидори. Ё:дзи-но хо:гэн-сиё:-ни кансүру кэйкю: (Исследование использования диалекта маленькими детьми) // Коку-бункэнкю: то кё:ику (Исследования по японской литературе и воспитание). № 6. Нара, 1983.
- Сугито, 1983 — Сугито Миеко. Нагасакиэн-миэмура-ни окэру Порива:но-фу (Поливанов в деревне Миэ префектуры Нагасаки) // О:сака-сё:ин-дзесидайгаку-ронсю: (Труды женского колледжа Осака-сёин). № 20. Осака, 1983.
- Сугито и другие, 1984 — Сугито Миёко, Оку мура Аяко. Оя-но хо.гэн-аку-сэнтю-га кодомо-но акусэн-токата-но хацува-ни атаэру эйкё: (Влияние, оказываемое диалектной акцентуацией родителей на акцентное произношение детей) // О:сака-сё:ин-дзеси-дайгаку-ронсю:. № 21, 1984.

- Судзуки, 1983 — Судзуки Такао. Гэнго-кансё:-кара мита кокусай-эйго, ни-хонго-но эйгока, эйго-но нихонгока (Международный английский язык с точки зрения языкового вмешательства, англоизация японского языка и японизация английского языка) // Кэйо:-дайгаку-гэнго-бунгаку-кэнкю:-дзё-киё: (Записки НИИ языка и литературы при университете Кэйо). № 15. Токио, 1983.
- Сыромятников, 1965 — Сыромятников К. А. Становление новояпонского языка. М., 1965.
- Сыромятников, 1978 — Сыромятников Н. А. Развитие новояпонского языка. М., 1978.
- Сыромятников, 1982 — Сыромятников К. А. Факультативность в текстах на современном японском языке (публицистика, языкознание, хрестоматии по родному языку) // Восточное языкознание. Факультативность. М., 1982.
- Танака, 1977 — Татка Акио. Буммацу, ку:мацу-но хё:гэн то гохо: (Выражение и форма конца предложения) // Нихонго-нихон-бунка (Японский язык и японская культура). № 6. Осака, 1977.
- Танака, 1984 — Танака Норико. Нихонго-но нака-но «катакана-эйго» («Ка-таканный английский» внутри японского языка) // ГС. 1984, № 8.
- Тани, 1981 — Тани Сумиэ. Гэндайго-ни окэру «аната» (Местоимение «ана-та» в современном языке) // Амэрика-канада-дзю:ити-дайгаку-рэнго:-нихон-кэнкю:=-сэнта: (Объединенный центр японских исследований при 11 университетах США и Канады). № 4. Стэнфорд, 1981.
- Тиики, 1974 — Тиики-сякай-но гэнго-сэйкацу (Языковое существование в местном обществе). Токио, 1974.
- Токиэда, 1983 — Токиэда Мотоки. Принципы японского языкознания // Языкознание в Японии. М., 1983.
- Томура, 1984 — Томура Ко:ити. Нихонго-но сайсо:дзо:-о (Воссоздать японский язык) // ГС. 1984, № 7.
- Умэдзу, 1983 — Умэдзу Акио. Кандзи-сиё:-ни кансуру тё.са-кэнкю: (Обследование и изучение употребления иероглифов) // Бунгэй-гэнго-кэн-кю: (Исследования по литературе и языку). N 8. Цукуба, 1983.
- Уно, 1977 — Уно Ёсиката. Сякай-сэйкацу то кэйго (Общественная жизнь и формы вежливости) // Гэккан-дзишюё:-гэндай-кокуто. 1977, № 11.
- Уно, 1981 — Уно Сэйити. Дзё:ё:-кандзи-хё: (Таблица «дзёё-кандзи»). Канд-зи-камбун. 1981, № 26.
- Уно, 1984 — Уно Ёсиката. (Рец. на:) Кэйго то кэйго-исики И.// ГС. 1984, №1.
- Ура, 1972 — Ура Томоко. Нихонго-ни окэру гайрайго-но гэнго-о тадзунэтэ (К вопросу о подязыке гайрайго в японском языке) // Гэнгогаку-рон-со: (Сборник статей по языкознанию). N 12. Токио, 1972.
- Фельдман, 1977 — Фельдман Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. Изд. 2-е. М., 1977.
- Фирсов, 1985 — Фирсов Б. М. Средства массовой коммуникации Японии в контексте распространения культуры и информации // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985.
- Фуругори, Сакаи, 1984 а — Фуругори Тэйдзи, Сакаи Кунихидэ. Рикакэй-дайгаку-соцугё:сэй-ни миру эйго-но хицуёхэй то дайгаку-но эйго-кё:-ику (Необходимость знания английского языка и обучение английскому языку с точки зрения выпускников технических вузов) // Дэн-ки-цу:син-дайгаку-дзё:хо: (Доклады Института электричества и связи). Т. 34, № 2. Тёфу, 1984.
- Фуругори, Сакаи, 1984 б — Фуругори Тэйдзи, Сакаи Кунихидэ. Кигё:-ни окэру эйго-но хицуё.сэй то дайгаку-но эйго-кё:-ику (Необходимость знания английского языка для работы в фирме и обучение английскому языку) // Дэнки-цу:син-дайгаку-дзё:хо: Т. 34, № 1. Тёфу, 1984.
- Фурута, 1982 — Фурута Тобаку. «Кото» то йу: котоба (Слово «кого»)// Ко:сиигата. № 27. Фукуока, 1982.
- Хаякава, 1982 — Хаякава Кацухиро:. Ё:дзи-гэнго-ни окэру тагобун-данкайно ко:сацу (Исследование стадии многословных предложений в детской речи) // Гакудай-кокубун (Педагогический институт. Японская филология). № 25. Осака, 1982.
- Хаяси, 1984 — Хаяси О:ки. Ниттю:-минкан-дзинкайги то мондзи-мондай (Японско-китайские неправительственные конференции и проблемы письменности) // ГС. 1984, № 12.
- Хаята и другие, 1984 — Хаята Тэрухиро, Дзинноуши Масагака. Хаката-хо:-гэн-мэйси-акусэнтё-но нэндайса (Возрастные различия, проявляющиеся в акцентуации имен в диалекте Хакаты) // Бунгаку-кэнкю: (Исследования литературы). № 81. Фукуока, 1984.
- Хинаго, 1961 — Хинаго Таро:. Иваюру ё:тиэн котоба (Так называемый детсадовский язык) // ГС. 1961, № 4.
- Хиросуэ, 1984 — Хиросуэ Хадзимэ. Кодомо то гайрайго (Дети и гайрайго) // ГС. 1984, № 8.
- Хиросэ, 1982 — Хиросэ Мичуо. Хоньякуто то гайрайго (Кальки и гайрайго) // Сэйсэн-дайгаку-бунгакубу-киё: (Записки филологического факультета университета Сэйсэн). № 18. Токио, 1982.

- Холодович, 1937 — Холодович А. А. Синтаксис японского военного языка (язык военной документации). М., 1937.
- Холодович, 1979 — Холодович А. А. Грамматические категории уважительности в современном японском языке // Японское языкознание. М., 1979.
- Холодович А. А. Айнский язык // Языки Азии и Африки. Т. V. М., 1993.
- Хонго, 1983 — Хонго: Акими. Анкэто-тё:са-хо:коку, дзёси-ко:ко:сэй то коку-го (Обследование с помощью анкет. Ученицы полной средней школы и японский язык) // Котоба (Язык). № 4. Токио, 1983.
- Хонда, 1984 — Хонда Ёсихико. Дайгакусэй-но кандзирёку-ни цуйтэ (О том, как студенты знают иероглифы) // Кю:сю:-о:тани-кэнкю:-киё: (Сборник исследовательских статей университета Кюсю-Отани). № 10. Ку-мамото, 1984.
- Хосоно, 1983 — Хосоно Тэцуо. Кё:цу:то:-но фукю: (Распространение литературного языка) // Котоба-но кэнкю: (Изучение языка). № 2. Нагано, 1983.
- Цудзимура, 1967 — Цудзимура Тосики. Гэндай-но кэйго (Современные формы вежливости). Токио, 1967.
- Цунода, 1978 — Цунода Таданобу. Нихондзин-но но: (Мозг японцев). Токио, 1978.
- Чугров, 1985 — Чугров С. В. Стереотипы в общественном сознании Японии // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985.
- Эгава, 1973 — Эгава Киёси. Цуруокаси-ни окэру гэнго-сэйкацу-тё:са-2 (Второе исследование языкового существования в г. Цуруока) // Language Discourse Proceedings. № 12. Токио, 1973.
- Эндо, 1985 — Эндо: Ориэ. Ватаси-но нэнгадзё:-дзо: (Облик моих новогодних открыток) // ГС. 1985, № 1.
- Якобсон, 1985 — Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
- Ямада, 1984 а — Ямада Азюн. Таро: мо ёмэнакатта (И Таро не мог читать) // Докусё-кагаку (Наука чтения и письма). № 109. Токио, 1984.
- Ямада, 1984б — Ямада Масахару. Нихонго то кокусай-ко:рю: (Японский язык и международный обмен) // Г. 1984, № 8.
- Ямадзакэ и другие, 1984 — Ямадзакэ Кэйити, Ёсии Хироаки. Кайва-но дзюм-бантори-сисутэму (Установление иерархии в разговоре) // Г. 1984, № 7.
- Ямамото, 1983, 1984 — Ямамото Минору. Ханасикотоба-ни окэру «корэру», «дэрэру», «мирэру» («Корэру», «дэрэру», «мирэру» в разговорном языке) // Кокубунгаку-ронсю: (Сборник статей по японской литературе). Кофу. № 21, 1983; № 22, 1984.
- Bulletin, 1984 — Bulletin of the ICU Summer Program in Japanese. Vol. 1. International Christian University. Tokyo, 1984.
- Chinen, 1983 — Chinen H. Some Modern Japanese Loanwords. With Special Reference to Connotations // ГК. 1983, № 83. Daily Yomiuri. 07.04.1985.
- Galinski, 1983 — Galinski C. Observations on Terminology in Japan // Journal of the International Network for Terminology. 1983, № 7.
- Grootaers, Shibata, 1982 — Grootaers W. A. (with T. Shibata). Dialectology and Sociolinguistics: a General Survey* // Lingua. Vol. 57. No 2—4. 1982.
- Harada, 1966 — Harada Tetsuo. Outlines of Modern Japanese Linguistics. Tokyo, 1966.
- Hayashi Reiko. Hierarchical Interdependence Expressed through Conversational Styles in Japanese Women's magazines // Discourse & Society, v. 8, No 2, July 1997.
- Hinds, 1982 — Hinds J. Ellipsis in Japanese. Edmonton, 1982.
- Henna Nobuyuki. English in Japanese Society: Language within Language // Multilingual Japan. Clevedon—Philadelphia—Adelaide, 1995.
- Horiuchi, 1963 — Horiuchi A. Department Store Ads and Japanized English // Studies in Descriptive and Applied Linguistics. Vol. II. Tokyo, 1963.
- Ide, 1982 — Ide S. Japanese Sociolinguistics' Politeness and Women's Language //Lingua. Vol. 57. No 2—4. 1982.
- Jespersen, 1946 — Jespersen O. Language, its Nature, Development and Origin. L., 1946.
- Katsumata, 1954 — Katsumata S. Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary. Third edition. Tokyo, 1954.
- Kitaoka Kinyoshi. Affect and Letter-writing: Unconventional Conventions in Casual Writing by Young Japanese Writing // Ethnology. V. XXVI. No 1. 1997.
- Kindaichi, 1978 — Kindaichi H. The Japanese Language. Tokyo, 1978. Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary. Ed. by Masuda K. Tokyo, 1978.
- Loveday E. J. Language Contact in Japan. A Sociolinguistic History. Oxford,

- 1996. Makino, 1979 — Makino S. Sexual Differentiation in Written Discourses // P JL. Vol. 6. 1979.
- Masuda, 1974 — Masuda K. Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary. Fourth edition. Tokyo, 1974.
- Miller, 1967 — Miller R. A. The Japanese Language. Chicago—London, 1967.
- Miller, 1977 — Miller R. A. The Japanese Language in Contemporary Japan. Some Sociolinguistic Observations. Washington—Stanford, 1977.
- Miller, 1982 — Miller R. A. Japan's Modern Myth. The Language and Beyond. New York—Tokyo, 1982.
- Miura, 1979 — Miura A. English Loanwords in Japanese. A Selection. Tokyo, 1979.
- Mizutani, 1981 — Mizutani O. Japanese: the Spoken Language in Japanese Life. Tokyo, 1981.
- Neustupny, 1978 — Neustupny J. V. Post-structural Approaches to Languages (Language Theory in a Japanese Context). Tokyo, 1978.
- NHK, 1972 — NHK-со:го:-хо:сш;-бунка-кэнкю:дзё (Объединенный институт культуры передач). Токио, 1972.
- Ohso, 1983 — Ohso M. Invitation, Polite Order, Personal Request and Begging // P JL. Vol. 9. 1983.
- Park, 1982 — Park W. Aspects contrastifs du japonais et du coreen. Stockholm, 1982.
- Peng, 1975 — Peng F. C. C Sociolinguistics Today: In Lieu of an Introduction // Language in Japanese Society. Tokyo, 1975.
- Romanization, 1977 — The Romanization of Japanese Writing: Herburn vs Kunrei System Controversies. Tokyo, 1977.
- Sakurai, 1984 — Sakurai M. On the Vocabulary and Kinship Terminology of the Imperial Family of Japan // Language Sciences. , Vol. 6, № 1. Tokyo, 1984.
- Schneider, 1981 — Schneider D. ?. Teaching a Living Language // Studies in Descriptive and Applied Linguistics. Vol. XV. Tokyo, 1981.
- Seward, 1968 — Seward J. Japanese in Action. New York—Tokyo, 1968.
- Shibata, 1975 — Shibata T. On Some Problems in Japanese Sociolinguistics: Reflection and Project // Language in Japanese Society. Tokyo, 1975. Shibatani M. The Languages of Japan.
- Cambridge, 1990. Shibamoto J. S Japanese Women's Language. Orlando—San Diego—New York-Tokyo, 1985.
- Stanlaw J. «For Beautiful Human Life»: the Use of English in Japan // Re-Made in Japan. Everyday Life and Consumer Taste in a Changing Society. New Haven—London, 1992.
- Suzuki, 1975 — Suzuki T. On the Twofold Phonetic Realization of Basiz Concepts: in Defense of Chinese Characters in Japanese // Language in Japanese Society. Tokyo, 1975.
- Suzuki, 1978 — Suzuki T. Japanese and the Japanese. Tokyo—New York—San
- Francisco, 1978. Suzuki, 1987 — Suzuki T. Internationalization and Language // Japan Times. 09.02.1987.
- Suzuki Takao. Reflections on Japanese Language and Culture. Tokyo, 1987. Tanaka Keiko. «Intelligent Elegance» Women in Japanese Advertising // Unwrapping Japan. Society and Culture in Anthropological Perspective. Manchester, 1990.

Японские периодические издания

Журналы

БГ	Бункэн-гэппо: (Библиографический ежемесячник)
Г	Гэнго (Язык)
ГК	Гэнго-кэнкю: (Исследования языка)
ГС	Гэнко-сэйкацу (Языковое существование)
Гэккан	Гэккан. Дзицуёг-гэндай-кокуго (Современный реальный японский язык)
К	Кана-но хикари (Свет каны)
КК	Кокусай корю (Международный обмен)
КЦ	Кокуго-цу:син (Языковая коммуникация)
Н	ННК-нэмпо: (Ежегодник ННК)
Симбун	Симбун-кэнкю: (Исследования газет)
ХБ	Хо:со:-бунка (Культуры передач)
ХК	Хо:со:-кэнкю: то тё:са (Изучение и обследование передач)
ТВТ	Tokyo Business Today
W	Winds

Газеты

- Акахата
  - Асахи-симбун
  - Иомиури-симбун
  - Asahi Evening News
  - Daily Yomiuri
  - Japan Times
  - Mainichi Daily News
-